

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

91

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ ЮГА СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

91

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ ЮГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1962

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*
Зам ответственного редактора — кандидат исторических наук *П. А. Раппопорт*

Члены редколлегии:

*Е. А. Векилова, Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Е. И. Крупнов, А. Ф. Медведев,
Н. Я. Мерперт, Т. Г. Оболдуева (отв. секретарь), Д. Б. Шелов и секретари
секторов ИА АН СССР*

I. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

В. М. МАССОН

ВОСТОЧНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ УБЕЙДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Когда более полувека назад научная общественность впервые получила возможность широко ознакомиться с культурой Анау, этой культуре были склонны приписывать некое исключительное значение прародины древнейших цивилизаций Ближнего Востока. Лишь с новыми археологическими открытиями в Месопотамии в 20-х годах XX в. начала постепенно намечаться подлинная роль раннеземледельческой культуры Южного Туркменистана в истории Древнего Востока. Однако сравнительно бедный и ограниченный материал, опубликованный экспедицией Р. Пампелли, затруднял исследование этого вопроса, и до настоящего времени, например, в западноевропейской и американской литературе отсутствует правильное представление о месте культуры типа Анау среди других культур этого круга. Полученный в ходе работ последних лет в Южном Туркменистане большой новый материал позволяет вновь поднять этот важный вопрос¹.

В настоящем сообщении будет рассмотрен лишь один из аспектов обширной проблемы — параллели, которые как будто можно наметить между раннеземледельческой культурой Южного Туркменистана, с одной стороны, и археологическим комплексом Месопотамии, получившим наименование Убейда или убейдской культуры, — с другой. Эти параллели отмечаются в Южном Туркменистане для двух различных, хотя и следующих друг за другом отрезков времени.

Первый период — раннего Намазга II, когда в Южном Туркменистане отчетливо выступает различие между материальной культурой западных (Анау, Кара-депе, Намазга-депе) и восточных (Илгынылы у Чаача, Геоксюрские поселения) памятников. В этот период на памятниках восточной группы распространена расписная керамика трех видов. Наиболее многочисленна местная посуда так называемого ялангачского типа с простым орнаментом из четырех полос вдоль венчика чаш и горшков или треугольных шевронов на корчагах. Сравнительно реже встречается посуда с прекрасной полихромной росписью, изготовлявшаяся обитателями западной группы поселений и, вероятно, отсюда попадавшая в Геоксюрский оазис. Третья группа представлена посудой с одноцветной, обычно темно-коричневой росписью по зеленовато-белому, иногда розоватому фону; среди форм — чаши, но особенно характерны высокие банковидные сосуды.

¹ Основная публикация нового материала дана в Трудах ЮТАКЭ, т. VII, 1956; т. X, 1961. См. также статьи В. М. Массона (СА, 1957, № 1; ВДИ, 1957, № 1, КСИИМК, вып. 73, 1959; Известия АН ТуркмССР, 1960, № 1 и 2), И. Н. Хлопина (Известия АН ТуркмССР, 1958, № 1; КСИИМК, вып. 76, 1959; СЭ, 1960, № 5), В. И. Сариниди (КСИИМК, вып. 76, 1959; СА, 1959, № 2 и 3). Краткая сводка этих работ см. М. Е. М а s s o n, V. M. M a s s o n. Archaeological cultures of Central Asia of the Aeneolithic and Bronze Age. Cahiers d'histoire mondiale, 1959, N 1.

Первоначально эта посуда была найдена в 5-м слое поселения Геокюр 1², но теперь она обнаружена и на трех других поселениях Геокюрского оазиса³, не оставляя сомнения в том, что перед нами — не случайное явление, а вполне определенная закономерность.

В. И. Сариниди, впервые столкнувшийся с этой керамикой, отметил, что она составляет особую группу. Действительно, по мотивам орнаментации и по композиции росписи она существенно отличается от посуды с полихромной росписью типа Намазга II. Особенно следует подчеркнуть специфический мотив — ряды ромбов, заполненных косой штриховкой. Не характерна для южнотуркменистанской керамики времени Намазга II, — будь то памятники западного или восточного районов, — и банковидная форма сосудов.

Между тем эта необычная для Южного Туркменистана группа расписной керамики находит аналогии в материалах памятников убейдской культуры (рис. 1). Так, на сосудах из убейдских слоев Гавры известен орнамент из ряда ромбов с косой штриховкой⁴. Здесь же мы видим сетку из равнобедренных треугольников, образованную перекрещиванием прямых и косых линий⁵. Особенно близка геокюрской убейдская керамика Северной Сирии, где орнамент из рядов ромбов с косой штриховкой нанесен на сосуды, форма которых также сходна с геокюрской⁶. Следует отметить, что этот мотив (ряды ромбов) распространен и на посуде южноубейдских памятников⁷, заполнение же ромбов косой штриховкой отмечено лишь в Северном Убейде (Гавра, Аму́к). Посуда с аналогичной росписью из комплекса Сялк II⁸ как бы образует связующее звено между североубейдскими памятниками и геокюрской керамикой.

В тот же период раннего Намазга II и в том же Геокюрском оазисе мы встречаем новые явления в области архитектуры, которые, так же как и роспись рассмотренной выше глиняной посуды, не связываются с местными традициями, — это возникновение круглых в плане строений. В пору Намазга I, как показали раскопки Яссы-депе у Каахка⁹ и Дашлыджи-депе (Геокюр 8) в Геокюрском оазисе¹⁰, такие строения не встречались на

² В. И. Сариниди. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау. СА, 1960, № 3, стр. 144.

³ Это Муллали-депе (Геокюр 4), Ялангач-депе (Геокюр 3) и Акча-депе (Геокюр 2). См. В. И. Сариниди. Раскопки поселений Геокюрского оазиса. ДТММ, Ашхабад, 1962; И. Н. Хлопин. Раскопки Ялангач-депе и Муллали-депе. Там же.

⁴ A. J. Tobler. Excavations at tere Gawra, v. II, Philadelphia, 1950, табл. LXXI, 4, 9; 14 (слой Гавра XVIII); табл. LXXIV, b, 2 (слой Гавра XVII).

⁵ Там же, табл. LXX, a, 24 (слой Гавра XIX).

⁶ R. J. Braidwood, L. S. Braidwood. Excavations in the plain of Antioch I. The Earlier assemblages, phases A—J. Oriental Institute Publications, v. LXI, Chicago, 1960, стр. 192, рис. 149—170, 42 (фаза Аму́к E).

⁷ A. L. Perkins. Comparative archaeology of Early Mesopotamia. Studies in Ancient Oriental Civilization, N 25, Chicago, 1957, рис. 10, 13 (ромб со сплошной заливкой). Часто встречаются в росписи керамики Южного Убейда и ромбы, заполненные сеткой. См. L. Woolley. Ur excavations, v. IV. The Early periods. Philadelphia, 1955, табл. 50; A. Nöldeke. Vierter vorläufiger Bericht über die von der Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft in Uruk unternommenen Ausgrabungen. Abhandlungen der Preussischen Academie der Wissenschaften, N 6, Berlin, 1932, табл. 18, A. Возможно, семантический ряд ромбов восходит к депочке бегущих птиц с ромбическим туловом. Черепок с изображением таких птиц был найден А. Стейном в Маламире (A. Stein. Old routes of Western Iran. London, 1940, табл. III, 16).

⁸ R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, v. I, Paris, 1938, табл. XLVIII, C, 5, 18; табл. XLIX, C, 9. Особенно близок геокюрским венчик толстостенного сосуда, опубликованный Р. Гиршманом (табл. LI, C, 5). Отметим, что после полной публикации материалов Гавры вызывает сомнение синхронизация Д. Мак-Кауном Сялка II с Халафом (D. McCown. Comparative stratigraphy of Early Iran. Studies in Ancient Oriental Civilization, N 23, Chicago, 1942, табл. II). Видимо, по крайней мере, поздний Сялк II одновременно раннему Убейду Гавры.

⁹ Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ. Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 274—276.

¹⁰ И. Н. Хлопин. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана. Труды ЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1961.

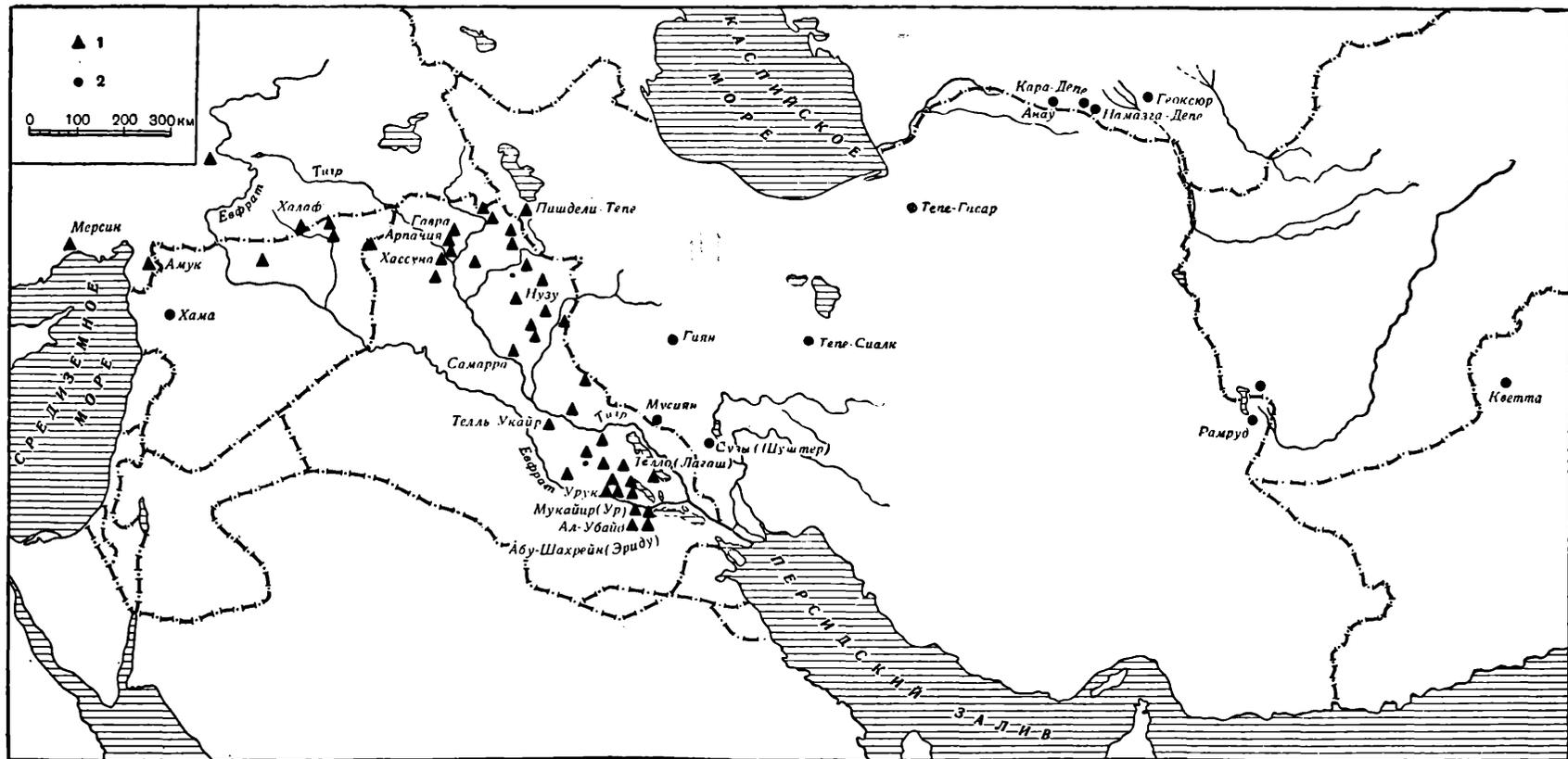

Рис. 1. Карта распространения памятников убейдской культуры.

1 — памятники убейдской культуры; 2 — прочие памятники.

поселениях ранних земледельцев Южного Туркменистана. Особенно показательны в этом отношении раскопки Дашлыджи-депе, где вскрыты три строительных горизонта, и ни в одном из них не оказалось круглых домов, которые появляются в Геоксюрском оазисе в период непосредственно после времени существования Дашлыджи-депе.

Круглые дома занимают различное положение на поселениях времени раннего Намазга II. Некоторые из них включены в периметр обводной стены, охватывавшей территорию небольших поселков. Внутренний диаметр домов — от 3,1 до 4,5 м. Характер культурного слоя и внутренние очаги заставляют предполагать, что перед нами — обычные жилые помещения. Четыре таких строения открыты на Ялангач-депе (Геоксюр 3) и пять — на Муллали-депе (Геоксюр 4)¹¹. Но вместе с тем и на Ялангач-депе, и на Муллали-депе среди прочих строений в черте ограды обнаружено по одному круглому дому. На Ялангач-депе дом (диаметром около 6 м) заполнен красной, обгорелой землей и кусками обожженного кирпича. Диаметр круглого дома на Муллали-депе — 4 м, стены его — толщиной около 1 м, внутри часть дома отделена стенкой из сырцового кирпича¹². Примечательно, что и на третьем раскапывавшемся поселении этого времени — Акча-депе (Геоксюр 2), где внешняя ограда, видимо, была иного устройства, чем на Ялангач-депе и Муллали-депе, в самом центре поселения также обнаружено круглое в плане строение, раскопки которого пока не завершены¹³. Если круглые дома, включенные в ограду поселений, можно рассматривать как жилые помещения, то в отношении круглых домов, расположенных внутри ограды в каждом случае по одному на поселение, а на Акча-депе даже в самом центре его, — можно предполагать, что они имели какое-то особое назначение.

Эти круглые дома находят прямые аналогии в материале Северного Убейда, где они восходят к еще более ранней домостроительной традиции. В раннеубейдской Гавре в слое XVII открыты два круглых дома — «южный толос» диаметром 4,25 м и «северный толос» диаметром 4,5 м. Стены этих строений тонкие — толщиной 0,3 м¹⁴. Проход, ведущий в «северный толос», фланкирован двумя небольшими стенками. Хотя в самих толосах не найдены материалы, свидетельствовавшие о назначении строений, их положение в определенной части поселения весьма примечательно. Здесь в более древних XVIII и XIX слоях находились прямоугольные святилища с целой стандартной для Месопотамии плана, который известен и в Эриду, и в целом ряде других поселений. Как полагают исследователи, этот участок Гавры традиционно был местом религиозных построек. Если это так, можно со значительными основаниями предположить особую функциональную роль круглых домов XVII слоя, где они расположены, как и круглые дома геоксюрских поселений, рядом с обычными жилыми прямоугольными помещениями¹⁵. Существенно, что на этом же участке Гавры вскрыт еще один слой (XX), относящийся уже не к Убейду, а к позднему Халафу. Место святилищ XVIII и XIX слоев здесь занимал круглый дом диаметром около 5,25 м¹⁶. Это служит, помимо прочего, ярким примером халафских традиций Северного Убейда. Из построек халафской культуры лучше всего известны круглые дома или толосы, открытые при раскопках Арпачи.

¹¹ И. Н. Хлопин. Раскопки Ялангач-депе и Муллали-депе...

¹² Там же.

¹³ В. И. Сараниди. Раскопки поселений Геоксюрского оазиса... Кроме того, в 1960 г. при разведочных раскопках на поселении Геоксюр 7, относящемся также ко времени раннего Намазга II, было открыто круглое строение, но его место в общей планировке поселка до продолжения раскопок остается неясным.

¹⁴ A. J. Tobler. Указ. соч., стр. 42, 43; табл. XVIII, табл. XLII, b.

¹⁵ A. J. Tobler. Указ. соч., стр. 43; A. L. Perkins. Указ. соч. стр. 66.

¹⁶ A. J. Tobler. Указ. соч., стр. 47, табл. XLV.

Всего на Арпачие расчищены 10 толосов, причем шесть из них находились на главном холме поселения, занимая, особенно в последний период, центральное место на памятнике. Два толоса (диаметр — 5,5 и 5,6 м) открыты в десятом слое, один (диаметр — 5,5 м) — в девятом слое, один (диаметр — 6,5 м) — в восьмом слое и два толоса такой же величины — в седьмом, причем один из последних построен над остатками более раннего аналогичного сооружения. Четыре толоса открыты в окрестностях главного холма, где они также относятся к разным слоям. У более поздних строений (восьмого и седьмого слоев) есть длинная прямоугольная комната, служащая в качестве преддверия¹⁷.

Так же как и в круглых домах Гавры, в толосах Арпачии не найдено каких-либо изделий, свидетельствующих об их функциональном назначении, но большинство исследователей полагает, что перед нами, вероятнее всего, — остатки каких-то святилищ или построек культового характера¹⁸. Особенно важно, что толосы Арпачии занимали центральное положение на поселении. Приводившиеся выше данные стратиграфии Гавры тоже как будто свидетельствовали в пользу подобного заключения. А. Л. Перкинс не без оснований полагает, что «горны» Кархемиша, по плану и размерам весьма близкие толосам Арпачии, можно считать сооружениями аналогичного характера¹⁹.

Однако возведение круглых домов имеет в Северной Месопотамии еще более глубокие, дохалафские традиции. В Хассуне в одном из нижних слоев (слой 1с) открыто овальное в плане строение диаметром до 5,5 м. Внутри от внешней стены отходят небольшие отрезки стен (как в толосах Гавры). Ф. Сафар отмечает, что по характеру культурного слоя это явно жилое строение²⁰.

Для глинобитной, а тем более сырцовой архитектуры возведение строений, округлых в плане, — явление необычное. Более соответствуют возможностям строительного материала (прямоугольный сырцовый кирпич) постройки прямоугольных очертаний. Они составляют основную массу домов и в Хассуне, и в Гавре, и на поселениях Геоксюрского оазиса. Следует полагать, что сам тип круглого дома восходит к более ранним, «досырцовым» постройкам, к овальной в плане землянке. В древнейшем Иерихоне, т. е. в «дохассунский» период, мы видим сырцовые дома, сначала овальные в плане, и лишь позднее они сменяются прямоугольными²¹. Можно допустить, что если первоначально овальные глинобитные дома сосуществовали с прямоугольными (Хассуна?), то позднее круглая планировка сохранилась лишь для тех построек, где она стала своеобразной священной традицией (Халаф, ранний Убейд). Можно напомнить, что аналогичное явление отмечено у индейцев пуэбло, у которых, наряду с прямоугольными домами из сырца, было круглое полуподземное святилище — кива, чей план восходит еще к древнейшим землянкам. Нельзя ли видеть в толосах Арпачии и Гавры аналогичные святилища, принадлежавшие или родовому, или

¹⁷ M. E. Mallévan, J. C. Rose. Prehistoric Assiria. The excavations at Tall Arpachyah, 1933. London, 1935, стр. 25—32.

¹⁸ M. E. Mallévan, J. C. Rose. Указ. соч., стр. 32; A. L. Perkins. Указ. соч., стр. 39, 40; A. Parrot. Archéologie mesopotamienne. Technique et problèmes. Paris, 1953, стр. 155. Г. Чайлд писал, что можно теоретически предположить использование толосов Арпачии в качестве кладовых или амбаров (см. Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 177). Странно, однако, что из всех построек амбары делались наиболее фундаментально (на фундаменте из бутового камня), занимали центр поселения, и что в каждом из слоев было лишь по одному или по два таких «амбара».

¹⁹ A. L. Perkins. Указ. соч., стр. 41.

²⁰ S. Lloyd, F. Safer. Tell Hassuna. JNES, 1945, N 4, стр. 272; рис. 28.

²¹ К. Келуоп. Earliest Jericho. «Antiquity», 1959, N 129, стр. 5, 6. Сейчас установлено, что круглые дома Иерихона восходят к овальным жилищам натуфийского периода. См. J. Perrot. Excavations at Eynan (Ein Mallaha). Israel Exploitation Journal, 1960, v. 10, N 1, стр. 22.

большесемейному коллективу? Последнее могло бы объяснить, почему иногда в одном слое встречается несколько подобных строений.

Как же в свете подобных сопоставлений следует рассматривать круглые дома Геоксюрского оазиса? Местная архитектурная традиция для них неизвестна. С другой стороны, аналогичные постройки в Северной Месопотамии известны, начиная с Хассуны и кончая ранним Убейдом. Естественно считать, что появление этих специфических строений в Южном Туркменистане — результат иностранных, точнее, — северомесопотамских, влияний. Круглые дома внутри поселения, встреченные по одному на Ялангач-депе, Муллали-депе и Акча-депе, вероятно всего, как и их северомесопотамские двойники, были сооружениями особого назначения. Однако этот тип построек использован геоксюрцами значительно шире — их включали в периметр обводной стены, где они, оставаясь жилыми, могли играть роль примитивных башен²². С этой точки зрения, круглое строение было надежнее традиционной для Геоксюрского оазиса прямоугольной постройки, углы которой можно легко разрушить.

Время раннего Намазга II, к которому относятся отмеченные выше аналогии, может быть определено ориентировочно как середина IV тысячелетия до н. э., поскольку смена комплексов позднего Намазга II комплексом раннего Намазга III датирована радиоуглеродным анализом 2750 (± 220) г. до н. э. Южный Убейд в наиболее ранних слоях Урука датирован 4015 (± 160) г. до н. э.²³, в то время как Северный Убейд отнесен к 3446 (± 325) г. до н. э.²⁴ Таким образом, определяется и известная хронологическая обоснованность предлагавшихся выше сопоставлений.

Второй период в истории Южного Туркменистана, когда намечаются известные параллели с убейдской культурой, приходится на время позднего Намазга II — раннего Намазга III, т. е. в хронологическом отношении на конец IV — начало III тысячелетий до н. э. В этот период на западной группе поселений распространяется керамика с изображением барсов, козлов и других животных и птиц, а на восточных поселениях, в том числе и в Геоксюрском оазисе, повсеместно входит в употребление посуда так называемого геоксюрского стиля с двухцветной росписью и преобладанием среди узоров фигур крестов, полукрестов и пилообразных линий. Для нашей темы особо интересна терракотовая скульптура, образцы которой известны по раскопкам Геоксура и Кара-депе²⁵.

В пору раннего Намазга II в Геоксюрском оазисе были распространены фигурки женщин, сидящих с вытянутыми ногами; плечи и руки обычно не изображались, центральное место в верхней части торса занимали массивные груди. Прекрасным образцом таких фигурок служит статуэтка с Ялангач-депе. В период позднего Намазга II — раннего Намазга III поза статуэток остается той же, но теперь изображаются фигурки с широкими прямоугольными плечами и опущенными вниз короткими отрезками рук. На плечах и на спине часто бывают многочисленные овальные налепы. Типична в этом отношении одна из кара-депинских статуэток. Подобные налепы встречаются и на торсах фигурок из Геоксюрского оазиса. Особенно интересна одна из них с изображением у груди человеческой фигурки, видимо, — младенца.

Эти иконографические «новшества» найдут известное объяснение, если мы обратимся к коропластике убейдской культуры.

²² И. Н. Хлопин. Раскопки Ялангач-депе и Муллали-депе...

²³ K. O. Münnich. Heidelberg natural radiocarbon measurements. «Science», CXXXVI, 1957, стр. 198.

²⁴ W. F. Libby. Radiocarbon dating. Chicago, 1955, стр. 82, 83. Эта дата относится к Гавре XVIII или XVII, т. е. определяет ранний Убейд севера.

²⁵ В. И. Сариянди. Энеолитическое поселение Геоксюр. Труды ЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1961; В. М. Массен. Кара-депе у Артыка (в свете раскопок 1955—1957 гг.). Там же.

Таковы прежде всего хорошо известные убейдские фигурки из Ура²⁶. Мы находим у них утрированно прямоугольные плечи и овальные налесты на плечах; встречено здесь и изображение кормящей матери. Иногда налесты на плечах заменялись точками, сделанными краской. Находки в Ал-Убейде²⁷, Уруке²⁸, Телло²⁹ показывают, что статуэтки Ура типичны для Южного Убейда.

Нельзя не отметить и существенных различий в мелкой скульптуре Убейда и Южного Туркменистана. Фигурки Убейда — стоящие, в то время как фигурки из Геоксюра и Кара-депе изображены сидящими, с вытянутыми вперед ногами (старая местная традиция!). Руки на убейдских скульптурах сложены под грудью, а на южнотуркменистанских мы видим лишь короткие обрубки, опущенные вниз. Все эти обстоятельства позволяют считать, что при сохранении местных традиций в трактовке женского божества южнотуркменистанские скульпторы испытали иконографическое влияние Убейда. Это сказалось и в подквадратных формах плеч, ранее здесь так не изображавшихся, и в возникновении на торсах точечных налестов, и, возможно, в появлении фигурок «кормящей матери». Следует подчеркнуть, что речь должна идти о влиянии лишь со стороны южного варианта убейдской культуры — памятников, распространенных в Южной Месопотамии на территории исторического Шумера. В Северном Убейде изображения иные: женщины с полными, отвисшими грудями, сидящие с согнутыми в коленях ногами — образ, сложившийся еще в пору существования халафской культуры³⁰.

Однако аналогии с материалами убейдской культуры не ограничиваются одними женскими статуэтками. На Кара-депе в слоях раннего Намазга III обнаружено терракотовое изображение стоящего мужчины с тяжелыми подквадратными плечами, длинной узкой бородой, разделенной на две пряди, и цилиндрическим туловом, чуть расширяющимся к основанию. Аналогию этому изображению мы находим в терракотовой фигурке из убейдских слоев Урука³¹. Правда, она значительно стройнее приземистой скульптуры с Кара-депе, отсутствует коса на спине и борода была короткой, а не длинной, но в целом значительное сходство налицо. При этом нужно отметить следующую деталь. На статуэтке с Кара-депе у нижней части бороды заметен странный, на первый взгляд, косо идущий налест. На урукской фигурке краской изображена перевязь, идущая через левое плечо, что, кстати, весьма характерно для убейдской скульптуры Урука. В данном случае, как и на примере с женскими изображениями, перед нами — образец иконографического воздействия убейдских терракот. Более того, поскольку на Кара-депе известны фигурки мужчин, изображенных, видимо, в подражание женским фигуркам, в сидячей позе, с вытянутыми вперед ногами³², — возможно, и сам образец стоящего человека навеян южномесопотамскими прототипами.

Таковы некоторые археологические материалы, характеризующие, кажется, проникновение влияния убейдской культуры на территорию Южного Туркменистана. Влияния эти, как уже отмечалось, связаны с двумя хронологическими периодами. Первый из них, приходящийся на IV

²⁶ L. Woolley. Указ. соч., стр. 12, табл. 20.

²⁷ H. R. Hall, C. L. Woolley. Al-Ubaid. London, 1927, табл. XLVIII, 369, 405, 407.

²⁸ J. Jordan. Dritter vorläufiger Bericht über die von der Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft in Uruk unternommenen Ausgrabungen. Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, N 2, Berlin, 1932, табл. 21.

²⁹ H. de Genouillac. Fouilles de Telloh I. Paris, 1934, табл. 12, 1, 4a, 6.

³⁰ A. J. Tobler. Указ. соч., стр. 162, табл. LXXXI и CLIII. Ср. халафские фигурки: M. von Oppenheim. Tell Halaf. Bd. I, Berlin, 1943, стр. 99—101, табл. CV; M. E. Mallowan, J. C. Rose. Указ. соч., стр. 81, 82, рис. 45.

³¹ J. Jordan. Указ. соч., табл. 21 («Männliche Tonfiguren»).

³² В. М. Массон. Кара-депе у Артыка..., табл. XIII, 11—14. Эти фигурки появляются в слоях позднего Намазга II и быстро схематизируются.

тысячелетие до н. э., отражает уже отмеченное в ближневосточной археологии сильное воздействие со стороны Убеида на культуру многих племенных групп.

Подлинной родиной убейдской культуры, несомненно, была Южная Месопотамия, позднейший Шумер. Здесь, в Эриду, открыты наиболее ранние комплексы Убеида³³, отражающие начало колонизации оседлыми земледельцами плодородных земель в низовьях Тигра и Евфрата. Это начало, видимо, относится еще ко второй половине V тысячелетия до н. э., когда в Северной Месопотамии складывалась устойчивая племенная общность, представленная в археологических материалах халафской культурой. По целому ряду признаков (тип расписной керамики, обряд погребения, мелкая скульптура) можно заключить, что эти пионеры освоения Южного Двуречья были выходцами из Юго-Западного Ирана, принадлежа к той же культурной общности, что и племена, оставившие культуру древнейших Суз (Сузы А) в Хузистане и Тали-Бакуна в Фарсе³⁴.

Вскоре земледельческие общины Южного Двуречья, видимо, благодаря развитию ирригационного земледелия и высокой урожайности полей, достигают большого развития в области материальной культуры и, надо полагать, общественных отношений. Как показали раскопки в Эриду, уже в убейдский период центрами поселений становятся монументальные храмы на высоких платформах³⁵. Возможно, что монументальные постройки были в то время и в Уруке³⁶. С этой поры отмечается интенсивное влияние убейдской культуры на север Месопотамии, где на основе этого влияния и частичного сохранения халафских традиций складывается северный вариант убейдской культуры, лучше всего представленный раскопками Гавры. Показательно более позднее (по сравнению с югом) распространение культуры Убеида в Северной Месопотамии. Так, раннеубейдский материал севера (Гавра XIX—XVIII) соответствует позднему на юге (Эриду VIII—VI)³⁷. Приводившиеся выше результаты радиоуглеродного анализа также показывают позднее распространение убейдской культуры на севере (Гавра XVIII—XVII — 3446 г. до н. э.) по сравнению с югом (низ Урука — 4015 г. до н. э.). Это обстоятельство, по-видимому, отражает факт постепенного проникновения убейдской культуры на север и ассимиляции ею северомесопотамского Халафа.

Как показывают археологические материалы, сфера воздействия убейдской культуры не ограничивается Северной Месопотамией. В Северной Сирии Р. Брейдвудом отмечено существование местного, — как он его пред-

³³ S. Lloyd, F. Safar. Eridu. «Sumer», III, 1947; «Sumer», IV, 1948; «Sumer», VI, 1950.

³⁴ Это, кстати, было отмечено уже первыми исследователями Убеида. См. R. Campbell-Thompson. The British Museum excavations at Abu Shahrein in Mesopotamia in 1918. «Archaeologia», LXX, London, 1920, стр. 118. На новых материалах этот вопрос наиболее обстоятельно рассмотрен Д. Мак-Кауном (см. D. McCown. Указ. соч., стр. 36—39). Сейчас в Сузиане открыты комплексы, более ранние, чем Сузы (L. Le Breton. Note sur la céramique peinte aux environs de Suse et à Suse. Mémoires de la Mission archéologique en Iran, t. XXX, Paris, 1947). Один из этих комплексов обнаруживает близкие связи с ранним Убейдом Южной Месопотамии; см. L. Le Breton. The Early periods at Susa. «Iraq», XIX, part 2, стр. 88.

³⁵ Следует оговориться, что представление о носителях культуры Убеида как обитателях примитивных тростниковых хижин, широко распространенное в литературе вплоть до последнего времени (см., например, C. L. Woolley. Excavations at Ur. London, 1955, стр. 22), не соответствует действительности. Оно основано на результатах раскопок 1923—1924 гг. в Ал-Убейде, когда там в траншее размером 30×4 м были обнаружены остатки камышевой плетенки с глиняной обмазкой. Однако здесь же найден и сырцовый кирпич. Уже в древнейших слоях Эриду известны постройки из сырцового кирпича. Об этом же свидетельствует и материал убейдских слоев Урука-Варки. Постройки из тростника, возможно, подсобного назначения («Sumer», VI, 1950, стр. 30), существовали в пору Убеида наряду с прочными глинобитными домами, остатки которых, надо полагать, остались незамеченными в ал-убейдской траншее.

³⁶ A. L. Perkins. Указ. соч., стр. 89.

³⁷ Там же, стр. 94—96.

лагает называть, — северо-западного варианта убейдской расписной керамики³⁸. Эта керамика известна и в Мерсине³⁹, и в Хама⁴⁰, а судя по последним данным, она достигает района Малатья и Турции⁴¹. Видимо, какой-то местный вариант (или местная культура, испытавшая сильное воздействие Убеида) выявлен и в Северо-Западном Иране, где соответствующие слои поселений к югу от озера Урмия датированы 3500 (\pm 160) г. до н. э.⁴²

В этой связи особенно показательно, что аналогии между южнотуркменистанскими и убейдскими материалами приходится на северный вариант убейдской культуры. Как уже отмечалось, между северным и южным вариантами наблюдаются существенные различия. Они отражаются во многих культурных явлениях и связаны в первую очередь с наличием в Северном Убеиде сильных традиций местной доубейдской (халафской) культуры. Мы видели, что терракотовые фигурки женщин Северного Убеида сохраняют старый, халафский облик. Далее, если в убейдских погребениях юга покойники обычно лежали в вытянутом положении на спине (некрополь Эриду, могилы Ур-Убеид II в Уре), то для севера характерны скорченные захоронения (убейдские могилы Гавры и Арпачии). Вытянутые захоронения Южной Месопотамии находят прямые параллели в погребальных обрядах Элама (Сузы А, Мусиян), тогда как в обряде скорченных захоронений Северного Убеида продолжают местные традиции халафского (Арпачия, Гавра) и хассунского (Хассуна, Самарра) периодов. Отметим, что в этом отношении Центральный Иран (Сиалк, Гисар) и Южный Туркменистан примыкают к этой северомесопотамской традиции, отличной от традиционных обрядов Элама и Южного Двуречья. Наконец, различия отмечаются даже в размерах сырцового кирпича: в Южном Двуречье он небольшой величины (Эриду — $28 \times 23 \times 6$ см, $23 \times 13 \times 6$ см, $27 \times 21 \times 6$ см; Урук — $27 \times 14 \times 7$ см, $24 \times 12 \times 7$ см), на севере же кирпич более массивный (Гавра — $36 \times 18 \times 9$ см, $48 \times 24 \times 10$ см, $56 \times 28 \times 14$ см), соответствуя в этом отношении сырцовому кирпичу Сиалка и Южного Туркменистана ($38 \times 24 \times 10$ см, $48 \times 24 \times 10$ см, $50 \times 25 \times 12$ см).

Все это свидетельствует об известной общности раннеземледельческих племен Южного Туркменистана, Северного Ирана и Северной Месопотамии. Видимо, не случайно в этих географических пределах наблюдается близость расписной керамики ранних периодов (Хассуна, Сиалк I и Анау I). Когда в первой половине IV тысячелетия до н. э. быстрый прогресс убейдской культуры Южного Двуречья привел к усилению ее воздействия на соседей, это влияние в первую очередь сказалось в Северной Месопотамии, а затем достигло Сиро-Киликии и Северо-Западного Ирана. В весьма ослабленной форме воздействие Северного Убеида коснулось племен Юго-Восточной Туркмении, где появляются круглые дома и своеобразная группа расписной керамики (ни то, ни другое, кстати, пока не отмечено в районе Анау — Намазга-депе). К сожалению, пока трудно с уверенностью судить, сопровождалось ли это влияние инфильтрацией в Геоксюрский оазис каких-либо иноплеменных групп. Вообще, с исторической точки зрения, причины широкого распространения убейдской культуры, носителей которой есть все основания считать, если не шумерами, то протошумера-

³⁸ R. J. Braidwood, L. S. Braidwood. Указ. соч., стр. 511, 512.

³⁹ J. Garstang. Prehistoric Mersin. Oxford, 1953, стр. 159—166.

⁴⁰ H. Ingholt. Rapport préliminaire sur sept campagnes de fouilles à Hama en Syrie. København, 1940, стр. 15.

⁴¹ R. J. Braidwood, L. S. Braidwood. Указ. соч., стр. 511, № 85.

⁴² R. H. Dyson, T. C. Young. The Solduz Valley, Iran: Pisdeli Tepe. «Antiquity», 1960, N 133, стр. 19—26. Впервые культура этого типа открыта у озера Урмия еще до работ американской экспедиции (см. A. Stein. Old routes of Western Iran. London, 1940, табл. XXIII). Д. Мак-Каун отмечал, что материал А. Стейна близок традициям Гияна V, C или D (D. M. C. Cowen. Указ. соч., стр. 49).

ми,— пока не получили объяснения. Связано ли с распространением на север Месопотамии убейдской культуры проникновение протошумерских племен в местную (хурритскую) этническую среду, или нет,— этот вопрос требует специальных изысканий.

Вторая хронологическая группа «убейдских параллелей» связывает Южный Туркменистан с областями Южного Двуречья. Изучение расписной керамики, погребального обряда и антропологических материалов позволяет установить проникновение в конце IV — начале III тысячелетия до н. э. в Южный Туркменистан каких-то племенных групп из района Сиалка — Гисара, вошедших в состав местного населения и вскоре им ассимилированных⁴³. В свою очередь эти племена,— во всяком случае, в районе Сиалка,— испытали сильное воздействие эламской культуры. Видимо, с появлением этих племенных групп следует связывать и наличие «убейдских традиций» (через эламское посредство?) в коропластике Южного Туркменистана. Эти поздние отзвуки далеких южных веяний достигли северо-восточной окраины раннеземледельческого массива Древнего Востока спустя несколько столетий после расцвета соответствующей культуры в Двуречье. Г. Чайлд с полным основанием отмечал, что поздние фазы северного варианта культуры Убеида в хронологическом отношении соответствуют на юге уже следующему, урукскому периоду⁴⁴. «Убейдские традиции» в мелкой скульптуре Южного Туркменистана, отделенного от Месопотамии более чем двумя тысячами километров, проявляются,— если верны предлагаемые датировки, опирающиеся на сравнительно-археологический и радиоуглеродный анализ,— в то время, когда в Шумере урукский период уже сменяется периодом Джемдет-наср.

Изложенные выше материалы и соображения позволяют сформулировать два вывода:

1) культурные влияния в IV тысячелетии до н. э. шли из Двуречья в области Южного Туркменистана, с юго-запада на северо-восток, а отнюдь не в обратном направлении; 2) отмечается определенное «запаздывание» культурных явлений в областях, периферийных по отношению к Шумеру, становящемуся в IV тысячелетии до н. э. центром интенсивного развития культуры, хозяйства и общественных отношений.

Имеющийся материал свидетельствует о том, что более замедленный темп развития земледельческих общин северо-востока сказывался и в области производства. Так, в литературе хорошо известны убейдские серпы в виде изогнутой глиняной основы с кремневыми вкладышами. Между тем, в Геоксюрском оазисе в IV тысячелетии до н. э. были в употреблении серпы с прямой основой⁴⁵, т. е. архаические жатвенные ножи, характерные еще для Джейтуна, Сиалка I и натуфийского мезолита. В Месопотамии и Юго-Западном Иране уже в IV тысячелетии до н. э. были распространены двухъярусные горны для обжига посуды⁴⁶. В Геоксюрском же оазисе, даже в конце IV — начале III тысячелетия до н. э. существовали лишь примитивные керамические печи, где топка расположена рядом с обжигательной камерой⁴⁷. Медленное развитие производительных сил у раннеземледельческих общин Южного Туркменистана обуславливало архаизацию

⁴³ В. М. М а с с о н. Кара-депе у Артыка..., стр. 378—383.

⁴⁴ Г. Ч а й л д. Древнейший Восток..., стр. 189.

⁴⁵ Г. Ф. К о р о б к о в а. Функциональный анализ кремневых и костяных изделий поры энеолита. ДТММ, Ашхабад, 1962.

⁴⁶ См. печи Тали-Бакуна (A. Langsdorff, D. McCown. Tall-i-Bakun A. Oriental Institute Publications, v. LIX, Chicago, 1942, стр. 6, 7) и Гавры XVI (A. J. Tobler. Указ. соч., стр. 41, табл. XLII, a). Печь Гавры идентична тали-бакунскому горну, но, кроме того, у нее сохранился под обжигательной камерой с отверстиями для тока горячего воздуха.

⁴⁷ Одна такая печь раскопана на поселении Геоксюр 1, другая — на Акча-депе (Геоксюр 2). См. В. И. С а р и а н и д и. Раскопки поселений Геоксюрского оазиса...

культуры и, как есть основания полагать⁴⁸, общественных отношений. Неравномерность исторического развития на Древнем Востоке выступает в данном случае особенно ярко и определенно.

Приложение

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА В. М. МАССОНА

В обсуждении доклада приняли участие В. И. Сариниди, Т. С. Пассек и С. В. Киселев.

В. И. Сариниди отметил большие достижения в области изучения культуры крашеной керамики в Южной Туркмении. Он подчеркнул, что Джейтун — это единственный ранний памятник, раскопанный такой большой площадью. Остановившись на вопросе о домостроительстве, В. И. Сариниди указал, что традиция однокомнатного дома с пристройками прослеживается на следующем хронологическом этапе — время Анау I, на памятниках Геоксюрского оазиса — Дашлыджи-депе, Ялангач-депе. Коснувшись вопроса о круглых помещениях, В. И. Сариниди счел возможным различать культовую и гражданскую архитектуру на поселениях.

Т. С. Пассек в своем выступлении подчеркнула важность выяснения общей планировки Джейтуна. Прямоугольные дома — жилища парных семей — известны в ранних слоях Каранова. Т. С. Пассек указала, что в Фес-салии есть круглые дома из камня, поэтому вряд ли обязательно связывать круглые дома с землянками и видеть в этом ранний этап домостроительства.

С. В. Киселев говорил о замечательных результатах экспедиции, руководимой В. М. Массоном, о большом значении и важности проделанной работы. Он отметил, что проблемы расписной керамики еще долго будут стоять в центре внимания. Целый ряд элементов росписи находит широкие аналогии в отдельных областях. Рассеченный крест может быть и не связанным с мотивом креста вообще. Изучение всех элементов орнамента в пределах строго исторической реальности и датировочных рамок еще только начинается, и, конечно, В. М. Массон посвятит этому вопросу специальное исследование. Очень интересны связи в ранней росписи по линии Халаф — Самарра — Сиалк — Джейтун.

С. В. Киселев остановился также на тезисе докладчика об отставании южнотуркменских культур с начала появления ирригационного земледелия. Тезис этот верен в том отношении, что применение искусственного орошения в земледелии дает своего рода импульс для развития новых социальных отношений, вплоть до государственности. Для каждого района характерны свои, исторически сложившиеся экономические условия развития, возникающие благодаря возможности применения металлургии, разведения домашних животных, культивации растений и пр. Районы, в которых нет этого комплекса во всей полноте, неизбежно отстают. Дальнейшее развитие культур крашеной керамики показывает, что часть местного населения с его традициями существовала здесь длительное время — отголоски традиции расписной керамики в Шурабашате.

Касаюсь вопроса о глиняных статуэтках, С. В. Киселев подчеркнул важность выяснения местных специфических черт, их хронологической эволюции; при этом он отметил, что вряд ли можно говорить об их портретности (в смысле выражения этнического типа).

В. И. Марковин

⁴⁸ В. М. Массон. Новые раскопки на Джейтуне и Кара-депе. (К эволюции жилых домов у раннеземледельческих племен). СА, 1962, № 2.

И. Н. ХЛОПИН

ИЗОБРАЖЕНИЕ КРЕСТА В ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ
КУЛЬТУРАХ ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ

В 1955—1957 гг. XIV отряд ЮТАКЭ проводил большие стационарные раскопки на холме Кара-депе у Артыка¹. В результате этих работ обнаружено большое количество предметов, характеризующих различные стороны жизни древних земледельческих племен подгорной полосы Копетдага рубежа IV и III тысячелетий до н. э. Среди разнохарактерных вещей было несколько предметов, имеющих немаловажное значение и для изучения некоторых сторон духовной жизни этих племен, и для установления черт общности материальной культуры племен с расписной керамикой на Переднем Востоке.

Первый предмет — глиняный, в форме прямоугольника, сторона которого равна 40 мм; в одном из углов — сквозное отверстие. Орнамент был нанесен по сырой глине еще до обжига; он состоит из вдавленных треугольников, по шесть с каждой стороны. Внутри этой фигуры врезанными линиями образован вписанный ромб, в который заключен мальтийский крест (рис. 2—1).

Второй предмет изготовлен из мягкого камня в виде равнобедренного треугольника высотой 35 мм; в его вершине — сквозное отверстие. Вдоль боковых сторон вырезано по пять треугольников, а в центре — уступчатая пирамида, опирающаяся на основание треугольника (рис. 2—2).

Третий предмет сделан из гипса; по форме он такой же, как и первый. Поверхность покрыта геометрическим орнаментом из врезанных линий, образующих крестообразную фигуру (рис. 2—3). В одном из углов — сквозное отверстие.

Кроме этих трех предметов, которые, судя по отверстиям, служили своеобразными амулетами, на Кара-депе и синхронном ему поселении Геоксюр 1 было найдено несколько керамических веретенных напярсел, на нижней стороне которых сохранились небрежные изображения креста (рис. 2—4—7)².

Изображение креста или крестообразных фигур на различных предметах неизменно сопутствует культуре древних земледельцев Южной Туркмении на протяжении почти всех этапов ее развития.

Исключение составляют лишь ранние фазы — Джейтун, Анау I А и раннее Намазга I.

¹ В. М. Массон. Кара-депе у Артыка. Труды ЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1961; И. Н. Хлопин. Верхний слой Кара-депе. КСИИМК, вып. 76, 1956, стр. 42—49.

² В. М. Массон. Указ. соч., табл. XIV, 10, 12; В. И. Сарияниди. Энеолитическое поселение Геоксюр. Труды ЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1961, табл. XIII, 8, 11.

Наиболее древнее изображение креста отмечено на сосуде из Дашлыджи-депе; оно было нанесено изнутри, на дне. Лучи креста заканчиваются круглыми каплями (рис. 3—1)³.

С периода Намазга II всю территорию Южной Туркмении можно разделить на несколько районов. В настоящей работе в столь дробном делении нет необходимости; поэтому область, которая была заселена древними земледельцами, мы делим на северные предгорья Копет-дага (западный и центральный районы) и восточные предгорья с Геокюрским оазисом. Характер росписи на посуде в этих районах различен, что относится и к изображению креста.

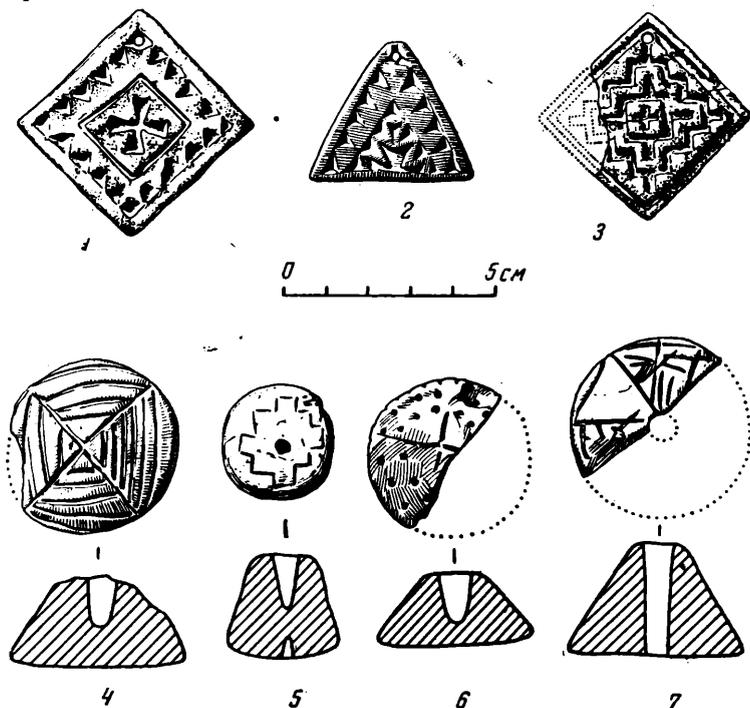

Рис. 2. Амулеты (1—3) и веретенные напрясла (4—7) с изображением креста.

В восточной группе памятников (Илгылы-депе) и в Геокюрском оазисе, для керамики которых характерна богатая и своеобразная полихромная роспись, одним из преобладающих мотивов орнамента было изображение креста, известное в нескольких вариантах: 1) мальтийский контурный крест, заполненный красной или лиловой краской, который в чередовании с другими элементами геометрического орнамента образует фриз, опоясывающий сосуд (рис. 3—2); 2) мальтийский крест с короткими лучами высотой во всю ширину фриза; внутреннее пространство креста заполнено четырьмя равнобедренными треугольниками, покрытыми сеткой, которые примыкают вершинами к углам ромба, помещенного в центре фигуры (рис. 3—3); 3) крест с треугольными выступами между его лучами (рис. 3—4) и 4) контурный крест, вписанный в ромб (рис. 3—5). В западной группе памятников мы знаем немного примеров этого типа орнамента; наиболее яркий из них — крест на сосуде из четвертого слоя Кара-депе и из северного холма Анау, образованный четырьмя заштрихованными прямоугольными треугольниками с сомкнутыми вершинами (рис. 3—7), и крестообразная

³ И. Н. Хлопин. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана. Труды ЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1961, табл. II, 7.

фигура на сосуде из Намазга-депе — ромб с внутренней частью, не заполненной краской (рис. 3—6).

В этот же период в основном для восточной группы памятников характерно распадение ранее целого изображения креста на фигуры, которые условно можно назвать «полукрест» и «четвертькрест». Одновременно наблюдается интенсивное проникновение этих и некоторых других мотивов росписи на сосудах (рис. 3—3, 5) в западном направлении вплоть до

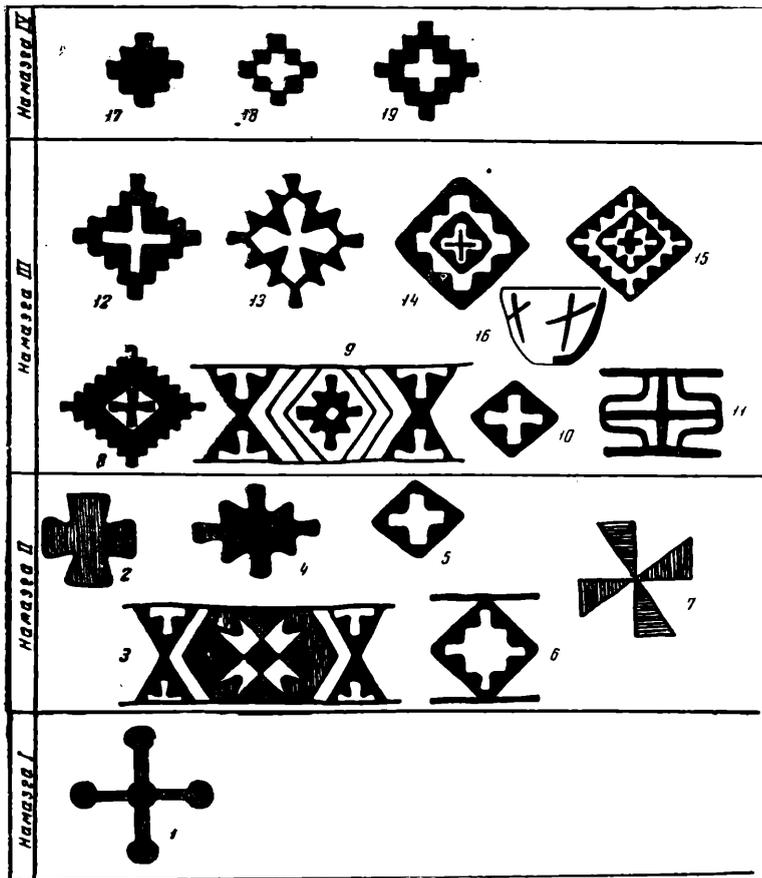

Рис. 3. Изображение креста на керамике из Южной Туркмении (1—19).

Кара-депе у Артыка. Здесь они чаще всего встречаются в слоях времени раннего Намазга III. К этому же периоду относится очень своеобразный рисунок креста (рис. 3—11), который входит составным элементом в орнаментальную композицию на сосуде. Кроме того, на нескольких небольших сосудах встречено повторяющееся изображение креста без каких-либо других узоров, нанесенное небрежными мазками (рис. 3—16).

В период развитого Намазга III характерно изменение стиля орнаментации сосудов: преобладают различные сочетания зубчатых линий, треугольников, кругов, появляются в большом количестве изображения животных и птиц. Но все же сохраняется несколько видов крестообразного рисунка; часть из них явно восходит к традиции Намазга II (рис. 3—9, 10), а часть знаменует рождение нового стиля — узор образован различными сочетаниями зубчатых линий. Он характерен и для восточного (рис. 3—8), и западного вариантов культуры с расписной керамикой (рис. 3—13—15). Интересно, что крест выделяется уже из орнаментального покрытия

сосуда в целом и включается в количестве одного изображения (может быть, и нескольких) в состав фриза с идущими животными (рис. 3—12). В этом же периоде впервые отмечено появление изображения врезанной крестообразной фигуры в качестве самостоятельного символа на венчиках нерасписных корчаг и на предметах, рассмотренных нами выше.

В период Намазга IV орнамент становится более сухим и однообразным, что в равной степени относится и к изображениям крестообразных фигур, которые как бы составлены из многочисленных мелких квадратов; в центре их во многих случаях остается не залитая краской часть ангоба в виде креста. Они не составляют самостоятельного мотива, а заключены в ромбы, образованные перекрещенными линиями (рис. 3—17—19). Это последний период, когда посуда украшается узорами с изображением креста. Период Намазга V характеризуется уже широким внедрением в производство керамики гончарного круга, с применением которого исчезает роспись на посуде.

На основании краткого обзора эволюции изображения креста на керамике можно прийти к выводу, что это не просто один из мотивов орнамента, а какой-то определенный символ. С помещением символических знаков на предметах мы встречаемся в Шумере и Сузах. В Уре на сосудах убейдского периода часто изображался полумесяц⁴, а впоследствии главным покровителем этого города становится бог луны Наннар; в Джемдетнастре был найден сосуд с нарисованной на нем пятияконечной звездой — шумерийской идеограммой, служившей для обозначения «божества»⁵.

Изображения магического характера известны на керамике из многих древних поселений — из Суз I (A)⁶, Халафа⁷, Сялка III, 2—7⁸, Гисара I B и I C⁹ и других; к сожалению, еще не все они поддаются убедительной расшифровке. Однако часть символов имеет более или менее определенное значение. К ним относятся четырех-шестилучевая звезда или круг, обведенный прерывистой линией, помещенные либо в завитке рогов козла, либо отдельными элементами орнамента, и один раз — с изображениями людей [Сялак III, 2—7 и Гисар I B и I C]; концентрические круги, широко распространенные среди орнаментальных мотивов культуры расписной керамики Южной Туркмении и восходящие к рисунку круга с точкой посередине, от которого отходят 12—14 лучей. Все эти узоры с большой долей вероятности можно считать за изображение солнца, тем более что культ солнца был основным или одним из основных культов у многих земледельческих племен наряду с культом земли и сил плодородия; свидетельством последнего служит большое количество женских статуэток — символов плодоносящей матери-земли.

Несколько по-иному обстоит дело с мотивом креста, который в процессе развития приобретает разные формы. Все такие изображения на сосудах времени Намазга I—IV можно разделить на несколько групп. К первой относятся те, которые входят составной частью в орнаментальное покрытие сосуда. Это в первую очередь геоксюрский крест (рис. 3—3) и его модуляции (рис. 3—9), которые для культур Южной Туркмении можно считать привнесенным мотивом росписи¹⁰. Во-вторых, — мальтийский крест,

⁴ L. Woolley. Excavations of Ur, 1929—1930. The Antiquaries Journal, v. X, 1930, табл. XLV.

⁵ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 209.

⁶ E. Pottier. Etude historique et chronologique sur les vases peints de l'acropole de Juse. MDP, t. XIII, стр. 28—59, рис. 129, 132, 176—178.

⁷ M. von Oppenheim. Tell Halaf, Bd. I. Berlin, 1943, стр. 37, 38, табл. LII, 1, i—9; табл. LIII, 2; табл. LXV, 5.

⁸ R. Ghirshman. Fouilles de tépé Sialk près de Kashan. Paris, 1938, табл. LXXV—LXXXIII.

⁹ E. Schmidt. Tepe Hissar excavations, 1931. The Museum Journal, v. XXIII, N 4, табл. LXXXVII—LXXXIX.

¹⁰ A. Parrot. Archéologie mesopotamienne. Technique et problèmes. Paris, 1953, стр. 206.

времени круглые каменные печати больше не встречаются, а квадратные каменные с изображением креста (рис. 4—7) сосуществуют с медными.

Аналогичные пронизки-амулеты и крестообразные печати известны на обширной территории, включая и Южную Туркмению. О проникновении их за пределы областей, занятых памятниками древних земледельцев (с расписной керамикой), в частности, на территорию Средней Азии, можно судить по материалам могильника Заман-баба в низовьях Зарешана²¹. Там сочетается гончарная расписная посуда времени позднего Намазга IV и грубая лепная посуда, принадлежавшая, по-видимому, местному населению. Среди могильного инвентаря были пронизки, находящие полную аналогию в Гисаре периода III B (рис. 4—13). Находки из Заман-бабы позволяют поставить вопрос, если не о проникновении групп людей из Южной Туркмении (а может быть, даже из Северо-Восточного Ирана) на север на рубеже III и II тысячелетий до н. э., то, во всяком случае, об интенсивном влиянии на эти области со стороны земледельческих племен, для культуры которых характерна расписная керамика.

На поселении Мундигак-тепе, находящемся в Южном Афганистане, севернее Кандагара, известны находки крестообразных медных печатей (рис. 4—6)²². Шестой (снизу) слой этого памятника датирован при помощи радиоуглеродного анализа 2625 (± 300) г. до н. э.; это позволяет отнести одиннадцатый слой, в котором найдены печати, ко времени около первой половины II тысячелетия до н. э. и тем самым считать их синхронными периодам Намазга V—VI вв. Южной Туркмении.

Единичные каменные квадратные печати с просверленным выступом на тыльной стороне, на которые нанесено изображение креста, известны из верхнего слоя Мохенджо-даро, относящегося к позднехарап্পскому времени²³. Одну из них (рис. 4—8) можно с большим основанием поставить рядом с печатью, происходящей из слоя III B Гисара (рис. 4—7); другая (рис. 4—9) весьма интересна еще тем, что ее лицевая сторона и боковые грани украшены орнаментом из круга с точкой посередине, характерным для крупных биконических стеатитовых бус [Гисар III C, Южный холм Анау, Тахирбай 3, Мохенджо-даро и Лохумджо-даро периода Джхукара], алебастровых сосудов [Гисар III C] и некоторых костяных и медных изделий [Гисар III C, Мохенджо-даро, Чанху-даро].

На основании аналогий из Гисара и печати, найденной А. Стейном в Сеистане на поселении Рамруд XI (рис. 4—10)²⁴, можно предполагать, что печати из Мохенджо-даро изготовлены не в долине Инда, а привезены туда из северо-западных областей. На северо-западные области, которые можно считать местом первоначального обитания каких-то определенных групп людей, заселивших впоследствии Северный Белуджистан, указывают находки с древних поселений в долине Кветты²⁵. Кроме орнаментов на керамике, имеющих разительное сходство с южно-туркменскими²⁶, там обнаружена печать, по рисунку идентичная гипсовому амулету с Кара-депе (рис. 4—11)²⁷. Оттиски этих печатей встречены также на керамике, что дало возможность

²¹ Я. Г. Гулямов. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 150—156, рис. 11.

²² J. M. Casal. Quatre campagnes de fouilles à Mundigak, 1951—1954. «Arts Asiatiques», 1954, t. I, fasc. 3, стр. 163—178, табл. IV, B.

²³ E. Mackey. Further excavations at Mohenjo-daro, 1938, t. I, стр. 342; t. II, табл. LXXXIII, 1; табл. LXXXVI, 156.

²⁴ A. Stein. Innermost Asia, v. III. Oxford, 1928, табл. CXVI.

²⁵ W. Fairervis. Excavations in the Quetta Valley. APAMNH, t. 54, part 2, New York, 1956.

²⁶ В. М. Массон. Рецензия на указанную в предыдущем примечании работу В. Фэрсервиса. СА, 1960, № 3, стр. 357—362.

²⁷ W. Fairervis. Указ. соч., стр. 229, рис. 23.

В. Фэрсервису считать их знаками собственности²⁸. На основании типологического сходства гипсовый амулет с Кара-депе и печать из Дамб-Садаата II можно было бы считать одновременными, но радиоуглеродные даты показывают хронологический разрыв между этими памятниками в 700—750 лет²⁹. Это значит, что Дамб-Садаат II относится ко времени Намазга V.

На основании находок из древнеземледельческих поселений восточного ареала культуры с расписной керамикой Переднего Востока [медных булавок с биспиральной головкой — холмы Анау и Намазга времени Намазга IV, Гисар II В — III В, Сиалк IV, Чанху-даро I С; медных втульчатых топоров-тесел — Гисар III, Шах-тепе, Дайна в верховьях Сумбара, Мохенджо-даро (верхний слой) и др.] С. Пиггот³⁰ и другие исследователи устанавливают факт ярко выраженных связей между племенами — носителями древнеземледельческой культуры Северо-Восточного Ирана и Южной Туркмении, с одной стороны, и населением городов долины Инда в период, предшествующий разрушению древнеиндийской цивилизации вторгшимися с северо-запада племенами «варваров», — с другой. Распространение на этой территории еще одного вида весьма характерных вещей — крестообразных печатей и печатей с изображением креста — позволяет более углубленно проследить отношения между двумя соседними культурными областями.

Таким образом, очаги культуры земледельческих племен Южной Туркмении были в своем историческом развитии теснейшим образом связаны с североиранскими племенами, с одной стороны, и с населением областей, лежащих к северу (Заман-баба) и к югу (Афганистан, Белуджистан и долина Инда) от основных районов распространения этой культуры, — с другой. Эти связи, возможно, поддерживались путем постоянного обмена, но вероятнее всего, — инфильтрацией групп носителей культуры расписной керамики в смежные области, заселенные, по-видимому, иноязычными и инокультурными племенами.

²⁸ W. Fairervis. New discoveries in Baluchistan. «Archaeology», 1952, N 5; N 2, стр. 101, 102.

²⁹ Верхний слой Кара-депе датирован 2750 (± 220) г. до н. э., а Дамб-Садаат II — 2100 (± 400) г. до н. э.

³⁰ S. Piggott. Notes on certain metal pins and a mace-head in the Harappa culture. «Ancient India», N 4, 1948, стр. 26—33; S. Piggott. Prehistoric India to 1000 B. C. 1952, стр. 223—228.

характерный для Илгылы-депе и Геоксюра и иллюстрирующий проникновение на территорию Южной Туркмении каких-то веяний халафской росписи¹¹. В-третьих,— кресты и крестообразные фигуры, нанесенные не краской, а образованные фоновыми просветами (рис. 3—5, 6, 10). Их генезис пока неясен, но они характерны для полихромной росписи западного варианта, которая не находит аналогий в Иране и Месопотамии; поэтому можно предполагать их местное происхождение.

Ко второй группе относятся изображения креста, помещенные на сосудах в виде самостоятельных рисунков (рис. 3—12—15). Это заставляет считать, что в данном случае фигуре придавалось сложное смысловое значение, и, возможно, не одно. Наиболее вероятным следует считать, что древние земледельцы Южной Туркмении видели в изображении креста символ оберега. Такая трактовка, по-видимому, не противоречит фактам: этот символ был призван сохранить в целости предмет, на который он наносился, продукты в сосуде с его изображением и, наконец, охранить человека, на которого надет амулет с изображением креста или крестообразной фигуры, от постоянно подстерегающих его опасностей. Иными словами, мы имеем основания считать описанные выше амулеты оберегами и одновременно украшениями.

Возвращаясь к упомянутым в начале статьи предметам из Кара-депе, отметим, что рисунок креста на приведенных трех амулетах разный. Сопоставляя их с элементами орнаментального покрытия сосудов, можно заметить, что рисунок на глиняном амулете по типу соответствует многим геометрическим мотивам росписи посуды времени Намазга III¹². На каменном треугольном амулете в рисунке сочетаются два вида орнамента: пиловидные линии и «пирамида», помещаемая в качестве разделителя между изображениями козлов на сосудах того же времени¹³.

Что же касается гипсового амулета, то ему нет соответствий среди мотивов росписи на керамике.

Кроме росписи на посуде, в культуре древнеземледельческих племен Южной Туркмении существует еще одна категория вещей крестовидной формы. Это медные или каменные печати-штампы, которые появляются в конце III — начале II тысячелетий до н. э. и относятся ко времени Намазга V — раннее Намазга VI. Образцы их найдены на южном холме Анау (рис. 4—1)¹⁴, на поселении Шор-депе близ Баба-дурмаза¹⁵, на Намазга-депе (рис. 4—2, 3)¹⁶. О применении их на поселениях восточного района свидетельствует находка на Алтын-депе (у Меана) глиняного обожженного диска с отверстием и оттиском крестообразной печати¹⁷. Аналогичная каменная пуговичная печать обнаружена в дельте Мургаба на поселении Тахирбай 3 (рис. 4—4)¹⁸. Находки подобных печатей говорят о том, что ко времени Намазга V мы можем, видимо, относить процесс разложения общества первобытных земледельцев и начало выделения частной собственности.

¹¹ M. von Oppenheim. Указ. соч., табл. LXV, 5.

¹² В. М. Массон. Указ. соч., табл. XXVI, 11, 20.

¹³ Там же, табл. XXI, 3, 7.

¹⁴ H. Schmidt. The archaeological excavations at Anau and Old Merv (R. P. u m p e l - l y. Explorations in Turkestan, v. 1. Washington, 1908, стр. 152, рис. 257).

¹⁵ Печать из Шор-депе аналогична намазгинской (рис. 4—3). Не опубликована; хранится в секторе археологии Института истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР в Ашхабаде.

¹⁶ Б. А. Литвинский. Намазга-депе. СЭ, 1952, № 4, стр. 48, рис. 12, 4; Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 278, рис. 24.

¹⁷ Сборы А. А. Марущенко. Хранится в секторе археологии Института истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР в Ашхабаде.

¹⁸ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, № 77, 1958, табл. XII, б.

В отличие от изображений крестообразных фигур на керамике более раннего времени, которые локализуются, главным образом, в северных и восточных предгорьях Копет-дага и в Геокюрском оазисе, крестовидные печати и иные поделки этой формы распространены гораздо шире. Это связано с инфильтрацией коллективов людей к северо-востоку от ранее заселенных территорий Ближнего Востока.

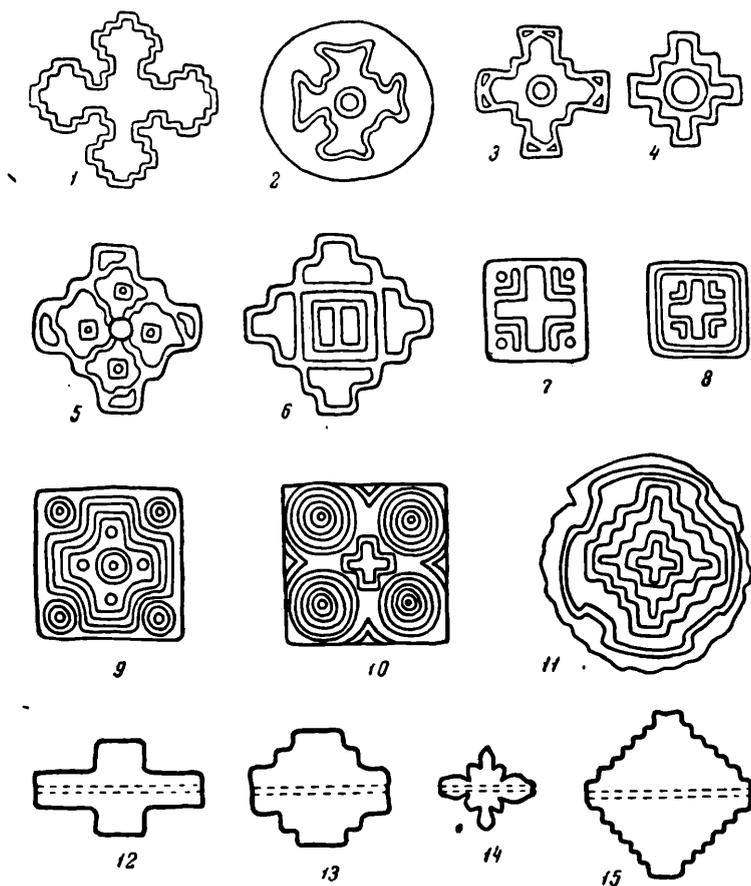

Рис. 4. Крестовидные печати (1—11) и пронизки (12—15).

Особенно богатый материал для сопоставлений дают синхронные слои памятников североиранского круга, в первую очередь тепе Гисар. В слоях, относящихся к Гисар II В — III С, найдено много крестовидных пронизок из камня (рис. 4—12), бирюзы (рис. 4—13), стекловидной пасты (рис. 4—14) и серебра (рис. 4—15), которые также можно считать амулетами, тем более что из общего количества бус они составляют лишь небольшой процент. Но гораздо интереснее печати, найденные в тех же слоях. К периоду II А относится круглая каменная печать-штамп с изображением заполненного креста¹⁹, игравшая, вероятно, роль амулета. Уже с периода II В это изображение переходит на медные пуговичные печати²⁰.

С периода Гисар III В появляются медные печати иного облика. Они крестообразной формы, с выступами между лучами; поверхность заполнена различным орнаментом; на обороте прикреплено ушко (рис. 4—5). С этого

¹⁹ E. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937, табл. XXVIII, Н. 1728.

²⁰ Там же, табл. XXVIII, Н. 2183.

В. И. САРИАНИДИ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ АРХИТЕКТУРЫ
ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ГЕОКСЮРСКОГО ОАЗИСА

Археологические работы последних лет на памятниках анауской культуры были направлены на вскрытие возможно более широких площадей древних строительных горизонтов. В результате уже сейчас на памятниках, относящихся к разным хронологическим периодам, полностью вскрыты отдельные архитектурные соображения на уровне нескольких строительных горизонтов. Выясненные планировки поселений дают реальную базу для предварительной реконструкции хозяйственного уклада у древних племен. Разумеется, количество раскопанных поселений еще далеко не достаточно для каких-либо определенных выводов, однако некоторые вопросы, касающиеся форм былого общества могут быть, если не решены, то поставлены на обсуждение.

Архитектурные комплексы поселений в основном состоят из помещений хозяйственного и жилого назначения, причем не всегда можно с уверенностью судить о функциях отдельных построек, что затрудняет характеристику строительного комплекса поселения в целом (общая структура поселка, формы семейных групп и т. д.). В этом отношении могут оказать помощь здания особого, вероятнее всего, культового назначения, выявленные на многих поселениях. Количество культовых, а возможно, и общественных зданий, видимо, не было произвольным на каждом поселении, а соответствовало определенным семейно-хозяйственным группам обитателей. В настоящей статье мы попытаемся подойти к анализу планировок с точки зрения назначения отдельных помещений, составляющих общую структуру древнего поселка.

Для времени Намазга I (первая половина IV тысячелетия до н. э.) в центральной части подгорной полосы Копет-дага частично раскопан холм Яссы-депе, в центре которого располагается культовое (?) здание¹; вокруг него идут жилые и хозяйственные комнаты. Поскольку планировка холма полностью не вскрыта, трудно судить с уверенностью о характере всего поселения, хотя Б. А. Куфтин допускал, что это огромный многосемейный дом, целое селение отдельного родового коллектива². Независимо от окончательного решения вопроса, можно думать, что здесь обитал один коллектив с общим для всех жителей культовым зданием.

¹ В. М. М а с с о н. Первобытнообщинный строй на территории Туркмении. Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 236. Судя по тексту полевого отчета, то же самое предполагал и руководитель работ Б. А. Куфтин.

² Б. А. К у ф т и н. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 274.

Второе поселение этого же времени известно из восточной, геоксюрской группы энеолитических памятников-холмов в бассейне р. Теджена. Здесь раскопан маленький бугор Дашлыджи-депе (Геоксюр 8), в котором вскрыты три строительных горизонта жилой планировки³. Два верхних строительных комплекса сохранились плохо, так что судить об общей планировке затруднительно. Лучшее всего представлен план нижнего, третьего горизонта, где предположительно выделено несколько отдельно стоящих жилых домов с прилегающими хозяйственными постройками.

Наиболее интересно прямоугольное, большее по размерам, чем остальные, здание на краю поселения. Оно существовало на протяжении двух строительных горизонтов. По-видимому, это культовое сооружение было предназначено для общественных нужд жителей холма в течение всего периода жизни поселения⁴. Других помещений аналогичного назначения здесь не обнаружено, и можно допустить, что это было единственное культовое и общественное здание, объединявшее весь коллектив поселка в одну родоплеменную ячейку.

Таким образом, оба памятника времени Анау I (Яссы-депе и Дашлыджи-депе), хотя возможно, несколько и отличались по общему принципу внутренней планировки, все же объединены одним родственным признаком — одно святилище на весь жилой комплекс. Можно предположить, что оба они дают пример общеродового поселка, связанного тесным, кровным родством.

Для следующего этапа — развитого Намазга II (вторая половина IV тысячелетия до н. э.) — в геоксюрской группе раскопаны три памятника без какого-либо единого планировочного типа; это лишнее раз указывает на сложность данного вопроса, связанного с многообразием форм жизни древнего населения.

Акча-депе (Геоксюр 2), видимо, было окружено довольно массивной обводной стеной по верхнему краю всего поселения. В ее границах размещены жилые и хозяйственные строения, вытянутые в широтном направлении⁵. Возможная «улица» делит все поселение на две части, состоящие из компактной группы взаимосвязанных помещений (рис. 5—1). Наиболее исследованная северная часть включает помещения разного назначения; среди них выделяются комната с керамическим горном (№ 17) и здание, вероятнее всего, культового назначения (№ 5).

Несколько иная планировка выяснена для двух строительных горизонтов, вскрытых на холме Ялангач-депе (Геоксюр 3). Более ранний, второй сверху строительный комплекс состоит из двух частей, как кажется, разного назначения. Западная половина включает жилые и хозяйственные комнаты, образующие сплошную застройку (рис. 6—2). Архитектурный комплекс, расположенный в восточной части, резко отличается от соседнего. В центре его находится обширное прямоугольное здание на одной из внутренних стен которого нанесен тамгообразный налест; все помещение могло быть своеобразным святилищем⁶. Южнее прослежены контуры второго, возможно, аналогичного помещения (№ 2), плохо сохранившегося. Вокруг центрального здания (№ 1) располагается несколько комнат (№ 5—7, 10—12) без очагов, так что считать их жилыми трудно. Не исключено, что весь этот комплекс — взаимосвязанная группа помещений особого назначения. Это правдоподобно, ибо данный участок отделен от несомненно жилой западной части «разграничительной» стенкой метровой толщины. Более

³ И. Н. Хлопин. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана. Труды ЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1961, стр. 134 и др.

⁴ Развернутое обоснование см. И. Н. Хлопин. Указ. соч.; В. И. Сарияниди. Культовые здания поселений анауской культуры, СА, 1962, № 1, стр. 44.

⁵ В. И. Сарияниди. Раскопки поселений Геоксюрского оазиса. ДТММ, 1962.
⁶ Более подробное обоснование см. И. Н. Хлопин. Ялангач-депе и Муллали-депе. ДТММ, 1962; В. И. Сарияниди. Указ. соч.

тонкие, возможно, обводные стены прослежены в восточной части; они как бы полностью изолируют комплекс особого назначения от расположенных поблизости рядовых сооружений.

В следующем строительном горизонте Ялангач-депе (первый сверху) сохранилось то же самое центральное здание; на полу его установлен уже

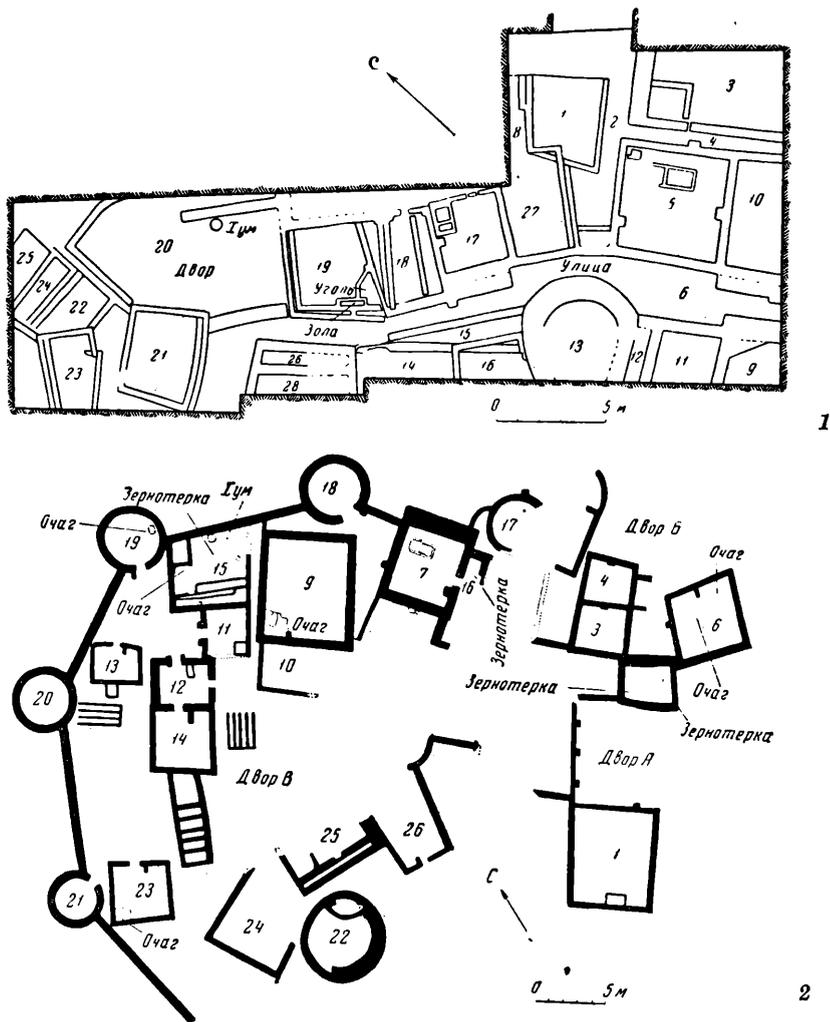

Рис. 5. Планы верхних строительных комплексов поселений Акча-депе (1) и Муллали-депе (2).

прямоугольный двухчастный очаг («подиум»). Второе аналогичное помещение с таким же «подиумом» находится рядом к югу от первого (рис. 6—7). Характерные «подиумы» в обоих помещениях служат, как мы пытались это доказать, указанием на их культовую принадлежность⁷. Показателен факт устройства таких зданий на одном месте на протяжении нескольких строительных периодов, что особенно характерно для храмовых построек месопотамских памятников-холмов.

Вся эта восточная часть обнесена с трех сторон обводной стеной с включенными в ее периметр круглыми помещениями. Судя по плану, вполне возможно существование и четвертой стены на не сохранившемся южном

⁷ В. И. Сарияниди. Указ. соч.

склоне холма⁸. В черте обводной стены, кроме двух упомянутых зданий, расположено третье — круглое (№ 12), заполненное сильно обожженными кусками кирпича; назначение его неясно.

Западная часть поселения сохранилась намного хуже, поэтому с уверенностью судить о функциональном назначении построек трудно; можно лишь догадываться, что здесь находилась жилая часть поселка.

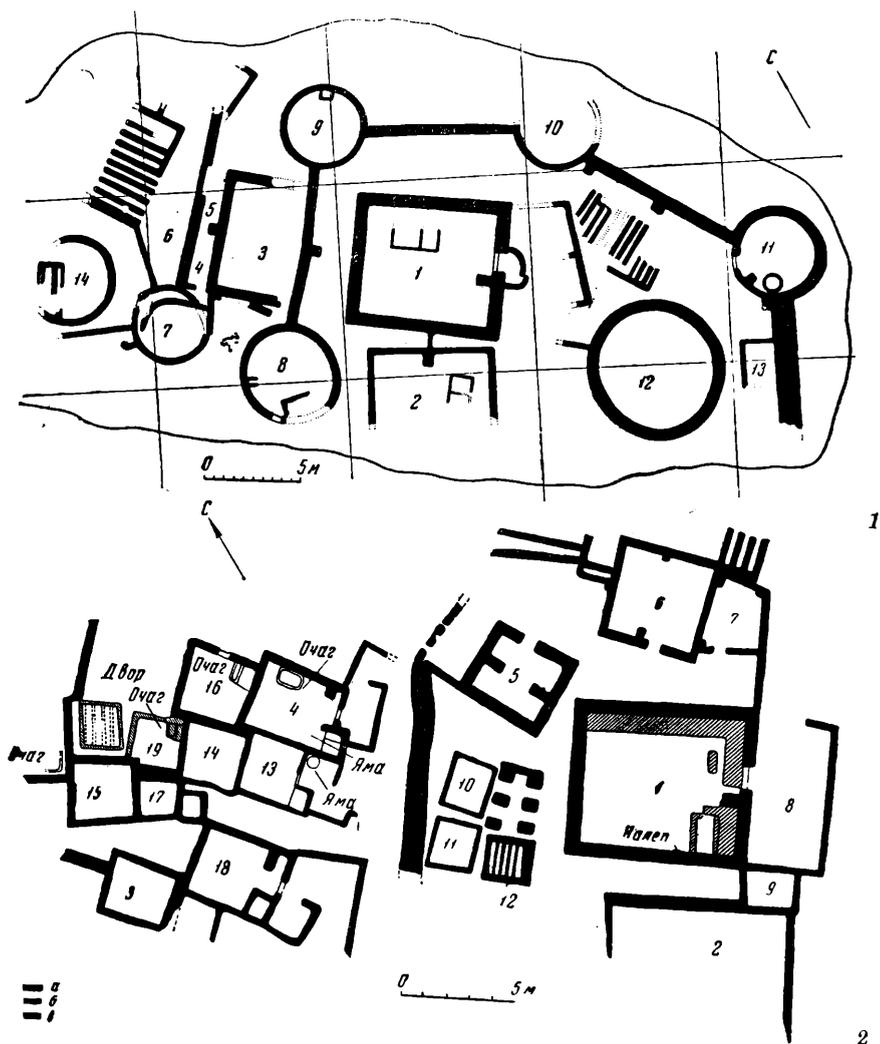

Рис. 6. Поселение Ялангач-депе.

1 — план верхнего строительного комплекса; 2 — план второго строительного комплекса (а — стены, относящиеся ко второму периоду; б — стены раннего этапа этого периода; в — стены третьего строительного периода).

Таким образом, холм Ялангач-депе на протяжении существования двух последних строительных горизонтов дает пример довольно устойчивой традиции деления поселка на две части — жилую и специально культовую. В последний период восточный участок принимает более оформленный, законченный вид.

План поселения Муллали-депе отличается от планировки синхронных холмов Ялангач-депе и Акча-депе. По краю поселения идет обводная стена

⁸ И. Н. Хлопин. Ялангач-депе и Муллали-депе. ДТММ, 1962.

с круглыми зданиями, включенными в ее периметр. Внутри расположены жилые и хозяйственные помещения, причем восточная часть (помещения № 1—6), по мнению руководителя работ, относится к несколько более позднему времени⁹.

Основная планировка холма состоит из ряда помещений, возможно, связанных в отдельные группы (рис. 5—2). В северной части расположены два здания: одно — с двойными стенами и «подиумом» внутри (№ 7), второе — много большего размера, прямоугольной формы (№ 9). Оба они, вероятно, выполняли культовые и общественные функции. Стена, отходящая от помещения № 9 дальше на восток, возможно, заключала оба эти здания. В таком случае можно было бы ожидать сходного расположения, как и на Ялангач-депе, — специального выделения зданий общественно-культурного назначения в отдельный комплекс.

Приведенные выше планировки трех памятников геоксюрской группы, относящиеся к одному историко-культурному этапу (развитое Намазга II), не составляют, на наш взгляд, какой-либо единый тип. Планировка холма Акча-депе — это сплошная, многокомнатная застройка в противовес отдельно стоящим группам помещений Муллали-депе. Во втором строительном комплексе Ялангач-депе была, по-видимому, также сплошная застройка жилой части; о верхнем слое судить трудно. Все это, несомненно, не случайно и отражает реально существовавшее многообразие форм общественной жизни древнего народа, и в первую очередь — форм семейных отношений.

Вопрос этот в достаточной мере сложен даже для Месопотамии, где известны письменные документы храмовых общин, характеризующие общественный строй древних племен. Особенно важны для нашей темы наиболее ранние документы, рисующие общественный строй древнего Шумера. Очевидно, некоторые характерные черты развития раннешумерийского общества могут быть привлечены в качестве приблизительных параллелей (с целым рядом оговорок) для понимания общественных и хозяйственных форм у анауских племен, входивших в родственный круг «культуры крашеной керамики». Представление об общем уровне хозяйственного быта древнешумерийского общества, находившегося в основном в сходных условиях существования, может помочь в какой-то мере наметить приблизительные рамки хозяйственного уклада древнего населения Южной Туркмении.

И. М. Дьяконов, на основании письменных документов, допускает для Шумера первой половины III тысячелетия до н. э. существование полупатриархальных отношений большесемейной общины («дом» архивных документов)¹⁰. На основании документа из Абада (около 2600 г. до н. э.) автор прямо пишет о семейной общине¹¹, причем большесемейная община есть коллектив, «...связанный общностью происхождения от отцовской линии, общностью хозяйственной жизни и земельного владения включающий больше, чем одну семейно-брачную ячейку»¹². Вместе с тем автор неоднократно подчеркивает, что «малая» семья — лишь частный случай «большой», в которую они должны неминуемо разрастись. «„Малая“ семья — это частный случай существования „большой“ семьи»¹³. Наиболее ранние таблички часто указывают на «угощения» для свидетелей при продаже земли, что, по мнению И. М. Дьяконова, свидетельствует о коллективном (семейном и т. п.) владении землей¹⁴.

⁹ И. Н. Хлопин. Раскопки Ялангач-депе и Муллали-депе. ДТММ, 1962.

¹⁰ И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. М., 1959, стр. 51, 55.

¹¹ Там же, стр. 57.

¹² Там же, стр. 66.

¹³ Там же, стр. 68.

¹⁴ И. М. Дьяконов. Купля-продажа земли в древнейшем Шумере и вопрос о шумерской общине. ВДИ, 1955, № 4, стр. 20.

Учитывая определенное «отставание» южнотуркменистанских племен от шумерийских в общеисторическом плане, правомерно наметить приблизительно такие же формы существования для анауского населения интересующего нас времени. Видимо, отдельные небольшие холмы типа Акча-депе, Ялангач-депе, Муллали-депе служили местом обитания отдельных общин, связанных достаточно тесными родственными отношениями.

Более сложен вопрос о характере внутренней структуры таких поселений, количестве и форме семейных ячеек. Приведенные планы поселений не дают прямых указаний для выяснения этого вопроса, есть лишь некоторые косвенные данные. Имеются в виду культовые здания, обнаруженные на каждом холме. В верхнем слое Ялангач-депе отмечено два таких помещения, которые, судя по их конструкции и архитектурному оформлению, выполняли одинаковые функции и вынесены за пределы остальной части поселения. То же самое можно отметить и для второго, нижележащего слоя; в западной, жилой части не найдено ни одной комнаты, которую можно было бы определить как культовую. Очевидно, в данном случае можно ставить вопрос об особом комплексе зданий, предназначенном для всего коллектива поселка. Нелишне отметить, что обособленные комплексы жилой и культовой архитектуры известны для тепе Гавра (Месопотамия), начиная с XIX слоя¹⁵.

Как видно, нет особых сомнений в назначении описанных помещений в качестве культовых, а возможно, и общественных, причем каждое такое сооружение могло быть предназначено для одной большой семьи. Иначе следовало бы ожидать, что одно такое здание было рассчитано на все селение, либо их было несколько для каждой отдельной небольшой семьи. Вероятно, население Ялангач-депе состояло из двух больших семей, может быть, еще и не полностью оформившихся. Это не исключает, конечно, существования индивидуальных семей, но живших под одной крышей и ведших еще общее хозяйство. Наличие отдельных святилищ, а не одного общего, указывает на определенный архаизм в общественном строе, когда внутрисемейные связи были еще очень сильны, пережиточно отражая родо-племенную консолидацию.

Планировка Муллали-депе полностью не вскрыта, и судить о жилой архитектуре еще преждевременно. Однако и здесь обнаружены два культовых здания, расположенных в одном месте, как и на Ялангач-депе.

На Акча-депе вскрыты общий двор, керамическая «мастерская» и одно культовое здание; вторая половина холма еще не раскопана. Есть основания предполагать, что все поселение было разделено «улицей», по крайней мере, на две части — места обитания двух большесемейных коллективов. Такой дуальный принцип деления поселка хорошо известен для многих архаических городищ Средней Азии, отражая, по мнению С. П. Толстова, первобытную дуальную организацию многих древних народов мира¹⁶. Это очень характерная форма общественного расчленения на роды и даже на несколько близких по происхождению родов у всех первобытных народов, что нередко прослеживается в типе планировок поселений¹⁷.

Исходя из археологического материала, видимо, можно допустить, что такие поселения, как Ялангач-депе и Акча-депе, служили местом обитания больших семей, составлявших в совокупности отдельные общины. Было бы заманчиво видеть обоснование этому в сплошной застройке помещений, однако известны этнографические параллели, когда парные семьи продолжают еще пристраивать свои жилища одно к другому, образуя сплошную застройку.

¹⁵ A. T o b l e r. Excavations at Tepe Gawra, v. II. Philadelphia, 1950, стр. 45.

¹⁶ См. более подробно: С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 94—96.

¹⁷ С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 94.

Приведенные археологические данные, как кажется, могут найти некоторое подтверждение в большом этнографическом материале Средней Азии. Горные таджики, основной тип хозяйства которых — земледелие и скотоводство, сохранили в быту сильные пережитки родового строя. Н. А. Кисляков, собравший обширный материал о быте этого народа, одного из древнейших в Средней Азии, выделяет три типа поселков, три примера расселения, в основу которых положены семейно-родственные отношения¹⁸. Первый тип — кишлак-дом, поселение, состоящее из одного большого дома; второй тип — кишлак-квартал из нескольких (до 7—8) домов; третий тип — кишлак из нескольких кварталов. Наиболее распространен второй тип — поселение кровных родственников, осознающих себя как единое целое и живущих по преимуществу в одном месте, в особом квартале¹⁹. Образование таких поселений можно иллюстрировать на примере кишлака Гарм Чашме. Здесь сначала обитал один род, состоявший из пяти кровнородственных семей (кишлак-квартал). Брак с пришельцем из другого рода привел со временем к образованию уже десяти семей, причем дома их составляют два квартала, находящихся на некотором расстоянии друг от друга, с отдельными мечетями и кладбищами²⁰. В кишлаке Равдан также обитали два рода, которые обменивались женами, считались близкими друг другу; у них была уже одна общая мечеть.

Таким образом, если в первом случае наблюдаются еще очень архаичные формы родового поселка, то во втором можно отметить более прогрессивный тип селения — общесоседский. В результате анализа структуры кишлака Удуб автор приходит к выводу, что он образовался «...путем распада некогда единого агнатного рода на ряд кровнородственных общин с неделимой земельной собственностью внутри каждой такой общины»²¹.

Приведенные факты указывают на сложение поселка как живого организма, отражающего процесс поступательного развития общества на разных его ступенях. Важно отметить, что следующий этап после разложения родового коллектива состоит в образовании новых поселков из одной или нескольких семейных общин. Каждая такая семейная община, кроме большой семьи, может содержать и отпочковывающиеся малые семьи, но еще живущие одной компактной группой под «одной крышей» и продолжающие вести на первых порах совместное хозяйство²². Очевидно, поселок такого типа должен состоять не из отдельных домов, а из определенных групп помещений (кварталов), со своими общественными домами («алау хана»), своими ремесленниками и т. д.²³

Очень похожая картина развития жилищной архитектуры отмечена у ягнобцев — одной из древнейших иранских народностей Средней Азии. А. Н. Кондауров приводит интересный материал, касающийся внутренней структуры кишлаков последующей стадии развития — сельской общины. Однако и здесь можно указать несколько этапов — от разложения родовых поселков, через семейную общину к более прогрессивной сельской, где уже родственные отношения сильно ослаблены, а иногда и совсем утрачены²⁴.

¹⁸ Н. А. Кисляков. Жилища горных таджиков бассейна реки Хингоу. СЭ, вып. II, 1939, стр. 151—153; его же. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло. М.—Л., 1936, стр. 99, 100.

¹⁹ Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма..., стр. 125.

²⁰ Там же, стр. 79.

²¹ Там же, стр. 8.

²² Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма, стр. 100; его же. Жилища горных таджиков..., стр. 151; Бурхан-уд-дин-хан-и-Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. Ташкент, 1926, стр. 140.

²³ Н. А. Кисляков. История Каратегина, Дарваза и Бадахшана. Материалы по истории таджиков и Таджикистана. 1945, стр. 73; Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин. Военный сборник № 12, СПб., 1883, стр. 303; А. Н. Кондауров. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.—Л., 1940, стр. 13, 22.

²⁴ А. Н. Кондауров. Указ. соч., стр. 31, 32.

При семейной общине каждая большая семья продолжала вести общее хозяйство; нередко кварталы разделены между собой узкими улочками — проходами, причем на примере сел. Дехи-баленд автор предполагает, что первоначально здесь обитали два рода, соответственно занимая два отдельных квартала. В дальнейшем возникают новые кварталы как следствие ответвления от двух первоначально родовых общин²⁵.

Очень похожая картина образования поселков, расселения по родовому признаку, отмечена для архитектуры пуэбло — индейцев Америки²⁶, где «...состояние общества и семьи отражено в жилищной архитектуре»²⁷. Аналогичные принципы расселения засвидетельствованы и для индейцев северо-западного побережья, где выделены три типа поселений, поразительно напоминающие структуру кишлаков горного Таджикистана²⁸. Здесь есть поселения, в которых обитали члены одного рода, двух родов одной фратрии и т. д., причем такие селения состояли из нескольких групп домов. Дома родовых общин различных фратрий стояли обособленно²⁹. Можно привести многие другие данные, указывающие на параллелизм в развитии семейных и общественных форм индейцев Америки и горных таджиков; конечно, это не случайно, отметим лишь, что слово «жилище» обозначало всех жителей одного общинного дома, связанных узами кровного родства³⁰.

Суммируя этнографические данные, мы видим, что родовой принцип образования кварталов можно считать наиболее распространенным, наблюдающимся повсеместно в горных районах Северного, Центрального и Восточного Таджикистана. На начальных стадиях сложения семейных общин отдельные поселения чаще всего состоят из двух «родовых» семей с самостоятельными общественными домами. Позднее, когда общесемейные отношения сменяются более прогрессивными общесоседскими, на смену таким отдельным домам приходит одно общее здание, приспособленное для нужд всего кишлака-поселка. Рассматривая в этом аспекте описанные поселения геоксюрской группы, закономерно поставить вопрос, не встречаем ли мы здесь похожую картину отдельных семейных общин-поселков, где культовые здания сгруппированы в одном месте, возможно, свидетельствуя о «слиянии» отдельных «родовых» святилищ в один общинный?

Дальнейшие работы помогут внести ясность в эту сложную проблему, однако сразу же следует оговориться, что эта предварительная схема ни в коей мере не может служить стандартом для всех холмов — памятников анауской культуры. Наряду с небольшими, описанными выше, буграми есть поселения с площадью в 10—15 га, планировка которых до сих пор неизвестна. Рассмотренные планы трех холмов могут служить лишь примером маленьких общинных сельских поселений, в то время как, например, одновременный строительный горизонт на огромном поселении Геоксюр 1, возможно, имел более сложную структуру. Не исключено, что на поселении Геоксюр 1 уже складывалась своего рода «сельская» община с все более ослабевавшими родственными связями, где на первое место выдвигались общесоседские отношения. В целом же весь Геоксюрский оазис энеолитических поселений, видимо, дает пример отдельной «номовой общины» с небольшими поселениями сельского типа, группировавшимися вокруг центрального холма Геоксюр 1.

²⁵ А. Н. Кондауров. Указ. соч., стр. 35.

²⁶ Л. Г. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934, стр. 45, 129.

²⁷ Там же, стр. 65.

²⁸ Ю. П. Аверкиева. Общественный строй индейцев северо-западного побережья. Американский этнографический сборник, I, М., 1960, стр. 98.

²⁹ Там же, стр. 48 и др.

³⁰ Там же, стр. 98. Ср. одинаковый термин для понятия «дом» и «хозяйство» как пережиток домашней общины у ягнобцев (А. Н. Кондауров. Указ. соч., стр. 33).

Е. Н. ЧЕРНЫХ

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕТАЛЛА
АНАУСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Изучению анауского металла особый интерес придают два обстоятельства: во-первых, металлические изделия этой культуры, одни из самых древних на территории СССР; во-вторых, они не подвергались практически ни археологическому, ни спектральному, ни структурному исследованию, что уже само по себе важно для воссоздания начального звена истории металлургии и металлообработки.

Нами была изучена коллекция из 70 металлических предметов, происходящих из центрально-анауской группы памятников (Кара-депе) и, главным образом, из восточной (поселения Геокюрского оазиса, Геокюр 1, 2, 3, 5, 6). Материал большей частью — из раскопок, но некоторая часть его получена в результате сборов на поверхности. Время бытования изделий, уходя по дате исследованных поселений, определяется в пределах даты Намазга I — Намазга III, т. е. первой половины IV тысячелетия до н. э. — рубежа IV и III тысячелетий до н. э.¹

Металлические изделия подразделяются нами на 8 категорий:

А. Орудия труда

1. Плоский топор, 1 экземпляр, Геокюр 3 (Ялангач-депе; рис. 7—18).
2. Ножи целые и в обломках, 9 экземпляров; Геокюр 1 — 4 экземпляра, Геокюр 3 — 2 экземпляра, Геокюр 6 — 2 экземпляра, Геокюр 5 — 1 экземпляр (рис. 7—16, 17). Целые изделия представлены относительно развитой листовидной формой. Черенок уже выделен и плавно переходит в лезвие. Вариаций в типах нет.
3. Иглы, 2 экземпляра, Геокюр 1 (рис. 7—9, 10). Первая игла — с ушком, которое образовано загнутым тупым концом. Ушко второй иглы, вероятно, пробито в расплюсненном тупом конце.
4. Шилья и проколки, 12 экземпляров: Кара-депе — 5 экземпляров, Геокюр 1 — 4 экземпляра, Геокюр 3 — 2 экземпляра, Геокюр 5 — 1 экземпляр (рис. 7—4—8). Следует отметить, что обычная для более северных областей форма квадратного в сечении и обоюдоострого шила встречена здесь лишь в одном случае (рис. 7—5). Характерная для анауских шильев форма — уплощенная, прямоугольная в сечении, с одним острым концом (6 экземпляров). Три шила или проколки довольно массивные, круглые. Два экземпляра из Кара-депе также необычны (рис. 7—4, 8). Это длинные (85 и 155 мм) шилья, у которых более тупая часть в сечении квадратная, а более длинная часть (рабочий конец) — круглая.

¹ Ко времени Намазга I относятся лишь 2 обломка.

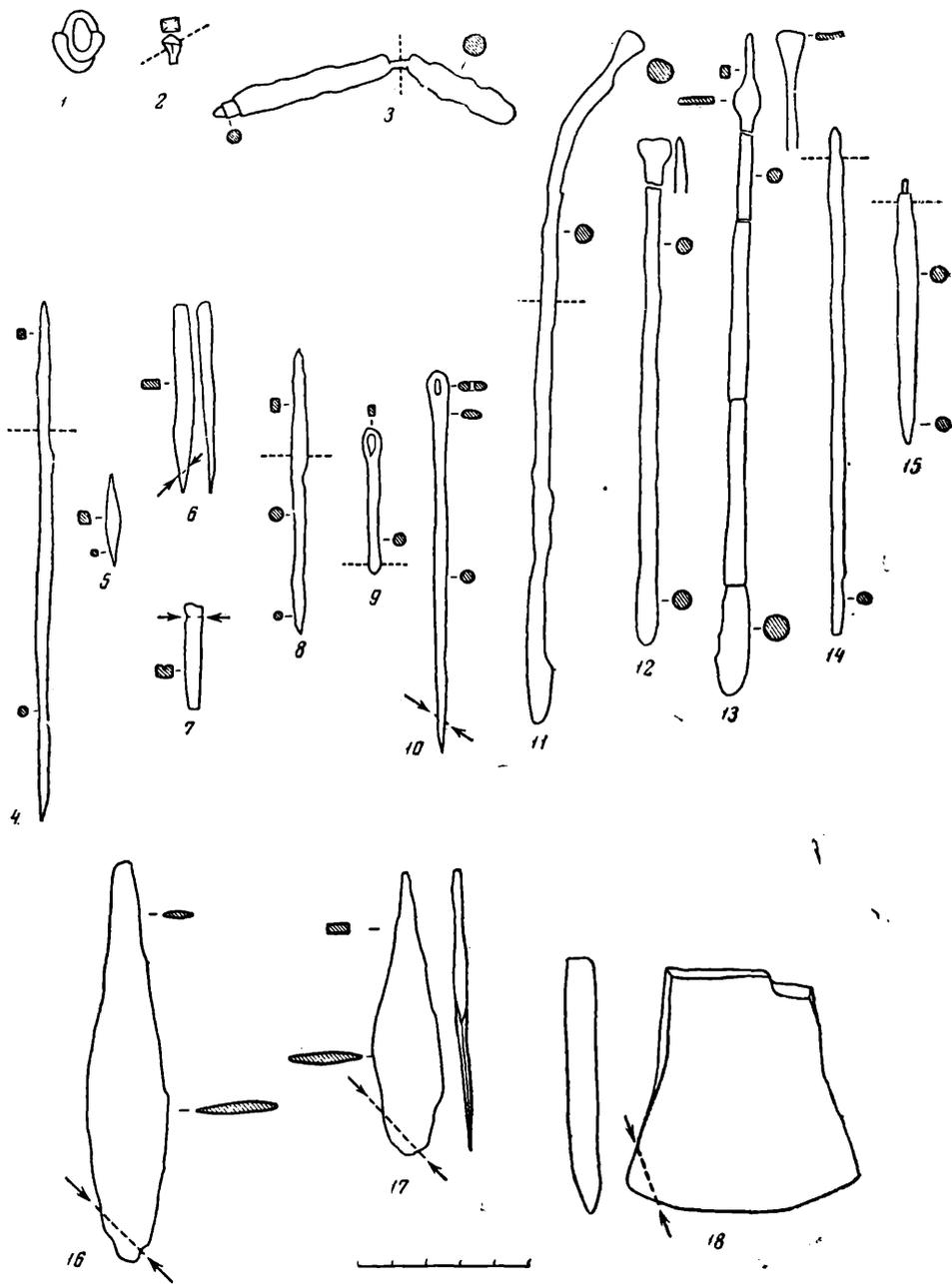

Рис. 7. Металлические изделия анауской культуры.

1—4, 8, 12—15 — Кара-депе; 5, 9, 10 — Геокюр 1; 6, 7, 16—18 — Ялангач-депе; 11 — Геокюр 2.

5. Стержни круглые и прямоугольные в сечении, 13 экземпляров: Кара-депе — 4 экземпляра, Геоксюр 1 — 6 экземпляров, Геоксюр 2 — 2 экземпляра, Геоксюр 6 — 1 экземпляр (рис. 7 — 11, 14, 15). Большая часть их — во фрагментах; возможно, это обломки шильев и «лопаточек». Длина — от 20 до 170 мм.

Б. Украшения

6. «Лопаточки». Это характерное название употребляется для изделия (рис. 7 — 12, 13), представляющего собой длинный стержень (до 200 мм) с заметным утолщением на нижнем конце и верхним концом, раскованным в виде лопаточки. Всего из 13 экземпляров: Геоксюр 1 и Кара-депе по 6 экземпляров, Геоксюр 5 — 1 экземпляр. В одном случае (рис. 7—13) форма «лопаточки» усложняется двумя расплюснутыми плоскостями (вместо обычной одной), направленными друг к другу под прямым углом. Функциональное назначение изделий неясно, хотя одно из них, изготовленное из серебра с большой примесью меди, дает нам определённые основания отнести их в разряд украшений.

7. Булавки с биконической головкой, круглой или четырёхугольной в разрезе, 5 экземпляров: Геоксюр 1 — 4 экземпляра, Кара-депе — 1 экземпляр (рис. 7—2).

8. Височное кольцо в полтора оборота, из проволоки, обнаруженное на Кара-депе (рис. 7—1), и трубчатая пронизка из Геоксюра 1 завершают список украшений, изученных нами.

Одиннадцать обломков предметов, ввиду их неопределенности, в указанные группы не вошли.

Химический состав металла всех 70 предметов изучен методом приближенного количественного спектрального анализа М. М. Клера². Не приводя, за недостатком места, сводной таблицы анализов³, мы попытаемся дать достаточно подробную характеристику изученного металла, используя гистограммы на различные элементы примесей (рис. 8).

Прежде всего следует указать, что в 68 металлических изделиях в качестве основы была употреблена медь с довольно сложным составом естественных примесей (о двух предметах, изготовленных из сплава серебра с медью, речь шла выше). Эти примеси в сумме иногда достигают 3%. Обычный набор примесей — свинец Pb, никель Ni, серебро Ag и железо Fe. Часто встречаются мышьяк As, сурьма Sb, висмут Bi, очень редко — марганец Mn, золото Au и др. Структурные анализы обнаруживают серу S. Чрезвычайно характерно стойкое отсутствие олова Sn.

Упомянутые примеси прежде всего говорят нам о том, что исходным металлом служила медь металлургическая, т. е. выплавляемая из руд, а отнюдь не самородная, как это считалось до настоящих исследований. В результате изучения данных спектрального анализа мы выделили три диагностических примеси, т. е. примеси, которые могут играть решающую роль при определении происхождения металла и подразделении его на группы — свинец, мышьяк и сурьма. Спектральные исследования позволяют утверждать, что мы имеем здесь дело с генетически единой группой металла, разделяющейся на две родственных подгруппы.

Единство группы определяется стойким присутствием довольно высоких концентраций свинца во всех изделиях. Содержание его достигает 2,1%. Собственно, это уже сплавы, известные под названием свинцовой бронзы. Но ввиду естественного происхождения этой примеси (что легко доказыва-

² «Приближенный количественный спектральный анализ минерального сырья». Под ред. М. М. Клера. М., 1959.

³ Таблица будет опубликована в сборнике «Древности Теджен-Мургабского междуречья».

ется бессмысленностью технологического эффекта введения свинца в медь в анауских изделиях) мы не будем называть эти сплавы бронзами. Концентрации остальных указанных элементов в сплавах, кроме мышьяка и сурьмы, весьма малы и близки между собой. Мышьяк и сурьма, напротив, дают картину большого разброса концентраций (As — от 0 до 1,8%, Sb — от 0

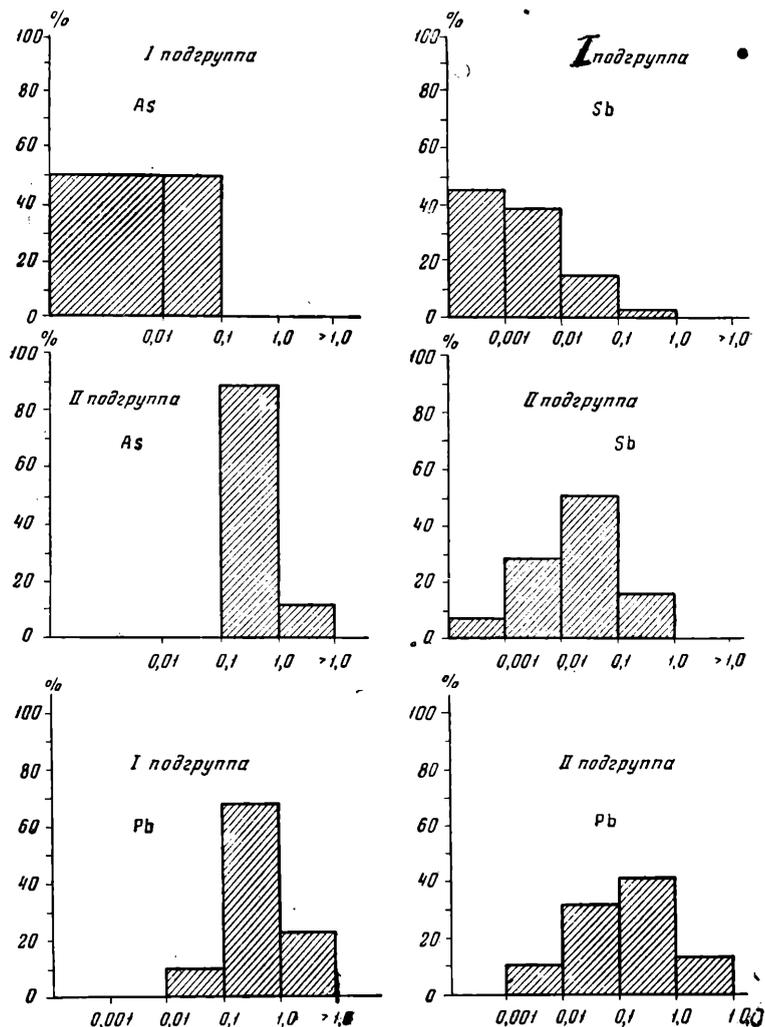

Рис. 8. Гистограммы распределения концентраций различных элементов примесей по подгруппам материала.

до 0,52%). При этом отмечено, что снижение концентраций мышьяка влечет за собой соответственное уменьшение количества сурьмы, т. е. эти два элемента (аналоги в химическом отношении) оказываются и здесь связанными между собой. Зафиксированный нами большой интервал концентраций мышьяка и сурьмы и количественная взаимосвязь между этими элементами сами по себе не случайны и, очевидно, указывают на некоторую разницу в происхождении исследованных предметов, металл которых включает в себе те или иные количества упомянутых примесей. Очевидно также, что характернейшей диагностической примесью здесь будет мышьяк как обладающий наибольшим интервалом концентраций.

Мы выделили в одну подгруппу изделия, в которых или мышьяк не обнаружен, или его концентрации близки к критическим⁴, т. е. содержатся в сотых долях процента. Во вторую подгруппу мы включили изделия, в которых мышьяк содержится обязательно в заметных или повышенных концентрациях, т. е. в десятых долях или в целых процентах⁵. Если наше предположение верно, то подобное разделение должно отразиться и на содержании других примесей по группам.

Для доказательства реальности подгрупп мы составили гистограммы частот встречаемости концентраций примесей мышьяка, свинца и сурьмы по подгруппам. По оси абсцисс представлены границы концентраций элементов, по оси ординат — частоты встречаемости, выраженные в процентах. Обработке подверглись 66 предметов, четыре рассматриваются обособленно⁶. К подгруппе I с пониженным содержанием мышьяка отнесено 38 предметов, к группе II с повышенным содержанием мышьяка — 28.

Прежде всего из гистограмм мы видим, что такое разделение изделий на подгруппы по концентрациям мышьяка обуславливает соответственную разницу в частоте встречаемости определенных концентраций сурьмы. Если в подгруппе I почти половина изделий не содержит сурьмы, или она находится ниже границы чувствительности спектрального анализа (0,002—0,003%), а 38% близки к этой критической границе, то в подгруппе II, наоборот, две трети изделий содержат заметные или повышенные концентрации сурьмы, и лишь в 7% изделий количество ее ниже границы чувствительности. Таким образом, распределение концентраций сурьмы, как и мышьяка, подтверждает правильность принятого распределения по подгруппам.

Гистограмма свинца показывает, что и этот основной, объединяющий обе подгруппы, элемент тоже обнаруживает неравномерность в распределении концентраций по подгруппам, хотя и не столь резко, как сурьма. При этом явно выступает повышенное в своей массе содержание свинца в подгруппе I, бедной мышьяком, по сравнению с подгруппой II, более богатой им. Остальные упомянутые выше примеси к меди слишком малы и не имеют здесь диагностического значения⁷.

Несомненно также, что разделение на подгруппы носит предварительный характер, обусловленный небольшим количеством изученных предметов. Разделение на подгруппы, по-видимому, будет иметь больший смысл, если оно каким-то образом отразится на археологическом материале. Результаты проведенного нами распределения материала по подгруппам представлены в табл. 1.

⁴ Следует учесть, что низшая граница определения мышьяка спектральным методом — 0,01%. Тот факт, что спектральный анализ не обнаружил в изделии мышьяка, еще не означает отсутствия последнего, так как он может присутствовать в меньших концентрациях.

⁵ Мы не применяем в данном случае метода разделения на подгруппы посредством принципа нормального распределения Гаусса, основного в математической статистике, ввиду недостаточного количества использованных образцов. Поэтому с накоплением материала изложенную здесь гипотезу необходимо проверить статистически.

⁶ Два предмета — «лопаточка» и булава — представляют собой сплав серебра с медью; литой массивный обруч необычной формы выделяется повышенным содержанием цинка (0,18%), совершенно отсутствующего в остальных предметах; небольшой слиток из XIX яруса раскопа на Кара-депе, самый древний в этой коллекции, содержит резко повышенное количество сурьмы — 1% (чем также значительно выделяется из остальной коллекции) и заслуживает обособленного рассмотрения.

⁷ Подобная или близкая этому методу обработка результатов спектрального анализа по выделению из родственных больших групп малых подгрупп была произведена некоторыми исследователями в Германии и Англии и дала хорошие результаты. См., например, M. A. Smith, A. E. Blin-Stoyle. A sample analysis of British Middle and Late Bronze age. Materials Using Optical Spectrometry. Proceeding of the Prehistoric Society for 1959, v. XXV, dec. 1959; S. Junghaus, H. Klein, E. Scheufele. Untersuchung zur Kupfer-und Frühbronzezeit Süddeutschlands. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, 1951—1953, Bd. 34, Berlin, 1954.

Таблица 1

Данные распределения металлических изделий
по подгруппам

Памятник	Подгруппы		Всего
	I	II	
Кара-депе	10	12	22
Геоксюр 1	15	13	28
» 2	2	1	3
» 3	6	—	6
» 5	1	2	3
» 6	4	—	4
Итого	38	28	66

Обращает на себя внимание прежде всего то, что металл Ялангач-депе (Геоксюр 3) представлен лишь в подгруппе I и 25 предметов подгруппы II из 28 обнаружено в Геоксюре 1 и Кара-депе. Исследованиями установлено, что эти поселения различаются хронологически. Если Ялангач-депе относится ко времени ранних слоев Намазга II⁸, то верхние горизонты Кара-депе и Геоксура 1, откуда в основном и происходит металл, исследованный здесь, относятся уже ко времени поздних слоев Намазга II и ранних — Намазга III⁹. Важно, что оба предмета из IV и XIV ярусов Кара-депе, обнаруженные в шурфе, т. е. относящиеся ко времени, более раннему, нежели основной комплекс находок с этого поселения, — принадлежат к подгруппе I.

Даже на этом небольшом материале можно доказать хронологическую разницу для подгрупп. Очевидно, что металл времени Намазга I—II относится в основном к подгруппе I, которая и будет более ранней, а население периода Намазга III снабжалось по большей части металлом подгруппы II. Несомненно также, что эти подгруппы сосуществовали в какое-то время.

Интересно рассмотреть и распределение отдельных категорий вещей по подгруппам.

Таблица 2

Результаты распределения отдельных категорий металлических предметов
по подгруппам

Подгруппы	Категории предметов								
	топор	ножи	игам	шпатель и прскочки	стержни	«допачки»	булавки с биконической головкой	пронизка и под веска	Неопределенные обломки
I	1	6	2	6	7	1	4	—	11
II	—	3	—	6	6	12	1	2	—

Из табл. 2 видно, что большинство категорий вещей представлено в обеих подгруппах. Предметы, вошедшие лишь в одну из подгрупп,

⁸ И. Н. Хлопин. Раскопки энеолитических поселений в бассейне Теджена. Известия АН ТуркмССР, вып. 5, Ашхабад, 1958.

⁹ Поселения Геоксюр 2, 5, 6 раскопками не исследованы. Здесь изучался подъемный материал.

слишком малочисленны, чтобы делать из этого какие-либо выводы. Но это также доказывает, что металл обеих подгрупп сосуществует определенное время. С другой стороны, следует обратить внимание на «лопаточки», сама форма которых, число и количественное соотношение в подгруппах достаточно характерны. Из 13 «лопаточек» 12 относятся к подгруппе II. Следует указать, что они встречаются лишь в самых верхних горизонтах Кара-депе и Геокюра 1 и не отмечены в более раннее время; это также прямо подтверждает более позднюю дату подгруппы II.

Исследования технологических приемов изготовления древних медных орудий также позволили сделать важные и интересные выводы¹⁰. Прежде всего это относится к открытию приема термообработки меди — отжига металла после его холодной деформации (ковки), широко применявшегося анаускими металлургами и до сих пор являющегося основным при обработке меди. Сущность его заключается в следующем. Медь после холодной деформации (проковки) значительно упрочняется в результате наклепа. Появляются меж- и внутрикристаллические напряжения, которые тем сильнее, чем выше степень деформации участка меди. Эти напряжения чреваты для меди повышенной ломкостью и потерей пластичности; они вызывают появление трещин. Таким образом, холодная ковка меди, кроме упрочнения последней (что может быть очень полезным для некоторых орудий), приносит вместе с тем и неприемлемые свойства.

Вероятнее всего, древний металлург предварительно отливал болванку для изготавливаемого предмета и затем подвергал ее формующей ковке вплоть до получения требуемого изделия. Судя по включениям свинца, форма которых чутко реагирует на деформацию, степень последней была различной — от незначительной до очень сильной. Проковка и создавала ненужные сильные напряжения. Известно также, что нагревание деформированной меди в течение определенного времени и при определенной температуре вызывает рекристаллизацию меди, образование кристаллов новых форм; это влечет за собой уничтожение напряжений, а вместе с тем возвращает меди ее пластичность, мягкость и понижает ее прочность. Интересно, что это свойство меди знали анауские металлурги и широко применяли его. Ввиду дороговизны металла повышенная ломкость меди была неприемлемой; предпочитали иметь металлические изделия более пластичными и мягкими, чем ломкими. Из 13 предметов, изученных нами, у одиннадцати микроструктуры типичны для меди, отожженной после холодной деформации¹¹. Лишь 2 предмета — нож из Ялангач-депе (рис. 7—16) и стержень из Кара-депе (рис. 7—14) — прокованы в холодную и после этого не отожжены.

Горячая ковка, дающая результаты, аналогичные во многом разупрочняющему отжигу после холоднойковки, не удавалась древним мастерам. Это было обусловлено обязательным присутствием в анауских сплавах свинца, который практически не смешивается с медью и залегает в чистом виде по границам зерен меди. При этом нагревание сплава до температуры выше точки плавления свинца (327°) вызывает немедленное распадение изделия, так как свинец расплавляется и зерна меди оказываются не сцепленными друг с другом. Нагревание же изделия ниже этой температуры и его проковка не дают никаких преимуществ, потому что повышение пластичности меди происходит со значительно более высоких температур. Однако свинец полезен в меди, подвергающейся холодной обработке, увеличивая ее вязкость. После холодной проковки изделия отжигают при температурах обязательно ниже 327°. Эта пониженная температура вызывает значительное увеличение времени отжига — до 1—2 часов.

¹⁰ Вопрос об исходных рудах изученного металла в данной работе не ставится.

¹¹ Автор приносит благодарность научным сотрудникам Института цветных металлов имени М. И. Калинина Л. П. Истоминой, В. Д. Родиенко и доценту И. И. Новикову за консультацию по вопросам структурного анализа анауского металла.

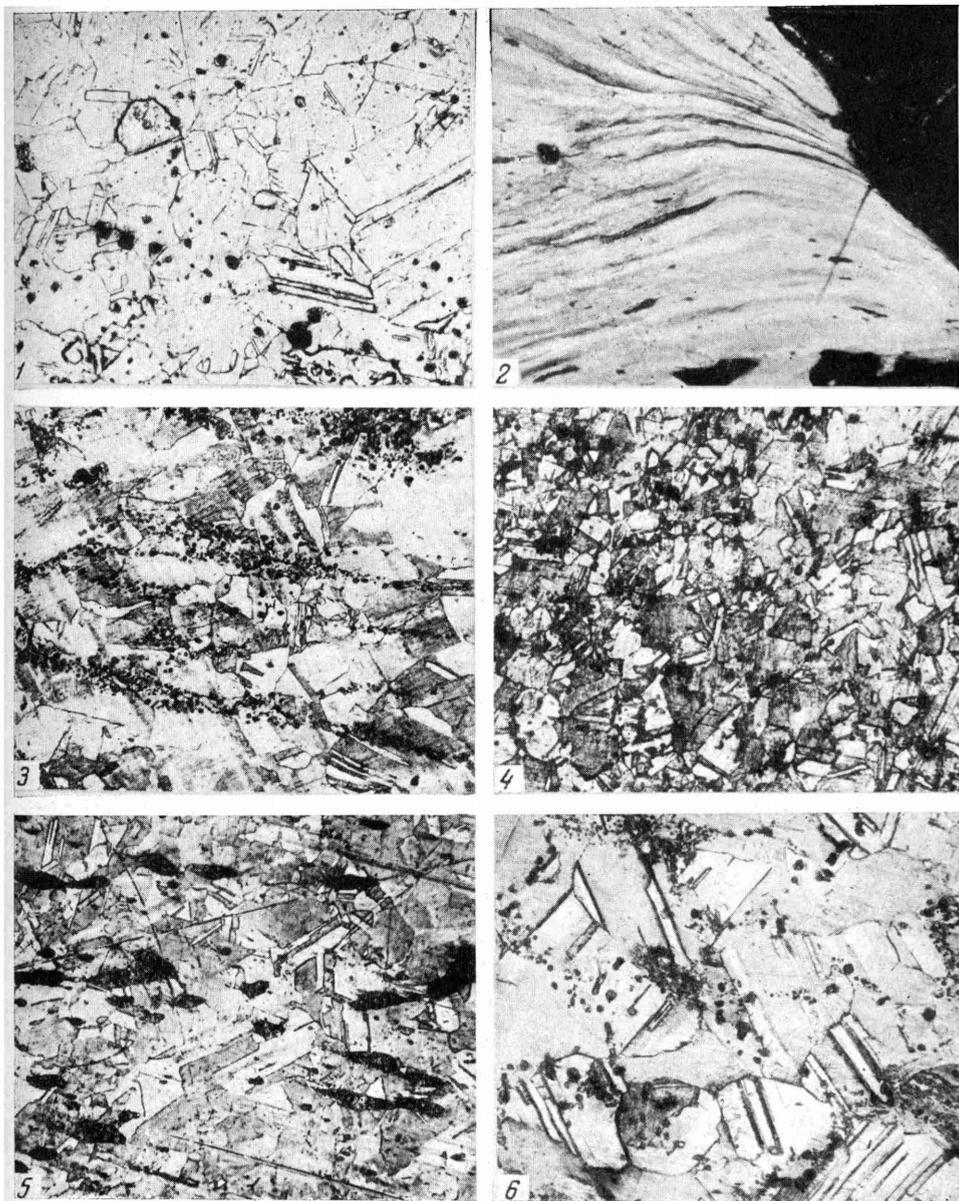

Рис. 9. Микроструктуры некоторых медных изделий анауской культуры.

Микроструктура: 1 — ножа из Ялангач-депе ($\times 200$; рис. 7—17); 2 — ножа из Ялангач-депе ($\times 180$; рис. 7—16); 3 — шила из Ялангач-депе ($\times 180$; рис. 7—6); 4 — сержия из Геоксюра 2 ($\times 250$; рис. 7—11); 5 — шила из Ялангач-депе ($\times 150$; рис. 7—7); 6 — топора из Ялангач-депе ($\times 200$; рис. 7—18).

Мне кажется, что умелое применение приема термообработки металла, а также относительно развитые формы изделий позволяют сделать важный вывод о том, что металлургия анауской культуры уже не носила зачаточного характера, как это было принято считать ранее. Подобное знание свойств металла могло прийти лишь после длительного знакомства с медью вообще.

Недостаток места не позволяет нам описать технологию изготовления каждого изученного предмета. Остановимся вкратце лишь на некоторых. Топор из Ялангач-депе (рис. 7—18), очевидно, был предварительно отлит в открытую (?) форму, в результате чего он принял вид, близкий изображенному. После этого он был слегка прокован вхолдную. Наибольшая степень деформации включений свинца отмечена у самого лезвия, где включения вытянуты в цепочку, указывая направление деформации. После проковки топор отожен. На фотографии микроструктуры топора (рис. 9—6) мы видим равноосную полиэдрическую структуру с двойниками. Зафиксированный здесь участок слабо деформирован, о чем говорят включения свинца. Аналогичную картину образуют микроструктуры ножа из Ялангач-депе (рис. 9—1) и стержня из Геокюра 2 (рис. 9—4). Фотографии микроструктуры шильев из Ялангач-депе (рис. 9—3, 5) также показывают равноосную, полиэдрическую, с большим количеством двойников структуру, являющуюся результатом отжига; вместе с тем они указывают на сильную деформацию, что следует из вытянутых включений свинца, имеющих на фотографии темный цвет. Микроструктуры, свидетельствующие об отжиге после холодной проковки, обнаружены также у игл (рис. 7—9, 10), у обломка лопаточки (рис. 7—3), шильев (рис. 7—4, 8), булавки с биконической головкой (рис. 7—2). Большой нож из Ялангач-депе (рис. 7—16) и стержень из Кара-депе (рис. 7—14) прокованы лишь вхолдную и не отожены. Степень деформации ножа — 60—70%. Поэтому структура его носит волокнистый характер (рис. 9—2).

Выявление двух подгрупп металла различного происхождения, имеющих хронологическое значение, и открытие древнейших приемов термообработки меди стали возможны лишь после широкого применения спектральных и металлографических методов исследования. Дальнейшие работы в этом направлении позволят развить и закрепить приведенные здесь положения, а также изучить еще не известные нам приемы металлообработки, и укажут источники медного сырья анауских металлургов.

II. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т. Г. ОБОЛДУЕВА

РАСКОПКИ 1960 ГОДА НА ГОРОДИЩЕ ЭЙЛАТАН

В 30 км к северо-западу от г. Андижана (УзССР), близ станции Хакулабад находится большое городище Эйлатан¹. Оно расположено на краю древнего берега поймы и обнесено двойным рядом валов. Внешний вал, уже едва заметный, образует прямоугольник длиной более 2 км, вытянутый с запада на восток. Со стороны поймы, с юга, где еще совсем недавно были низины и болота, вала нет. Внутренний вал, параллельный внешнему, сохранился достаточно хорошо. Он ограничивает площадь собственно городища (местное его наименование — Шаари-Хайбер) сравнительно небольших размеров — около 500 × 400 м. По форме оно в основе прямоугольное, с выдающимся к югу (к пойме) углом. Внутренняя площадь городища в значительной степени разрушена распашкой и арыками; в южной части — большие посадки леса, а в западной — жилые усадьбы с огородами. Еще в недавние годы на территории городища были довольно хорошо заметны низкие, расплывчатые холмы — «жилые бугры», скрывающие развалины древних строений. В настоящее время древний рельеф поселения почти уничтожен, но местами сохранились неразрушенные участки, где можно производить исследования.

Основной культурный слой относится к середине I тысячелетия до н. э., но после некоторого периода запустения, в первых веках нашей эры, на поселении был второй этап жизни.

Городище исключительно интересно как единственное в Фергане хорошо сохранившееся поселение времени, непосредственно предшествующего начальным этапам широкого развития ирригационного земледелия. Памятники этого последующего этапа, археологически характеризуемого широким распространением керамики с красным блестящим ангобом², многочисленны и разбросаны по всей Фергане. Это поселения-тепе различных размеров и типов — от развалин небольших отдельных усадеб до громадных холмов, хранящих в себе остатки сложных укрепленных жилищ и крепостей. На некоторых из них найдены наслоения интересующего нас более раннего времени³, но они сильно разрушены и перекрыты мощными толщами позднейших напластований.

¹ Б. А. Латынин. Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарыне в Фергане. ИГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 141—157; Ю. А. Заднепровский. Городище Эйлатан. СА, 1960, № 3, стр. 29—45; Б. А. Латынин. Эйлатанская расписная чаша. КСИИМК, вып. 80, 1960, стр. 90—92.

² Этап Ф II, по Б. А. Латынину; см. его периодизацию — «Вопросы истории ирригации древней Ферганы» (КСИИМК, вып. 64, 1956).

³ Тепе № 2 у Нарынского совхоза (Кугай), поселение у сел. Чакан (Большой Ферганский канал), Сым-тепе в г. Фергане, Пиляль-тепе у сел. Тюря-Куоган и др.

На городище Эйлтан второй этап жизни был, видимо, недолгим и не очень интенсивным. Поэтому основное, раннее поселение не было разрушено. При раскопках 1934 г. (Б. А. Латынин) и 1952 г. (Ю. А. Заднепровский) вскрыт достаточно хорошо сохранившийся ранний слой с полами и кострищами (1934 г.), с глинобитными стенами (1952 г.). Проведенные автором настоящего сообщения небольшие раскопки 1958 г. позволили выявить строительные остатки позднего периода (мощная стена и производственная печь), залегавшие на перемешанном раннем слое.

Наличие двух этапов жизни на поселении поставило вопрос о времени постройки стен городища. В 1960 г. Эйлтанским отрядом Ферганской экспедиции ИА АН СССР были проведены небольшие раскопки для выяснения конструкции вала (с определением, по возможности, времени его возведения) и исследования жилого комплекса раннего периода.

Траншея на валу. Восточный вал внутреннего городища, высотой 3,5 м и шириной 18—20 м, был разрезан поперечной (запад — восток) траншеей 16 × 2 м. Внешний (восточный) склон его значительно круче внутреннего, где к валу, возможно, прилегали постройки.

Под оплывами глины обнаружена кладка стены, на вершине вала начинавшая сразу же под дерновым слоем. Ширина стены — около 4 м, а в высоту она сохранилась на 2 м (рис. 10). Верхняя часть была сложена из сырцовых кирпичей ручной лепки примерно одного стандарта, хотя размеры варьируют. Кладка довольно регулярная, но вместе с тем кирпичи лежали иногда неправильно и с промежутками, заполненными глиной. На глубине 0,35 м замерены кирпичи 37 × 28 см; 37 × 30 см; 36—37 × 30—32 см; при толщине 8—10 см (в основном — 8 см); вертикальные швы — 2 см. Ряды кладки прослоены глиной.

На глубине 0,9 м в центре стены были вынуты несколько кирпичей. Они прямоугольной формы, к одному концу суживаются, углы округлены (рис. 11). Кирпич формовался из толстой глиняной лепешки, лежавшей на земле, поэтому нижняя сторона оставалась плоской и более широкой, а края округлые. Хорошо заметны следы пальцев, оставленные при формовке, и отпечатки самана. На верхней стороне пальцем же прочерчена тамга (круг, «птичий след» и неясная полоса). Глина коричневая, с большой примесью самана. Кирпичи всегда лежали тамгой вниз. Размеры кирпичей: 32 × ? × (8—10) см; 33 × ? × (8—10) см; 45 × 30—25 × 9—10 см; ? × 31 × 9—10 см; 42 × 36—32 × (8—10) см; 45 × 35 см; 38 × 28 см (наиболее часто); 35 × 30—31 × 9—10 см.

Края стены сложены тщательнее и образуют панцирь; в середине кладка более небрежная. С глубины от 1,1 до 1,3 м лежал слой гувалья (комьев глины) в растворе, подстилавшийся прослойкой желтой глины. Гувалья — темного цвета, очень твердые и тяжелые. Они сделаны без самана и положены в стену почти без просушки. Поэтому они сминаются и срстаются с глиной раствора в одно целое, образуя очень плотный и однородный слой. Края комьев видны по покрывающему их белому налету.

И в кирпичях, и в гувалья (в промазке) встречаются обломки небольших точильных камней. В слое кирпичей (квадрат II, глубина — 1,1 м) найден обломок венчика кухонного горшка или котла из серой глины с большой примесью белого дробленого камня; черепок плотный, поверхности сглажены.

Под слоем гувалья лежали крупные прямоугольные сырцовые кирпичи из глины зеленоватого цвета, с очень малой примесью самана. Меток на них нет. Размеры сырцовых кирпичей: 48 × 33 × 8—9 см; 35 × ? см; 40 × ? см; 42 × 39 см; 36 × 32 см; 42 × 40 см. Интересен кирпич размерами 40 × 42 × 8—9 см: по краям его шел уступчик, как бы от рамки (рис. 11—7), возможно, — след примитивной формовки; рамку накладывали на пласт глины, затем обрезали его по внешнему краю. На кирпиче заметен неопределенный выпуклый отпечаток.

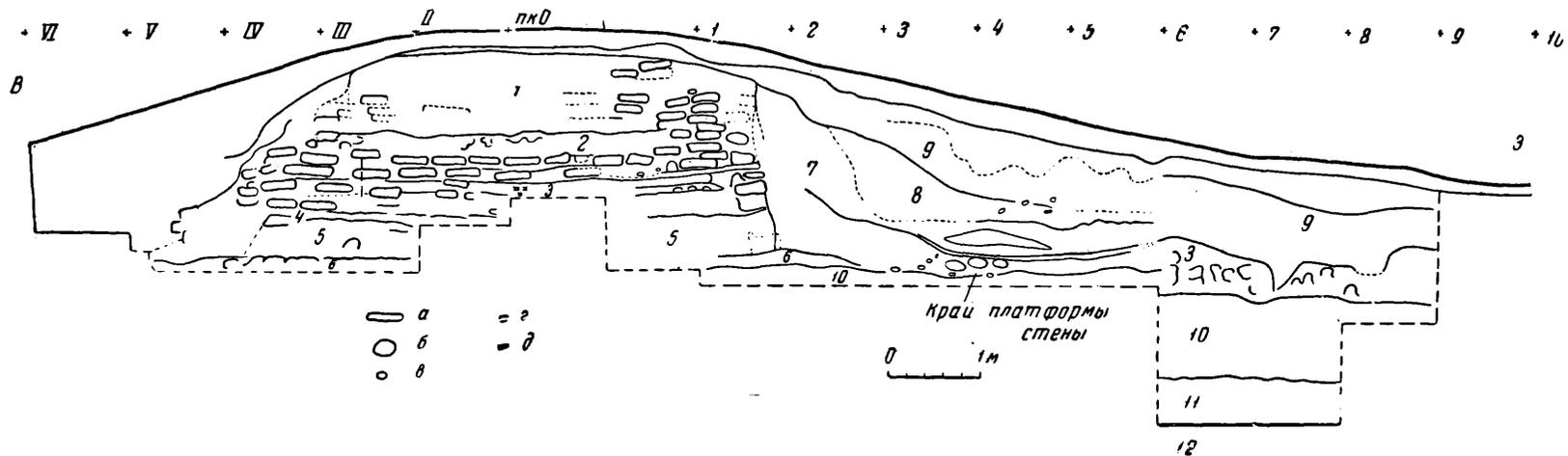

Рис. 10. Разрез восточного вала городища Эйлатан.

1 — кирпичи; 2 — куски гувая (промазка); 3 — гувая; 4 — слой глины; 5 — крупные плотные гувая; 6 — сбита глина; 7 — мягкий оплыв; 8 — куски гувая в завале; 9 — оплыв; 10 — мягкий лсс с песком; 11 — глина плотная; 12 — твердый шох (материк); а — кирпичи; б — гувая; в — камни; г — печина обожженная; д — керамичка.

В нижней части стены кладка не так регулярна. Ряды «зеленых» кирпичей, редко положенных в глиняном растворе, перемежаются со слоями гувая, связывая и укрепляя их. В кладке кирпичей на глубине 13 м (квadrat III) найден обломок днища с плоским поддоном от лепной чашки (типа Эйлатан I), окрашенной жидкой краской по стенкам снаружи; на дне, внутри, возможно, была роспись широкими полосами.

Стена достигала в ширину 4—4,2 м. По наружному ее фасу обнаружен уступ. Очевидно, стена здесь делала поворот или изгиб; фас ее отступал на

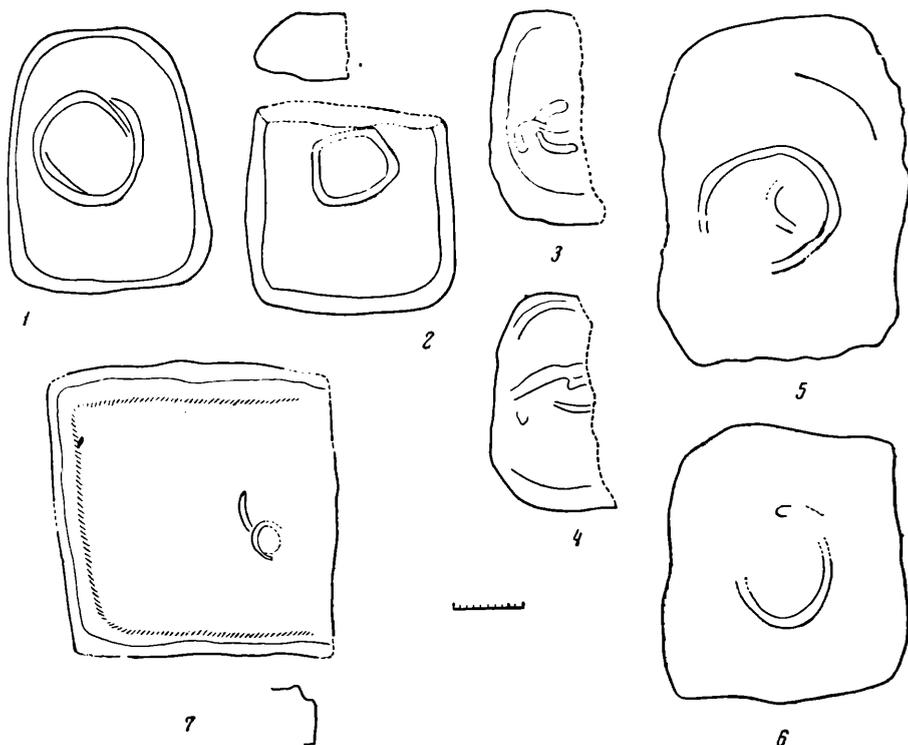

Рис. 11. Эйлатан. Сырцовые кирпичи из стены.

0,8 м. В основании стены (от глубины 2 м до 2,5—2,6 м) лежал мощный слой крупных гувая, образующий как бы платформу, которая в свою очередь была положена на слой сбитой глины, вероятно, выравнивавший площадку при возведении стены. Ниже залегал нетронутый очень мягкий и рассыпчатый лёсс с песком, лежавший толстым слоем на более темной плотной, слегка слоистой глине с точками белых кристаллов, зеленоватыми примазками и красноватыми пятнышками.

Немногочисленные обломки керамики, найденные в самой стене и в ее завалах, относятся к раннему времени. Это обстоятельство, а также и то, что стена построена на чистом грунте, а не на культурном слое, позволяют с большой долей уверенности отнести ее сооружение к раннему этапу жизни на поселении, т. е. к середине I тысячелетия до н. э.

Р а с к о п 2. Серия разведочных шурфов, заложенных в разных местах городища, показала, что на большей его части верхние горизонты культурного слоя сильно разрушены. В юго-восточной части городища сохранились незапаханными небольшие всхолмления, видимо, отражающие древний рельеф. На одном из них при проведении арыка был задет интенсивный

жилой слой с керамикой эйлатанского времени. Здесь был заложен шурф № 6 и на глубине 0,35 м обнаружены остатки очага и край глинобитной стены, а ниже, на глубине 0,65 м, около подножия этой стены появился хорошо утоптаный глиняный пол с золистыми и угольными пятнами. Верхняя часть культурного слоя (до уровня очага) была серого цвета, ниже, — желтоватого.

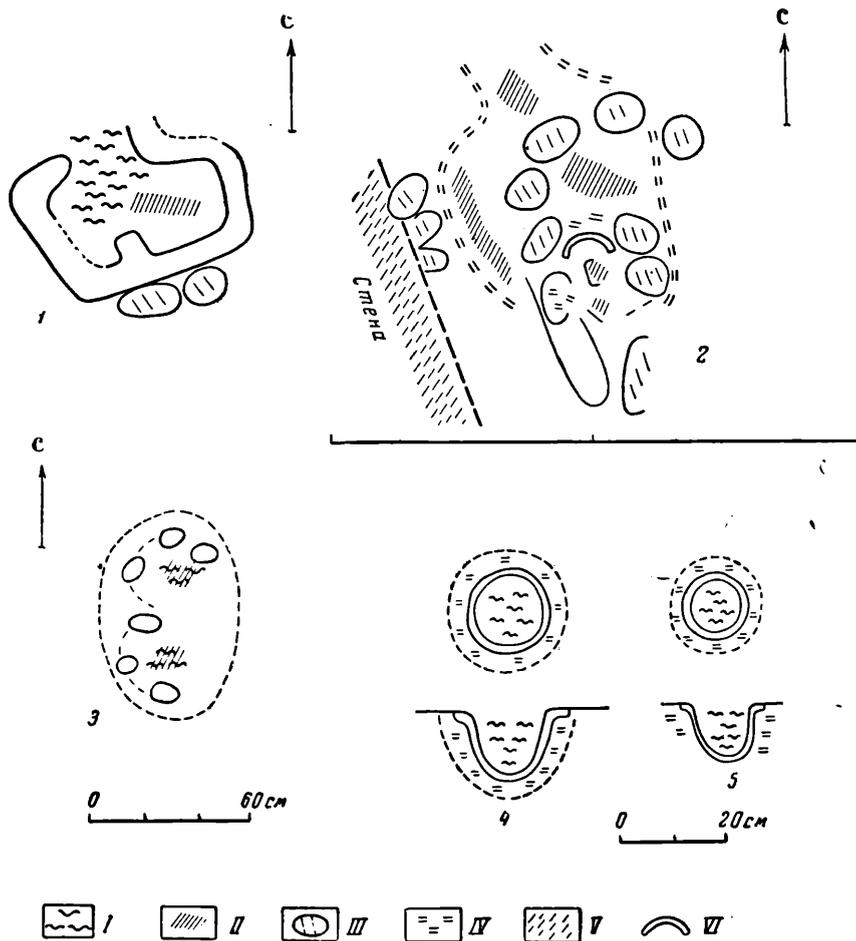

Рис. 12. Планы очагов, вскрытых на городище Эйлатан.

1 — очаг на квадрате 2а (на глубине 1 м); 2 — очаг верхнего дома (на глубине 0,4 м); 3 — очаг в шурфе № 13; 4, 5 — очажки-ямки в полу эйлатанского жилища (план и разрез); I — зола; II — уголь; III — комья глины; IV — обожженная печина; V — верхняя стена; VI — обломки сосуда.

Заложенным на месте шурфа раскопом 2 вскрыты остатки двух разновременных жилых помещений, расположенных одно на другом. От верхнего жилища, залегавшего очень близко к современной поверхности, сохранилось совсем немного — очаг и часть стены. Очаг был сложен (или выложен внутри) из небольших (около 10×15 см) овальных комьев глины и, видимо, состоял из двух камер: большой — около 0,5 м в диаметре, и малой — около 0,3—0,35 м в диаметре. Топка, очевидно, была с северо-северо-западной стороны, а в юго-восточной части находился выход для дыма и огня (рис. 12—2). В малой камере, в темном углистом заполнении найдены крупные обломки сделанного на круге довольно большого кувшина (без ручки) из розоватой лёссовой глины, покрытого белым ангобом; от

вращения при формовке стенки слегка рифленые. Вокруг очага заметна уплотненная земля с мелкими угольками, пятнами печины — утоптаный жилой слой. Рядом с очагом в верхнем сером слое прослежена часть глинобитной стены, проходившей с северо-северо-запада на юго-юго-восток; основание ее лежало на нижнем желтоватом слое, что очень хорошо было видно в обрезе бровки (рис. 13). Ширина стены — 0,4—0,6 м, сохранившаяся высота — 10—20 см.

Таким образом, верхний жилой комплекс представлен очагом со следами пола и стеной. Период его разрушения связан с серым перекрывающим слоем, тогда как подстилающий его желтый слой относится к периоду разрушения нижнего жилого комплекса. После того как нижнюю постройку забросили, был значительный перерыв, период запустения, после которого на образовавшемся слое построен верхний дом. Время жизни верхнего

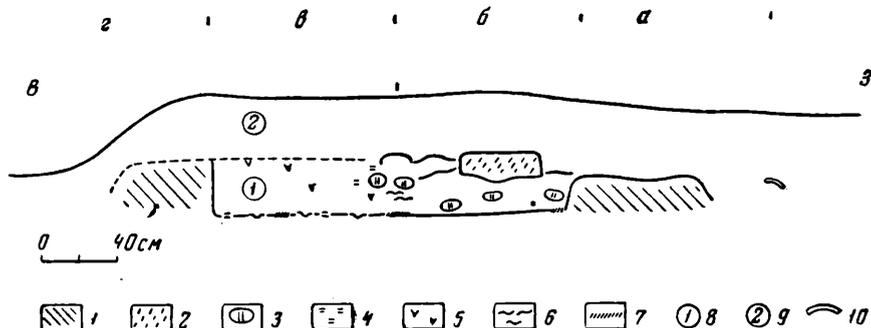

Рис. 13. Эйлатан, раскоп 2. Разрез по линии восток — запад (по границе квадратов 4/5).

1 — стены нижнего дома; 2 — стена верхнего дома; 3 — комья глины; 4 — обожженная печина; 5 — угольки; 6 — зола; 7 — угольные прослойки; 8 — нижний желтый слой; 9 — верхний серый слой; 10 — обломок керамики.

жилища установить трудно. Толщина относящегося к нему культурного слоя незначительна, и находки в нем смешанные. Вероятнее всего, оно относится к первым векам нашей эры. Основанием для датировки может служить лишь находка в очаге разбитого сосуда позднего типа (с белым ангобом, сделанного на круге), не относящегося к комплексу керамики эйлатанского этапа. Сосуд закопчен и лежал внутри очага; поэтому вряд ли можно считать, что он попал туда случайно.

Нижнее жилище, прямоугольное, размерами $3,7 \times 2$ м, вытянуто с северо-запада на юго-восток, со входом в середине юго-западной стены (рис. 14). На глубине 0,65 м под завалом хорошо выделялся пол — плотный глиняный слой с пятнами золы, растоптанной печиной и угольками на поверхности. Толщина его — до 10 см (в центре помещения); пол, видимо, неоднократно подмазывался или был натоптан. Стены, вероятно, глинобитные, но в северо-восточной стене хорошо заметны отдельные овальные гувая размерами $10-15 \times 20-25$ см, толщиной 10—12 см. Юго-восточная и северо-восточная стены (шириной 0,5—0,6 м) сохранились в высоту на 0,3—0,4 м; юго-западная стена в южной своей части была шириной 0,8—1 м и высотой 0,2—0,3 м; от северо-западной сохранился лишь низ, а северный угол разрушен поздним перекопом. Стены стоят на уровне основания пола, но юго-западная поставлена на полу; углистая прослойка, которая идет в слое пола на глубине 4—5 см от его поверхности, проходит под эту стену. Вход хорошо не прослежен, — здесь очень близка современная поверхность. Определить его удалось главным образом по натоптанному слою пола.

В юго-восточном углу помещения на полу был открыт очаг-козрище диаметром 0,4 м, прокаленный на 5—6 см в глубину. Близ северо-восточной

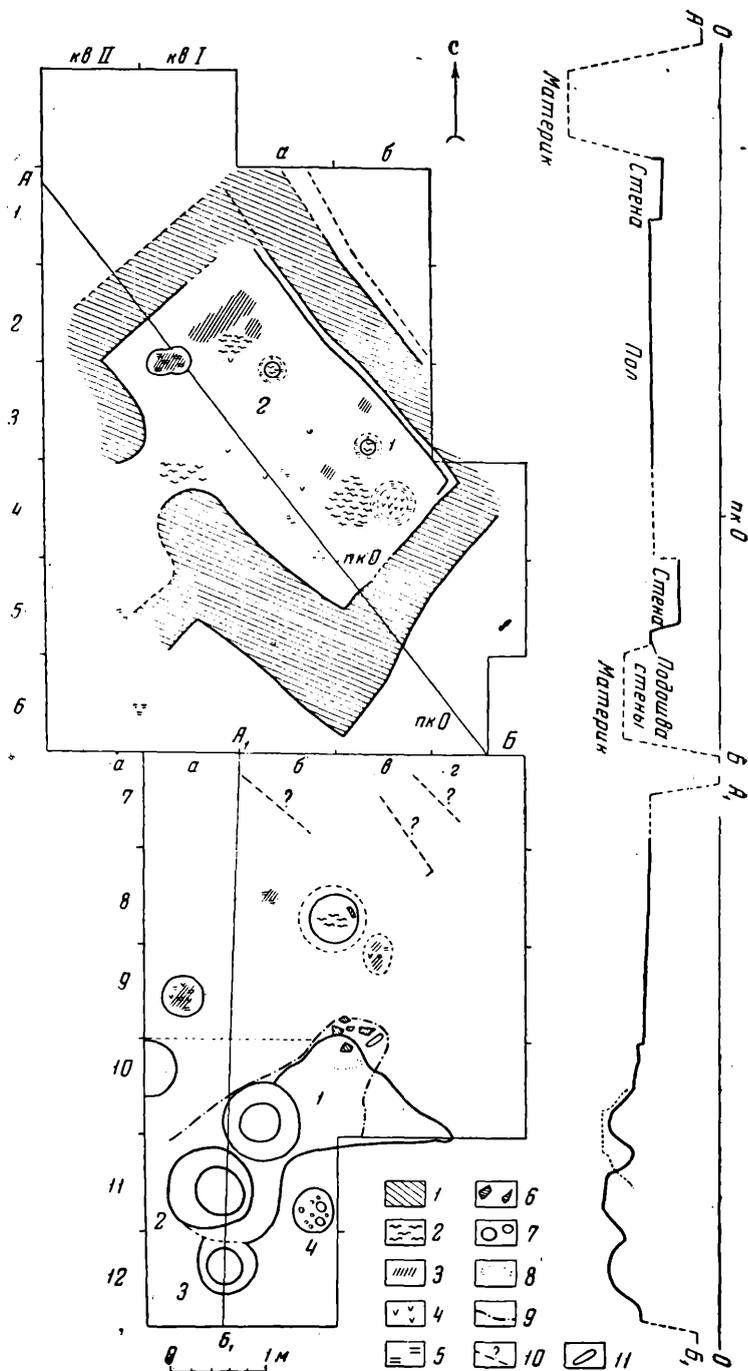

Рис. 14. План и разрез нижнего (эйлатанского) жилища.

1 — стена; 2 — вода; 3 — уганстый слой; 4 — угольки; 5 — обожженная глина; 6 — керамика;
 7 — камни; 8 — комок глины (гуваля); 9 — нижний контур ямы; 10 — предполагаемые
 стены пристройки; 11 — каменная точилка.

стены при зачистке пола обнаружены еще два очага — правильные круглые ямки (глубиной более 10 см, диаметром внутри 10—15 и 15—20 см) с очень крутыми стенками. Стенки и дно прокалились и покрыты углистой прослойкой толщиной 1 см. Очаги заполнены чистой, без углей, золой и, вероятно, служили для обогрева — они могли заполняться горевшим углем, как и современный сандал (рис. 12—4, 5).

Рядом с жилищем, к югу от него, была хозяйственная площадка, может быть, частично закрытая небольшим навесом с легкими стенками из комьев глины. Здесь на глубине 0,8 м расчищена слегка покатая по склону холма, хорошо утоптанная поверхность пола с темными углистыми и беловатыми золистыми пятнами, со следами временных кострищ и открытых очагов. Очаги — мелкие круглые углубления диаметром 0,4 м, заполненные золой и угольками; вокруг них глина слегка прокалена. Рядом вскрыт меньший очажок (диаметром 0,2 м); недалеко от него в небольшой ямке лежали обломки хозяйственного сосуда и каменная точилка.

Рядом с площадкой находились три круглые хозяйственные ямы с крутыми стенками, вырытые в твердой коричневой глине, подстилающей пол. Диаметры их поверху — 0,8, 0,7 и 0,6 м, по дну — около 0,4 м; глубина — около 0,3 м. В одной из них (№ 3) лежала нижняя часть большого круглодонного лепного сосуда. Рядом была еще одна яма (№ 4), более глубокая, диаметром 0,4 м, цилиндрической формы. В ней оказались две сломанные зернотерки и много небольших галек. Здесь найдены также три глиняных и одно каменное пряслице (рис. 15—3, 5, 8). Сверху ямы были перекрыты слоем более позднего перекопа.

Принадлежность этого жилого комплекса к раннему периоду (эйлатанскому этапу) не вызывает сомнений. Крупные обломки лепных круглодонных чашек, окрашенных красной краской, типичных для эйлатанского комплекса, найдены над самым полом помещения. В полу и в пятне очага также встречены обломки лепной крашеной керамики этого типа. На хозяйственной площадке непосредственно на полу собрано большое количество крупных обломков сосудов эйлатанского комплекса. Поздняя керамика здесь отсутствовала.

Жилище раннего этапа было построено на естественном возвышении, частично заваленном культурными отложениями того же времени. В этих напластованиях на глубине 1 м, под северной стеной жилища, обнаружен очаг, частично врытый в склон холма. Очаг сложен из небольших (8 × 13 см) обожженных комьев глины; в плане он прямоугольный, с закругленными углами; края не замкнуты. Размеры его — 0,7 × 0,4 м, глубина — 10—15 см. Очаг, по-видимому, двухкамерный — небольшая стенка делит его на две части (рис. 12—7); он заполнен золой, стенки внутри покрыты углистым слоем. В золе и в завале найдены куски лепной круглодонной чашки (Эйлатан I); она окрашена по краям жидкой желтоватой краской, а внутри наискось проведена поперечная полоса. Глубже (1,4 м) недалеко вскрыты остатки хозяйственной ямы диаметром около 0,7 м.

Керамика, найденная в раскопе 2, в общем повторяет уже известные типы; следует лишь отметить почти полное отсутствие здесь тонкостенных сосудов актамского типа, сделанных на круге (тип IV, по Ю. А. Заднепровскому)⁴. Встречены кольцевидные поддоны от лепных крашенных чашек, крупные и небольшие, а также обломок высокой подставки-ножки от такой же чашки. Из новых форм можно указать на плоскодонные лепные чашки с наклонным, слегка закругленным бортиком, орнаментированные полосами и пятнами жидкой краски с внутренней стороны. Новая находка — несколько «заготовок»; это плоские кружки, сделанные из стенки сосуда, очень типичные для поселения эпохи бронзы Дальверзин (рис. 15—7).

⁴ Ю. А. Заднепровский. Указ. соч., стр. 38, рис. 10.

Особо следует отметить находку обломка яйцевидной булавы из светлого серого шлифованного камня, со сверленным отверстием (рис. 15—1). Подобные булавы встречались в раскопах 1934 и 1952 гг.

Интересны глиняные пряслица из раскопа 2 и каменное острие из шурфа № 11 (рис. 15—2, 4, 6, 8). Сходство их с аналогичными находками из Ак-Тамского могильника⁵ позволяет зафиксировать дополнительные линии связи между этими двумя комплексами.

Керамика, найденная в жилом помещении и на хозяйственной площадке, интересна тем, что здесь представлен целый комплекс форм и типов, бытовавших одновременно.

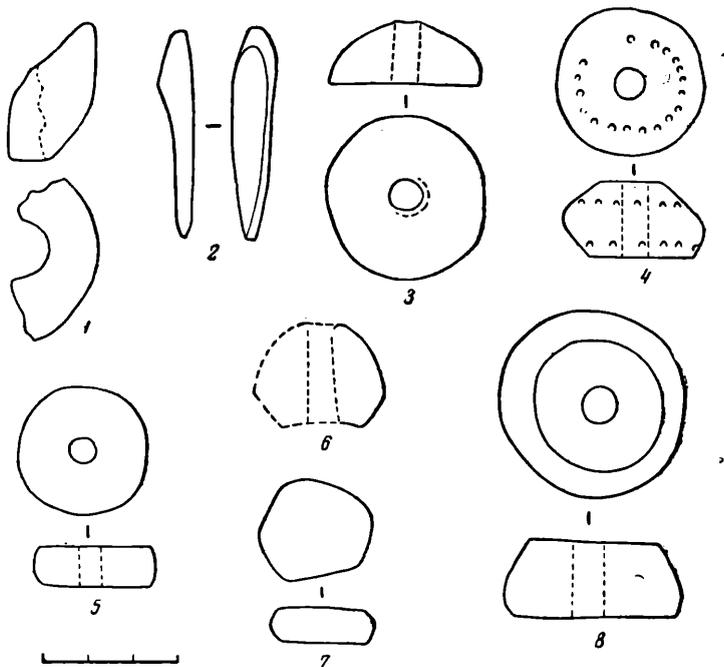

Рис. 15. Находки из раскопок на городище Эйлатан.

1 — обломок каменной булавы; 2 — каменное острие; 3, 4, 6, 8 — глиняные пряслица; 5 — каменное пряслице; 7 — керамический кружок („заготовка“).

Работы 1960 г., несмотря на их небольшой объем, дали очень ценные результаты. На городище Эйлатан впервые открыт жилой комплекс середины I тысячелетия до н. э. — жилое помещение, часть двора и хозяйственные ямы. Выявлены различные типы очагов этого времени: очаг-кострища открытые; очаги, сложенные из комьев глины в виде двух камер — большой и малой; очаги, имеющие форму глубокой ямки, служившие для обогрева. Следует отметить еще один тип — сложенный из комьев глины очаг с двумя одинаковыми камерами. Он обнаружен в северо-восточном углу городища в небольшом раскопе, заложенном на месте шурфа № 13 (рис. 12—3). Здесь выявлены полуразрушенные пахотой остатки жилого слоя — пол, очаг, мусорные кучи.

Раскопки показали также, что высказанное Ю. А. Заднепровским мнение о бытовании на городище Эйлатан построек с длинными узкими комнатами⁶ следует пересмотреть, и решение вопроса о типе жилищ отложить

⁵ Б. Э. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Ак-Тамский могильник. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 83, рис. 29—22, 26, 27.

⁶ Ю. А. Заднепровский. Указ. соч., стр. 31.

до того времени, когда будет собран достаточный фактический материал. Но другое положение Ю. А. Заднепровского — о раннем возрасте валов городища, видимо, следует принять. На исследованном нами участке стена стоит на чистом грунте, без признаков культурного слоя. Это обстоятельство, а также то, что ни в кладке стены, ни в ее завале не обнаружено поздних материалов, позволяет отнести время ее возведения к ранним этапам жизни на городище — к началу возникновения здесь поселения.

Стена Эйлатана находит некоторое сходство в строительных приемах с оборонительной стеной Дальверзинского поселения эпохи бронзы. И там, и здесь характерна панцирная обкладка сырцовыми кирпичами с более небрежной закладкой внутри. И там, и здесь в нижних слоях стены положены более крупные и тяжелые «зеленые» кирпичи с очень малой примесью самана. Под основанием стены выложена такая же глинобитная платформа с укреплением краев ее мелкой галькой.

Сходство строительных приемов отражает более глубокие связи. На одновременном Дальверзинскому Чутском поселении в верхних слоях найдена керамика, идентичная эйлатанской, — глубокие полусферические чаши с красной окраской. Эйлатанский культурный комплекс генетически тесно связан с предшествующим ему чутским⁷. Целью дальнейших исследований должно быть выявление четких этапов развития и взаимосвязей обеих культур, а также определение путей их дальнейшего развития в последующую эпоху — период широкого применения ирригационной техники в земледелии.

⁷ При раскопках 1961 и 1962 гг. на городище Эйлатан найдены два фрагмента керамики чутского типа.

О. В. ОБЕЛЬЧЕНКО

БРОНЗОВЫЕ ЗЕРКАЛА ЛЯВАНДАКСКОГО МОГИЛЬНИКА

В погребальный инвентарь курганов около городища Лявандак¹, помимо керамики, оружия и украшений, входили бронзовые зеркала, найденные в курганах № 6 и 8. В кургане № 6 скелет женщины лежал вытянуто, на спине, головой на юго-восток. Среди инвентаря, состоявшего из посуды, украшений и железного наконечника стрелы, размещенных около головы и ног скелета, под лопаткой найдено хорошо сохранившееся бронзовое зеркало со стержнем и полый костяной ручкой (рис. 16—2).

Диаметр зеркала — 10,5 см, длина ручки — 5,5 см. Рабочая поверхность зеркала ровная, а обратная сторона — с выступающим в виде валика ободком и небольшой конической выпуклостью в середине. Костяная ручка сделана из двух трубок диаметром 2,5 см. Снаружи на ручке — кольцевой валик; внутри на стенках костяной трубки сделаны выемки с уступом для крепления стержня. Когда стержень зеркала вынули, из костяной трубки высыпался коричневый тлен, остатки деревянных клиньев, которыми ручка удерживалась на стержне.

Второе бронзовое зеркало было найдено в кургане № 8, где скелет лежал вытянуто, на спине, головой на юг. Инвентарь этого погребения тоже состоял из посуды, украшений и железного наконечника стрелы. Зеркало со стержнем для надевания ручки находилось ниже черепа, под позвоночным столбом. Диаметр зеркала — 16 см. По краю сделан кольцевой валик, в середине — коническая выпуклость (рис. 16—1). На гладкую, рабочую поверхность зеркала, которой оно было обращено к полу, полосами налип истлевший хворост, устилавший пол подбоя.

Найденные зеркала однотипны; разница лишь в размерах. Судя по опубликованному материалу, до сих пор в Средней Азии обнаружено два таких зеркала: одно — в курганах I—II вв. н. э. около Янги-Юля, другое — в погребении Д (типа III-A), I—III вв. н. э., могильника Тупхона.

Зеркало из Каунчинских курганов целое², а из могильника Тупхона — с отломанным стержнем³. В остальных могильниках Средней Азии встречались лишь китайские зеркала без ручек. М. Э. Воронец считал, что китайские зеркала получили в Средней Азии распространение в первые века нашей эры после установления широких торговых связей с Китаем, а зеркала с ручкой предшествовали им⁴.

¹ Описание могильника и его интерпретацию см. О. В. Обельченко. Лявандакский могильник. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 97—177.

² Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении. ИАН КазССР, № 46, серия археологическая, вып. 1, Алма-Ата, 1948, стр. 59, 60, табл. III.

³ М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда. Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, т. I. МИА, № 15, 1950, стр. 170, табл. 84, рис. 1.

⁴ М. Э. Воронец. Археологические исследования Института истории и археоло-

Бронзовые зеркала с ободком по краю и выпуклостью в середине часто находят в погребениях прохоровской культуры Южного Приуралья⁵ и в сарматских погребениях Нижнего Поволжья⁶. На Кубани зеркала этого типа известны по находке из курганов на хуторе Зубовском, которые были исследованы Н. И. Веселовским⁷. В 1903 г. Н. И. Веселовский раскопал около Армавира большой курган, в котором обнаружено женское впускное погребение, ориентированное на юг. У пояса скелета лежало зеркало, аналогичное льяндакскому из кургана № 6⁸.

Материалы из курганов Кубанской области Н. И. Веселовский датировал II—III вв. н. э., в том числе и находки на хуторе Зубовском⁹. Т. Е. Кизерицкий отнес вещи из курганов у хутора Зубовского к VI—V вв. до н. э.¹⁰, ибо среди них оказалась чаша, которая по палеографическим данным датировалась V—VI вв. до н. э.¹¹ Б. В. Фармаковский, исходя из анализа устройства погребальных сооружений и сравнения их с сооружениями некрополя Ольвии, относил материалы из курганов у хутора Зубовского ко II в. до н. э.¹²

Видимо, с последней датировкой был согласен М. И. Ростовцев, который, отмечая сходное устройство подбойных могил, раскопанных Н. И. Веселовским на Кубани, с устройством могил прохоровской культуры Приуралья, считал, что датировка Н. И. Веселовского неверна, что некоторые погребения точно датируются II—I вв. н. э., но какие, — не указал¹³.

Такое же зеркало найдено и на Украине в Балтском уезде в 1914 г. в одном из погребений¹⁴. Два таких зеркала встречены в некрополе Танаиса (одно из них — в подбойной могиле). Третье зеркало обнаружено в «Круглом кургане» I в. н. э., в окрестностях Танаиса¹⁵.

Анализируя зеркала из Танаиса, в том числе и аналогичные льяндакским, Т. Н. Книпович приходит к выводу, что они местные, генетически восходят к типам, которые не связаны с античным миром, и широко распространены на юге СССР. Отмечая широкое распространение зеркал

гии и Музея истории Академии наук УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг. Труды Музея истории Узбекской ССР, вып. II, Ташкент, 1954, стр. 63.

⁵ К. В. Сальников. Древнейшие памятники истории Урала. Свердлов, 1952, стр. 97.

⁶ P. R a u. Die Hügelgräber Römischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk, 1927, рис. 7.

⁷ Н. Веселовский. Раскопки курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области. ИАК, вып. I, 1901, стр. 102, рис. 25.

⁸ ОАК за 1903 г. 1906, стр. 63, рис. 102.

⁹ Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе. Труды XII АС в Харькове, т. I, М., 1905, стр. 366.

¹⁰ Там же.

¹¹ Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области..., стр. 369.

¹² Там же, стр. 350.

¹³ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, № 37, 1918, стр. 32—34.

¹⁴ ОАК за 1913—1915 гг. 1918, стр. 201, рис. 255.

¹⁵ Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 55, 56, рис. 12.

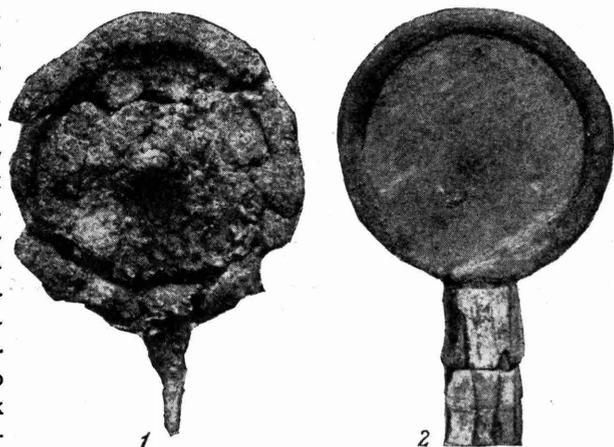

Рис. 16. Зеркала из Льяндакского могильника.

1 — из кургана № 8; 2 — из кургана № 6.

этого типа в Прикубанье¹⁶ и Нижнем Поволжье, Т. Н. Книпович считает, что они существовали с I в. до н. э. и не позднее II в. н. э.¹⁷

Другого мнения по вопросу о происхождении зеркал с валиком по краю диска и выпуклостью в середине, найденных на Кубани, придерживается К. Ф. Смирнов. Он полагает, что это поздний вариант зеркал прохоровского типа — с валиком по краю диска и короткой ручкой и определенно «...прикаспийского происхождения...». Появление же их на Кубани он связывает с передвижением сарматских племен из Поволжья на запад¹⁸.

У самых ранних по времени зеркал из Прохоровских курганов — плоский диск, валик по краю и гладкая внутренняя поверхность, а сбоку короткая ручка с отверстием на конце. Таково зеркало из III Прохоровского кургана¹⁹. Следующим видом можно считать зеркала 3-го типа из Танаиса²⁰ и льяндакские, у которых, наряду с валиком, есть выпуклость в центре и короткая заостренная ручка, но уже без отверстия.

За этим видом следуют зеркала с валиком по краю, выпуклостью в середине, с более короткой, но уже прямой ручкой и отверстием в ней около диска. Таковы зеркальца-подвески из погребений четвертой хронологической группы I в. до н. э. — II в. н. э. меото-сарматского могильника у станицы Усть-Лабинской²¹, из долины Урупа (Кубань)²², из погребений первых веков нашей эры Таркинского могильника²³ и с Украины²⁴.

Судя по приведенным аналогиям, зеркала из Льяндакского могильника можно отнести ко времени, предшествующему нашей эре. Такая датировка подкрепляется отличием их от более ранних, найденных на Тянь-Шане²⁵, и от зеркал первых веков нашей эры, обнаруженных в Кара-Булакском²⁶, Ворухском²⁷, Вревском²⁸ и Кенкольском²⁹ могильниках. Это отличие зеркал из Льяндакского могильника от подобного рода находок на территории Средней Азии позволяет считать их зеркалами сарматского типа, присущего сарматской культуре II в. до н. э. — I в. н. э.³⁰

В заключение необходимо отметить, что зеркало из кургана № 6 было первым зеркалом подобного рода, найденным с костяной рукояткой на стержне, не только в археологии Средней Азии, но и в сарматской. О назначении этих боковых стержней Т. Н. Книпович писала, что они служили, вероятно, для надевания на них деревянной или костяной оправы. Льяндакское зеркало полностью подтвердило это предположение.

¹⁶ Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 56.

¹⁷ Там же, стр. 57.

¹⁸ К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. КСИИМК, XLVI, 1952, стр. 17.

¹⁹ М. И. Ростовцев. Указ. соч., табл. V, рис. 5.

²⁰ Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 55, рис. 12.

²¹ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 199, рис. 18, 6.

²² Н. В. Анфимов. Могильники сарматского времени в долине реки Урупа. КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 89, 90, рис. 29.

²³ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки. МИА, № 23, 1951, стр. 261, рис. 17, 2.

²⁴ М. И. Вязьмитина. «Вивчення сарматів на території Української РСР. «Археологія», т. VIII, Київ, 1953, стр. 69, рис. 6; е е же. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. «Вопросы скифо-сарматской археологии», 1954, стр. 238, табл. V, 8.

²⁵ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 39, 40, рис. 17, 4.

²⁶ Ю. Д. Баруздин. Кара-Булакский могильник. Труды ИИ АН КирССР, вып. II, 1956, стр. 67—69.

²⁷ Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Труды ИИАЭ АН ТаджССР, т. XXXV, 1955, стр. 64, 65, рис. 31.

²⁸ М. Э. Воронцов. Отчет археологической экспедиции Музея истории Академии наук УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков нашей эры возле станицы Вревская в 1947 г. Труды Музея истории народов Узбекистана, вып. 1, Ташкент, 1951, стр. 52—54, рис. 5.

²⁹ И. Кожомбердыев. Новые данные о Кенкольском могильнике. КСИИМК, вып. 80, 1960, стр. 72.

³⁰ М. П. Абрамова. Сарматская культура II в. до н. э. — I в. н. э. СА, 1959, № 1, стр. 65, 66.

В. С. СОРОКИН

ЖИЛИЩА ПОСЕЛЕНИЯ ТАСТЫ-БУТАК

Поселение Тасты-бутаки находится в Актюбинской области, Казахской ССР, на правом берегу р. Орь, примерно в 160 км по прямой к востоку от г. Актюбинска. Оно обнаружено в 1956 г. при раскопках соседнего могильника Тасты-бутаки I, ныне уже законченных¹. Как и могильник, поселение принадлежит андроновской культуре и относится к раннеалакульскому периоду; его абсолютная дата, полученная радиоуглеродным методом, — 1229 (± 80) до н. э.² Систематические раскопки поселения Тасты-бутаки начаты в 1959 г., и хотя за два первых полевых сезона (1959—1960 гг.) удалось полностью раскопать только два жилища из предполагаемых пяти, нам кажется полезным уже сейчас рассмотреть некоторые их особенности³.

Оба раскопанных жилища (рис. 17) — это большие прямоугольные землянки, основой которых служил котлован глубиной, по-видимому, не более метра. В настоящее время на местах котлованов заметны неглубокие западины, по очертаниям не совпадающие с планом древних сооружений. Жилища расположены на расстоянии около 8 м друг от друга и ориентированы продольными осями одинаково — с запада-юго-запада на восток-северо-восток. Жилище № 1 находится приблизительно в 10 м от русла пересыхающей летом небольшой степной речки Тасты-бутаки, на правом берегу которой размещалось поселение. Отсутствие какой-либо поймы заставляет предполагать, что и в XIII—XII в. до н. э. русло находилось там же, что и в наши дни.

Ниже речь пойдет лишь о некоторых любопытных особенностях вскрытых жилищ, в связи с чем попутно будут затронуты и отдельные вопросы условий жизни и быта носителей андроновской культуры в степных районах западной части ее территории. Подробное описание результатов раскопок и находок оставляется до окончания изучения всего поселения.

Как это обычно для андроновской культуры, исследованные жилища поселения Тасты-бутаки были довольно крупными сооружениями. Длина первого из них — 20 м, ширина — 8—10 м, площадь — около 185 кв. м; длина второго — 18 м, ширина — 8 м, площадь — 144 кв. м. Прямоугольные очертания жилищ и их общие размеры не вызывают сомнений, хотя точные контуры стенок котлованов во многих случаях не выяснены. Некоторые наблюдения в процессе раскопок наводят на мысль, что продольные стены не были прямыми на всем протяжении, а примерно в середине их строителями намеренно оставлялись выступы материкового грунта,

¹ В. С. Сорокин. Могильник Тасты-бутаки I (раскопки 1956—1957 гг.) КСИА АН СССР, вып. 80, 1960, стр. 53—59.

² Данные радиоуглеродной лаборатории Института археологии АН СССР.

³ Работы ведутся Западноказахстанской экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством автора.

вдававшиеся внутрь котлованов; в этом случае котлованы должны были иметь в плане форму прямоугольников с перехватами в средней части, указывающими на двучленность сооружения. Внешние очертания западин на местах андроновских жилищ на многих поселениях как будто указывают на

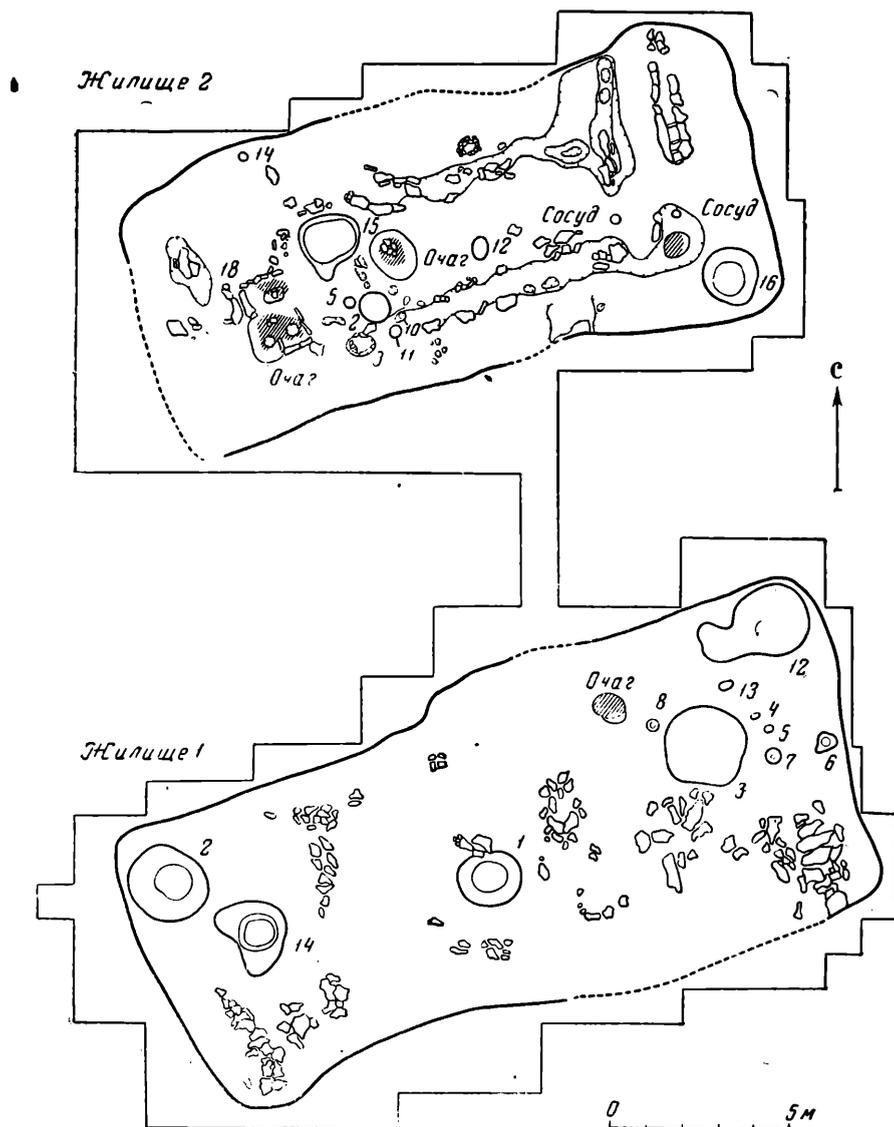

Рис. 17. Поселение Тасты-бутак. План жилищ № 1 и 2.

распространенность такой планировки⁴. Вход в жилища № 1 и 2 не обнаружен. Конструкция наземной части стен (если они были) и кровли не установлена.

Внутренняя планировка жилища № 1 чрезвычайно неясна. У восточной стенки, ближе к юго-восточному углу, было незначительное возвыше-

⁴ Таковы, например, некоторые жилища андроновских селищ Черниговского, «У Белого камня», Нижне-Спасского и Замараевского (К. В. Сальников. Андроновские поселения Зауралья. СА, XX, 1954, стр. 216, 217, 225, 237, 246 и рис. 2, 3, 15). В западине на месте одного, еще не раскопанного, жилища поселения Тасты-бутак также заметен «перехват».

ние шириной около 2 м, укрепленное с внутреннего края неровной каменной кладкой; возможно, это были нары. Камни ограждали небольшой участок пола и у юго-западного угла. Остатки какого-то каменного ограждения, расположенного поперек жилища, видны и в его западной половине, ближе к северной стенке. Этих ограниченных и неясных данных, конечно, недостаточно, чтобы составить представление о внутренней планировке.

Ямки от столбов — опоры кровли — в жилище, по сути дела, не обнаружены. Одна наиболее достоверная ямка подобного рода (№ 6, глубина — 0,5 м, диаметр — 0,2 м) находилась у восточной стенки; возможно, что неглубокие ямки с восточной и северной сторон большой ямы № 3 остались от каких-то столбиков малого диаметра. В жилище обнаружен один очаг. Это круглое углубление (0,6—0,65 м в поперечнике и глубиной около 0,3 м) расположено в восточной половине жилища, ближе к северной стенке. Его заполняла черная, углистая масса, в которой попадались камни и черепки с ясными следами пребывания в золе и углях. Ниже — лежащая глина была без следов прокаленности. Учитывая и это, и то, что углубление — незначительных размеров, нельзя считать очаг (если это вообще очаг) основным в жилище. Другие же очаги не обнаружены.

Наиболее интересны в жилище № 1 четыре больших ямы (№ 1, 2, 3 и 14), расположенные в разных местах. Две из них, бесспорно, служили целям водоснабжения (колодцы). Так как подобные же сооружения вскрыты и в жилище № 2, им будет уделено внимание ниже.

Внутренняя планировка и устройство жилища № 2 выяснены лучше. Здесь привлекли внимание две относительно хорошо сохранившихся канавки, идущие вдоль приблизительно на равном расстоянии (2—2,5 м) от северной и южной стенок. Глубина их была, по-видимому, не более 0,4—0,5 м, ширина — около 0,8 м. Стенки их вертикальные, верхняя кромка фиксировалась камнями, размещенными на некотором расстоянии друг от друга (камни предотвращали осыпание стенок). Одни из камней сохранили первоначальное положение, другие — сползли при разрушении жилища. Протяжение обеих канавок — примерно 7 м. Южная канавка на всю длину была более или менее прямой; северная у восточного конца как бы делала поворот под прямым углом, переходя в более широкое углубление, направленное к северу. Пространство между канавками (около 3 м) было приблизительно на одном уровне с остальными участками пола.

В жилище № 2 открыты три очага: главный, в западной части, и два второстепенных. Главный очаг состоял из прямоугольного углубления (глубина — не более 10 см), частично огражденного камнями; два остальных — простые округлые выемки с угольно-зольным заполнением.

Ямки, напоминающие столбовые, обнаружены в небольшом количестве, и их размещение не дает никаких дополнительных сведений для суждения о конструкции сооружения. Само отнесение их к числу столбовых не всегда доказано. Столбовыми могли быть ямки, в которых оказались впущенными довольно большие камни, возможно, заклинивавшие нижнюю часть столбов. Можно предполагать также, что некоторые ямки служили для помещения сосудов. Такие ямки с сохранившимися в них нижними частями глиняных сосудов обнаружены в нескольких местах. Кроме описанных, вскрыты и более крупные ямы, очевидно, хозяйственного назначения (такова яма № 2 и, может быть, № 3).

В восточной части жилища, ближе к северо-восточному углу, находилось непонятное сооружение в виде узкого углубления длиной около 3 м, обставленного и частично вымощенного камнями. Четыре плоских камня, поставленные на ребро, отделяли в южной части сооружения три неравных по размерам отсека. В жилище № 2 обнаружены два колодца (ямы № 15 и 16), вполне аналогичные встреченным в жилище № 1.

Не вдаваясь в рассмотрение подробностей, обратим внимание на то, что определяет внутреннюю структуру жилища № 2, — на описанные выше

канавки, устройство и расположение которых ясно говорят об их назначении. Это проходы, которые отделяют нары, идущие вдоль стен в средней части жилища, от его внутреннего пространства. Ширина нар (около 2 м) и их расположение по краям помещения подтверждают их назначение как места для сна. Характерно, что на нарах отсутствуют всякого рода ямки. Только на северных нарах отмечена неглубокая ямка, обложенная камнями; назначение ее неясно. Таким образом, нары, вероятно, были местом, где обитатели проводили ночь, пространство же в середине, между канавками, было местом дневного пребывания — здесь готовили пищу и занимались разными делами.

Среди памятников андроновской культуры внутренняя планировка жилищ, подобная планировке тасты-бутацкой землянки № 2, неизвестна. Земляные нары, — правда, расположенные иначе, — встречены в отдельных андроновских жилищах. Какое-то подобие земляных нар наблюдала О. А. Кривцова-Гракова у восточной стенки землянки № 5 Алексеевского поселения⁵; может быть, нарами был уступ шириной около 3 м, расположенный вдоль стенок частично сохранившегося жилища № 3 Садчиковского поселения⁶. Трудно представить, что во всех остальных известных андроновских жилищах люди работали, ели и спали прямо на земляном полу — андроновское общество отнюдь не было столь примитивным. Вероятнее всего, в землянках были какие-то, очевидно, деревянные настилы или нары, на существование которых указывают многочисленные ямки столбов малого диаметра, часто встречаемые археологами при раскопках андроновских жилищ. Но этот вопрос пока остается открытым. Земляные же нары, расположенные у продольных стен жилища и отделенные от его средней части канавками, нигде, кроме Тасты-бутака, в андроновских памятниках не отмечены.

По-видимому, несколько чаще встречаются нары в жилищах срубной культуры⁷. Размеры статьи не позволяют рассмотреть все известные случаи, и лучше сразу же обратиться к тем срубным землянкам, где внутренняя планировка близка, — можно сказать, одинакова, — с планировкой жилища № 2 Тасты-бутака.

Такие землянки обнаружены М. П. Грязновым в известном срубном поселении у Ляпичева хутора на Дону в 1951 г.⁸ Публикуя результаты раскопок, М. П. Грязнов уделил внимание реконструкции перекрытия землянок и, может быть, поэтому не остановился на их другой, весьма существенной особенности — на канавках, расположенных параллельно продольным стенам, судя по планам, — на расстоянии 1,5—2 м от них⁹. Более того, стремясь доказать, что в ляпичевских землянках не было ни внутренних перегородок, ни столбов для поддержания кровли, М. П. Грязнов пишет, что «пол везде равномерно понижается по направлению от стен к середине»¹⁰, совершенно забывая о существовании указанных канавок. Между тем на планах двух землянок (№ 3 и 6) эти канавки показаны.

Канавки ляпичевских землянок сохранились много хуже, чем в жилище Тасты-бутака. На хуторе Ляпичева они не были укреплены по верхнему

⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII, М., 1948, стр. 76 и табл. VI.

⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение. МИА, № 21, 1951, стр. 176, рис. 2.

⁷ См., например, В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. I. Л., 1939, стр. 14, рис. 2; И. В. Синицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья, СА, XI, 1949, стр. 199, рис. 4; О. А. Кривцова-Гракова. Памятники бронзовой эпохи у селений Мокшан и Пустынь. Труды ГИМ, вып. XII, М., 1941, стр. 91, рис. 3; Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, № 61, 1958, стр. 109.

⁸ М. П. Грязнов. Землянки бронзового века близ хутора Ляпичева на Дону. КСИИМК, вып. 50, 1953.

⁹ М. П. Грязнов. Указ. соч., рис. 59 и 60

¹⁰ Там же, стр. 114

краю камнями, да, возможно, и характер грунта не способствовал их сохранению. В землянке № 6 они расположены обособленно, а в землянке № 3 их северные концы соединены широким углублением, идущим поперек жилища. Очевидно, и здесь, как и в землянке № 2 андроновского поселения Тасты-бутак, канавки отделяли несколько повышавшуюся к стенкам часть «пола», которая, таким образом, могла служить местом для сна, нарами. В этом случае, однако, соответствующую часть землянки приходится считать жилой, а не предназначенной для содержания скота в зимнее время, как предполагает М. П. Грязнов¹¹.

Устанавливаемое, таким образом, близкое сходство, — можно сказать, тождество, — между землянками срубной культуры на Дону и землянками андроновской культуры на р. Ори (речка Тасты-бутак — правый приток Ори, протекающей в 20 км от места раскопок) не должно казаться удивительным. Известны черты сходства между обеими культурами и следы их взаимовлияния; можно указать и на свидетельства взаимного проникновения отдельных групп населения на территорию своих соседей. Так, например, при раскопках срубного Сусканского I поселения на Средней Волге обнаружены несомненные признаки ранее существовавшего здесь андроновского селища¹².

Хорошим примером обратного продвижения племен — с территории срубной культуры на территорию андроновской — может служить упомянутый в начале статьи могильник Тасты-бутак I. При безусловно андроновской материальной культуре обнаруженные здесь черепа принадлежат европеоидному средиземноморскому антропологическому типу и находят много общих черт с антропологическими типами населения Поволжья в ту же историческую эпоху¹³. Очевидно, в могильнике погребались члены племени, уже давно переселившегося в казахстанские степи, так как должно было пройти немало лет, прежде чем пришельцы сменили свою культуру на культуру местных племен. Вполне возможно, что люди, создавшие поселение на речке Тасты-бутак, также принадлежали к переселенцам или, вернее, их потомкам. Материальная культура поселения андроновская, но хронологическая и территориальная близость поселения и могильника исключает возможность считать их принадлежащими населению разного происхождения.

Вторая важнейшая особенность раскопанных на поселении Тасты-бутак землянок — это упомянутые выше глубокие ямы-колодцы (жилище № 1 — ямы № 1 и 14, жилище № 2 — яма № 16). Лучшее всего сохранился колодец в западной части жилища № 1 (яма № 14; рис. 18). Его расположенная на уровне пола входная часть неправильных очертаний, более 2 м в поперечнике, воронкообразная, вероятно, приобрела эту форму в результате разрушения верхнего края. С глубины 0,4 м от уровня пола стенки ее

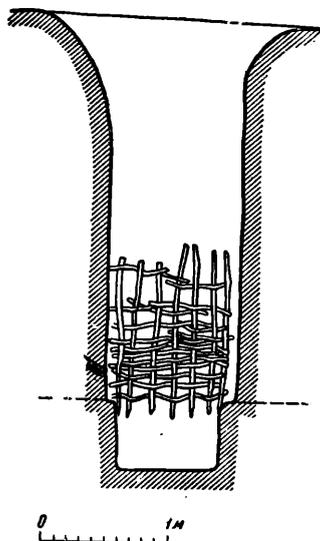

Рис. 18. Поселение Тасты-бутак. Колодец (яма № 14) в жилище № 1.

¹¹ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 146.

¹² Н. Я. Мерперт. Указ. соч., стр. 133.

¹³ В. В. Гинзбург и Б. В. Фирштейн. Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана. Сб. Музея антропологии и этнографии, т. XVIII, стр. 422, 423, 426.

уже вертикальны. Ствол делится на две неравные части: до глубины 3,05 м; (включая и воронкообразную часть) он круглый, диаметром около 1,05 м; далее по всей окружности следует горизонтальный уступ шириной около 10 см, ниже которого, получая подчетырёхугольную форму, ствол суживается до 0,8 м в поперечнике. Ровное горизонтальное дно колодца находится ниже уступа на 0,55 м. Общая глубина колодца — 3,6 м.

В верхней части ствол прорезает светлую белую глину, почти повсюду составляющую пол жилища. По мере углубления глина становится все более песчанистой; с глубины примерно 2 м стенки колодца состоят из песка,

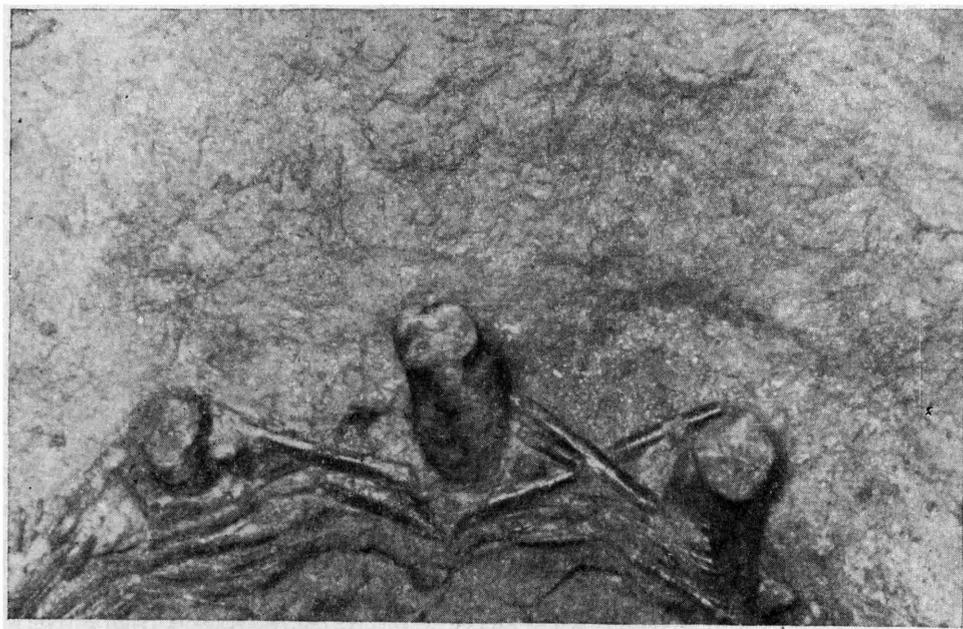

Рис. 19. Поселение Тасты-бутах.
Остатки плетня в колодце жилища № 1 (яма № 14).

более или менее скрепленного глиной, а с приближением к уступу их образует чистый, довольно мелкий песок. Часть ниже уступа выбита в твердом хрящеватом грунте и сохранилась до наших дней без каких-либо изменений.

Слой песка — водоносный, и, естественно, вода, поступающая в колодец, должна была размывать его. Поэтому стенки с глубины примерно 1,85 м и до уступа были укреплены плетнем, нижняя часть которого сохранилась довольно хорошо (рис. 19). Плетень сооружался из сучьев саксаула диаметром (в сыром, сильно разбухшем состоянии) до 4—5 см, заплетался более тонкими ветвями того же растения¹⁴; пространство между последними, а также между плетнем и стенками забивалось травой. Все это, взятое вместе, препятствовало разрушению колодца, одновременно создавая надежный фильтр.

Есть основания считать, что плетень сооружен не одновременно с колодцем, а несколько позднее. Дело в том, что заостренные концы кольев находились ниже уступа примерно на 15 см, но не достигали дна колодца. Очевидно, плетень был сооружен, когда обнаружилось, что колодец

¹⁴ Определение доцента Ленинградского университета А. И. Зубкова, которому, пользуясь случаем, автор приносит свою благодарность.

разрушается и когда его нижняя часть уже заполнилась песком. (Во время раскопок замечено, что в нижней части колодца заполнение было того же цвета, что и в верхней, но отличалось большей песчанностью).

Заполнение было почти однородным на всей глубине. Это темно-бурая вязкая грязь с культурными остатками того же рода, что и в обычном культурном слое,— костями животных и незначительным количеством черепков. Кости от длительного нахождения во влажном грунте были черного цвета. Никаких прослоек в заполнении ни этого, ни других колодцев не обнаружено.

Второй колодец (яма № 1) в жилище № 1 во всем подобен предыдущему, отличаясь лишь тем, что у его нижней части, вырытой не в твердом хрящеватом грунте, а в белой глине, не было четких очертаний и ровного дна. Здесь также сделан плетень из саксаула, но он сохранился гораздо хуже и не сфотографирован¹⁵. Несколько иного устройства был колодец в юго-восточном углу жилища № 2 (яма № 16). Его ствол пройден почти на всю глубину в твердой желтоватой породе зернистой структуры, внешне очень похожей на хрящеватый твердый грунт, в котором выбит нижний участок ствола колодца в жилище № 1 (яма № 14). На глубине 3,2 м от пола колодец жилища № 2 суживался до 0,7 м в диаметре, образуя наклонный уступ, а еще ниже, на глубине 3,8 м, достигнув зеленой глины, снова расширялся до 0,85 м. К сожалению, из-за тесноты и непрерывного поступления воды дальнейшая расчистка оказалась невозможной. Щупом, впущенным в заполнение еще на глубину 1 м, твердое дно не обнаружено. Таким образом, глубина колодца была не менее 5 м.

Как уже говорилось, в жилищах, кроме колодцев, оказались большие ямы, назначение которых не столь ясно. Это ямы № 2 и 3 в жилище № 1 и яма № 15 в жилище № 2. Ямы № 2 и 15 при их раскопках вначале невозможно было отличить от колодцев — тот же диаметр, такое же заполнение, но обе они оказались более мелкими, и никаких деревянных конструкций в них не было. И хотя в этих ямах, как и в колодцах, уже на незначительной глубине появлялась вода, уверенно считать их колодцами невозможно. Они могли иметь и другое назначение.

Глубокие ямы, подобные найденным в тасты-бутацких жилищах, известны на других поселениях эпохи бронзы на территории СССР. Назовем колодец, обнаруженный С. С. Черниковым на Трушниковском поселении позднеандроновского времени (IX—VIII вв. до н. э.) на Иртыше. Это круглая суживающаяся книзу яма глубиной 2,1 м (верхний диаметр — 1,2 м, нижний — 0,75 м), прорезавшая плотную глину и (в нижней части) крупнозернистый цементированный песок. Дно образовывала коренная гранитная скала. При раскопках уже на глубине 1,6 м показалась грунтовая вода. Отношение ямы к раскопанному здесь жилищу № 1 неясно, так как в эту сторону часть котлована жилища сходила на нет, и трудно сказать, где помещался колодец — в жилище или вне его¹⁶.

Возможно, колодцы встретил К. В. Сальников на андроновском Замараевском селище (Шадринский район Курганской области). Исследователь принял их за очаги. Но, как он сам пишет, некоторые из них достигали глубины более 1,1 м и не исследованы до дна — этому мешала грунтовая вода¹⁷. Даже глубина в 1,1 м странна для очага, а еще бóльшая совершенно немыслима. Трудно сказать, чем были эти ямы, но, во всяком случае, предполагать, что это колодцы, можно с неменьшим основанием, чем считать их очагами.

¹⁵ Древесина из этого колодца использована для определения возраста поселения Тасты-бутац радиоуглеродным методом.

¹⁶ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1966, стр. 53, 54, табл. XIV и XLVI.

¹⁷ К. В. Сальников. Замараевское селище. Первое Уральское археологическое совещание. Пермь, 1948, стр. 43.

Внешне очень похожие на тасты-бутацкие, но другого назначения ямы вскрыты на Сусканском I поселении срубной культуры на Средней Волге¹⁸. Они служили погребями для хранения скоропортящихся продуктов в жаркое время, о чем неопровержимо свидетельствуют найденные в них части скелетов и даже целые скелеты животных и многочисленные глиняные сосуды.

Немалым препятствием в процессе исследования тасты-бутацких колодцев были грунтовые воды. Раскопки практически сводились к непрерывному отчерпыванию воды и выбору вручную вязкой грязи, содержащей культурные остатки, причем в глубине колодцев постоянно ощущался слабый запах сероводорода. Непрерывно поступающая вода на глазах размывала стенки ствола, чего уже не могло предотвратить подгнившее плетение из веток саксаула. Удалось заметить, что поступление воды находилось в прямой зависимости от количества выпадавших осадков. 1959 г. в Западном Казахстане был засушливым, и раскопкам первого колодца (яма № 1) в жилище № 1 вода препятствовала в незначительной степени. Дебит воды составлял всего около 50 литров в сутки¹⁹.

Иная картина наблюдалась в следующем 1960 г. Начало лета оказалось чрезвычайным дождливым. Вода была бедствием для работавших на расчистке колодцев — все время приходилось стоять по колена в холодной жидкой грязи, выбирая ее руками, причем нужно было непрерывно следить за размываемыми стенками, которые угрожали обвалами, — правда, не опасными, но мешавшими работе. Дебит воды во втором колодце (яма № 14) жилища № 1 превосходит дебит воды в первом в 20 раз, составляя около 1000 литров в сутки. Характерно, что и соседняя большая яма № 2 также непрерывно заполнялась водой, разрушавшей ее стенки, и в конце концов, когда работы уже были окончены, крупный обвал уничтожил перемышку между ней и колодцем. Обе ямы пришлось срочно засыпать во избежание несчастных случаев. Такая же картина наблюдалась и в жилище № 2. Здесь яма № 15, вероятно, не имевшая назначения колодца (как и яма № 2) и сравнительно неглубокая, быстро заполнялась водой, а дебит воды в колодце (яма № 16), исследование которого пришлось прервать, составлял около 900 литров в сутки.

Актюбинские степи богаты грунтовыми водами. Хотя мелкие и редкие степные речки полностью или почти полностью пересыхают уже в начале лета, добыть пригодную для питья воду не трудно. Достаточно выкопать на краю сухого русла реки яму глубиной 2—3 м, и она сравнительно быстро заполнится водой. Так и поступали местные жители в прежние годы (заплывшие остатки таких ям сохранились близ места раскопок, у развалин казахского зимника, существовавшего здесь до 30-х годов), так поступают они и сейчас. Кроме того, в последние годы в окружающей степи построено немало хороших оборудованных колодцев.

Чем же, однако, объяснить тот факт, что в эпоху бронзы местные жители рыли колодцы внутри жилищ и притом подчас по два на жилище (в жилище № 1 — два колодца, и оба они функционировали одновременно).

Всегда говорилось, что дебит воды находится в прямой зависимости от осадков — в дождливый год он велик, в засушливый — незначителен. При этом установлено, что в случае достаточного количества осадков, — например, в начале года, — вода поступает в изобилии и в последующие месяцы. Если бы во II тысячелетии до н. э. влажность местного климата не отличалась от современной, то, можно сказать, вопрос о воде для жителей древнего поселения не был бы острым. Но они явно придавали ему немалое

¹⁸ Н. Я. Мерперт. Указ. соч., стр. 112—115, рис. 12.

¹⁹ Дебит — специальный термин для обозначения количества воды (нефти, газа и т. п.), доставляемой источником в единицу времени.

значение и затрачивали большие усилия на сооружение и оборудование колодцев в каждом жилище. Это можно объяснить только большей сухостью местного климата в эпоху бронзы. Малое количество осадков порождало недостаток грунтовых вод и требовало специальных забот о водоснабжении. Весной еще можно было пользоваться водой из соседней речки, но она быстро, — вероятно, еще быстрее, чем в наши дни, — пересыхала.

Наличие колодцев в исследованных жилищах можно считать прямым указанием на бóльшую, по сравнению с современной, засушливость климата. Хорошим подтверждением этого предположения является и то, что плетни, укреплявшие стенки колодцев в древности, делались из ветвей саксаула. Черный саксаул — типичное растение пустынь и полупустынь Средней Азии и Казахстана — в настоящее время в окрестностях Тасты-бутака не растет. Его современная северная граница проходит примерно на 400 км южнее, приблизительно по 45-му градусу северной широты, по Северному Приаралью и левобережью р. Эмбы²⁰. Учитывая это, приходится признать, что по крайней мере, в Западном Казахстане и Южном Приуралье ландшафтные зоны в эпоху бронзы были сдвинуты на север не менее чем на 500 км, и в районе древнего поселения на Тасты-бутаке был не степной, как теперь, а полупустынный ландшафт.

До недавнего времени в среде советских археологов господствовало мнение, что на территории современной степи и лесостепи эпоха бронзы совпадала с так называемым ксеротермическим периодом в истории климата, но сейчас наметился отход от этой точки зрения. Археологи Куйбышевской экспедиции, опираясь на полевые наблюдения, сделали попытку пересмотреть вопрос и пришли к отрицанию ксеротермических явлений во II тысячелетии до н. э. на территории Поволжья²¹. Здесь не место вступать с ними в дискуссию и рассматривать вопрос во всей его сложности, но нельзя не подчеркнуть, что наблюдения, сделанные при раскопках поселения Тасты-бутака (XIII—XII вв. до н. э.) опираются на объективные данные, прямо указывающие, что, по крайней мере, на данной территории во II тысячелетии до н. э. вместо современных степей была полупустыня.

подавляющее большинство известных в настоящее время поселений андроновской культуры открыто на берегах рек. Они обнаружены на никогда не пересыхающих реках Южного Приуралья, на Тоболе, Оби, Иртыше. Исследователи обычно указывают на характерное для этих поселений расположение близ речных пойм с их богатым травостоем в летнее время и легкими почвами. В связи с этим постоянно подчеркивается занятие андроновцев мотыжным земледелием наряду с ведущей ролью скотоводства. С. В. Киселев даже само происхождение андроновской культуры связывает с переходом к земледелию²².

Специфика расположения андроновских селищ в речных поймах связана, по-видимому, лишь с уровнем и характером наших знаний и объясняется относительной легкостью обнаружения древних селищ на берегах рек, где полые воды часто обнажают в обрывах берегов культурные слои. Поселение Тасты-бутака расположено в открытой степи, у незначительной, пересыхающей уже в начале лета, речки, не образовавшей никакой поймы. Можно предполагать, что оно не представляет собой исключения и что в будущем будет открыто немало чисто степных поселений андроновской культуры.

Сомнительно, чтобы в условиях полупустыни земледелие могло играть сколько-нибудь заметную роль в хозяйстве андроновцев. И хотя полностью

²⁰ «Деревья и кустарники СССР», т. II. М.— Л., 1951, фиг. 147.

²¹ Н. Я. Мерперт и А. П. Смирнов. Археология и некоторые вопросы почвоведения. СА, 1960, № 4, стр. 3—13.

²² С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 99, 100, 102; см. также «Всемирную историю», т. I, М., 1955, карта на стр. 452—453 к главе XIV, написанной С. В. Киселевым.

отрицать его нельзя (в жилищах Тасты-бутака найдены характерные каменные орудия, которые принято считать наконечниками мотыг), все же представляется более вероятным, что хозяйство степного населения андроновской культуры было по существу скотоводческим. Многочисленные кости животных, найденные при раскопках поселения Тасты-бутака, еще полностью не обработаны, но уже сейчас видно, что здесь в стаде преобладали корова, овца и лошадь; последняя использовалась и как ездовое животное, о чем свидетельствуют уже три находки костяных псалиев в раскопанных двух жилищах²³.

Таким образом, на основании рассмотренных археологических материалов появляется возможность считать, что, во-первых, в эпоху бронзы существовали определенные связи между населением степей Западного Казахстана и племенами срубной культуры, причем вероятно даже переселение последних в восточном направлении; во-вторых,— что хозяйственные основы племен андроновской культуры не были единообразны на всем занятом ею пространстве. Очевидно, что часть этих племен, обитавшая в условиях открытой степи и даже полупустыни, специализировалась на скотоводстве, создавая основу для возникновения здесь в будущем кочевых обществ. Вместе с тем материалы поселения Тасты-бутака дают основание считать, что вопрос о климате в эпоху бронзы еще не может быть решен и что, наряду с данными, которые привели к отрицанию ксеротермического периода, известны достаточно веские факты и в его пользу.

²³ Рассмотрению псалиев подобного типа и в связи с этим вопроса о времени возникновения ездового коневодства на территории СССР посвящена специальная статья — см. К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей. СА, 1961, № 1.

К. А. АКИШЕВ

ШЕСТОЙ БЕСШАТЫРСКИЙ КУРГАН

Могильник Бешшатыр расположен на правом берегу р. Или, у подножья гор Чулактау, в 180 км на восток от г. Алма-Ата. Памятник у местного населения носит название могилы Бешшатыр. Могильник состоит из 20 курганов с каменной насыпью диаметром до 100 м, высотой до 17 м. За четыре полевых сезона (1957, 1959—1961 гг.) здесь раскопано в общей сложности 10 курганов.

Часть материалов уже опубликована¹. В число этих курганов входит и большой царский, названный «шестым Бешшатырским». Он был самым южным в могильнике. Диаметр его — 52 м, высота — 8,25 м.

По основанию насыпь обложена крупным камнем в один слой. Это создает впечатление, что курган как бы стоит на фундаменте. Вершина насыпи плоская, с юго-восточной стороны — воронка диаметром 10 м, глубиной 2,5 м; на северной половине — западина шириной 2 м, спускающаяся сверху вниз; у основания кургана она заканчивается отвалом выброса диаметром 4 м, высотой 1,2 м. К северо-западу от кургана на расстоянии 60 м расположены 14 каменных оград, вытянутых цепочкой с юга на северо-запад на 70 м. Ограды составлены из 5—7 каменных плит и валунов, причем плоские плиты врыты на торец с восточной стороны каждой из оград. Диаметр оград — 2 м, расстояние между ними — 2—2,5 м. Вертикальные плиты — высотой от 0,8—1,2 м.

В результате работ установлено, что насыпь кургана трёхслойная: верхний слой — каменное покрытие толщиной у верха 1 м, к основанию — до 2 м; средний — лёсс с мелкой щебенкой (2—3 м) и нижний — крупный щебень с камнем (1—4 м). Многослойность насыпи объясняется не разновременностью ее сооружения, а, вероятнее всего, свидетельствует о своеобразной методике возведения насыпей больших курганов, выработанной многолетней практикой. Особенности конструкции насыпи служили для создания сухого микроклимата внутри кургана, предохраняющего деревянное сооружение от влаги и сырости, от быстрого разрушения. Строители достигли этой цели; деревянная гробница, обнаруженная под насыпью, в основном прекрасно сохранилась, противостояв разрушительному действию времени (рис. 20).

Несколько хуже сохранились бревна верхнего слоя наката и верхняя часть вертикальных опорных столбов, возвышающихся над крышей усыпальницы на 1,5—2 м. Сравнительно плоха сохранность бревен коридорообразного входного сооружения. Объясняется это тем, что грабители разрушили защитные слои насыпи над входом, чтобы войти через него в

¹ К. А. Акишев. Саки Семиречья. Труды Института истории АН КазССР, т. 7, Археология, Алма-Ата, 1959, стр. 204—214.

усыпальницу, и поэтому вода, скоплавшаяся в большой воронке, оставшейся после ограбления, проникала внутрь сооружения.

Бесшатырская усыпальница воздвигнута на поверхности погребенного под насыпью грунта, т. е. полностью наземная. В этом заключается одно из существенных отличий ее от сооружений подобного типа, исследованных в Монголии, на Алтае, в скифских курганах Северного Причерноморья.

Усыпальница Бесшатыра — сложное для своего времени архитектурное сооружение. Состоит она из трех частей — коридора, передней (сени) и погребальной камеры. Коридор — это длинная, высокая и открытая (без перекрытия) пристройка размером $5 \times 1,3$ м. Высота его — около 5 м

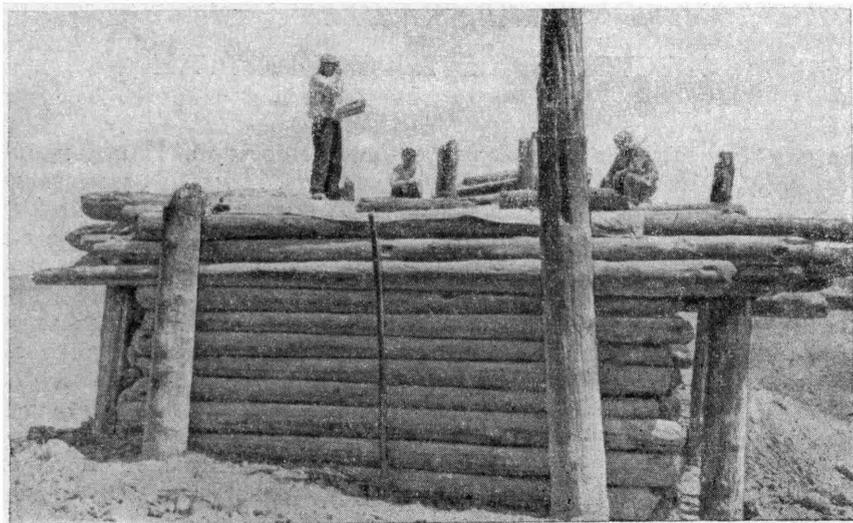

Рис. 20. Западный фасад гробницы Бесшатыр.

(4,95 м), примерно на 1 м больше камеры. Передняя (или сени) служит продолжением коридора и примыкает к восточной стене погребальной камеры. Она почти на 3 м ниже коридора, квадратной формы, крыта тремя короткими, но толстыми бревнами; размеры ее — $1,5 \times 1,5$ м. Боковые стены двух этих входных сооружений общие, из бревен, положенных друг на друга горизонтально с небольшим наклоном с запада на восток. С внутренней стороны их поддерживают четыре опорных столба, вкопанных в землю на глубину до 1 м. Коридор делится на два отсека (колодца) положенными поперек и всунутыми между бревнами стен плахами.

Погребальная камера сделана в форме неправильного квадрата и ориентирована по странам света с небольшим отклонением. Стены ее возведены из бревен тяньшанской ели, положенных друг на друга в 13 рядов; потолком и крышей служит накат, толщиной в три бревна, лежащий прямо на стенах камеры в меридиональном направлении. Бревна, образующие стены камеры, удерживаются вертикально врытыми опорными столбами; всего их — 19. С каждой из трех сторон поставлено по два наружных и по три внутренних столба. Наружные врыты у концов лежащих бревен, а внутренние стоят по углам и посередине стен. Только у восточной стены снаружи и изнутри стоят по четыре поддерживающих столба. Такое отличие объясняется тем, что по середине этой стены, пропустив два бревна снизу (порог) и пять сверху, прорубили дверной проем размером $1,55 \times 0,72$ м (рис. 21). Для того чтобы облегчить перешагивание через высокий (0,6 м) порог, с наружной стороны положили ступенькой обрубок

бревна. На нем же стоят два коротких столба, усиливающих опору крыши над сенями.

Все бревна усыпальницы хорошо обработаны — заподлицо. Срублены сучья и ветки, снята кора. Бревна, составляющие стены камеры, тщательно стесаны и плотно пригнаны друг к другу; для придания большей устойчивости сооружению толстая комлевая часть поочередно обращена в противоположные стороны. Таким чередованием не только достигалась устойчивость, но и предотвращался перекося стен в одну сторону. На углах камеры бревна прилегающих стен лишь касались друг друга и не были скреплены между собой; поэтому бесшатырское сооружение нельзя считать срубом в обычном понимании слова — в этом заключается второе отличие его от широко известных скифских рубленых погребальных камер. На бревнах хорошо сохранились следы топора и тесла (ширина лезвия — 4—5,4 см), долота и ножа — орудий, которыми рубили и обрабатывали дерево; на всех бревнах по обоим концам и посередине есть проушины, на наиболее толстых бревнах они двойные. Перекрытие камеры, состоявшее из наката бревен в три ряда, было покрыто по верху слоем камыша.

Особенно тщательно предохранена от проникновения влаги восточная часть крыши над сенями и дверным проемом; в отличие от остальной, она была покрыта кошмой и двумя слоями толстых камышевых матов с чиевым плетением. Кошма и камыш хорошо сохранились.

После совершения обряда погребения вход, ведущий из коридора в сени, был плотно заложен тремя короткими бревнами, а отсеки коридора до самого верха забутованы диким камнем вперемежку со щебнем. Только после этого над погребальным сооружением, возвышающимся над окружающей местностью более чем на 4 м, была возведена огромная насыпь из камня и щебня.

Однако и эти, казалось бы, надежные защитные меры не спасли усыпальницу от разграбления. Грабители разрыли насыпь, разобрали забутовку, спустились вниз по первому отсеку в коридор и проникли в погребальную камеру. Поэтому в момент раскопок вход в сени был открыт, одно из бревен, закрывших вход, отодвинуто в сторону, а другое затащено внутрь камеры. В сенях лежали две пары волокуш, бронзовый четырехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой, мелкие деревянные колышки. Огромная квадратная погребальная камера площадью около 20 кв. м была пуста — на земляном полу лежали разрозненные кости погребенного, кости барана, крестец лошади, у порога — черепки глиняного сосуда и сломанные черенки от грабительских лопат или кирок.

В северо-западном углу камеры находилась неглубокая полуоплывшая яма, вытянутая с северо-запада на юго-восток. При расчистке выяснилось, что она уходит под стену камеры и выходит наружу. При дальнейших раскопках ямы на глубине 1,6 м от уровня пола камеры произошел обвал, что и послужило причиной открытия катакомб кургана. Подземные ходы

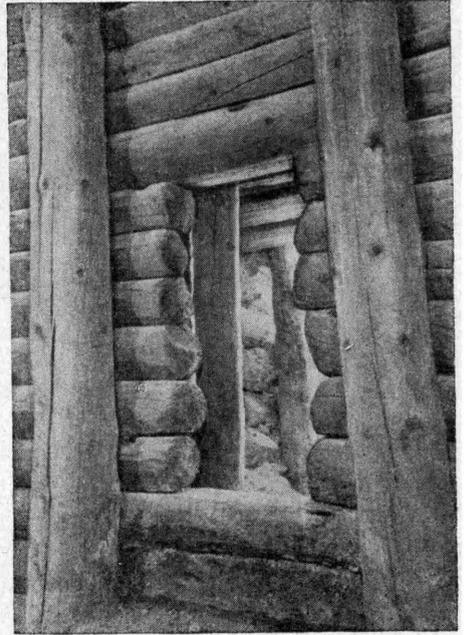

Рис. 21. Дверной проем гробницы.

вырыты в коренной породе и состоят из основного, направляющего хода и боковых разветвлений. Основной ход начинается с северо-западной полы насыпи и проходит на юго-восток на глубине около 2 м под усыпальницей. От него отходят в разных направлениях семь разветвлений; из них два западных наполовину заполнены землей, а одно северо-восточное — крупным окатанным камнем. Свод ходов полукруглый, высотой от 1,1 до 1,68 м, шириной 0,75—0,8 м. Во многих местах на стенах сделаны небольшие уступчики; следы копыт около них свидетельствуют о том, что здесь стояли жировые светильники, освещавшие работавших в подземелье землекопов. Общая протяженность основного хода (штольни) вместе с боковыми разветвлениями — 55 м (рис. 22).

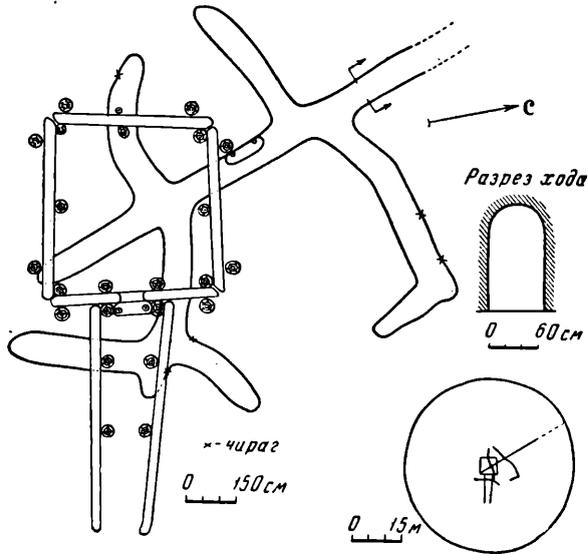

Рис. 22. План гробницы и катакомбы.

В 1960 г. расчищены завалы боковых ответвлений, проверены стены и пол подземных ходов. Однако расчистка и проверка никаких результатов не дали, поэтому до сих пор продолжает оставаться тайной назначение катакомб Бесшатырских курганов. Удалось, однако, ответить на вопрос о том, связаны ли подземные лазы с самим курганом, или это грабительские лазы.

Выше мы сказали, что на северной половине насыпи отмечена западина. Установлено, что с этой западины, от основания насыпи, и начинался подземный вход в катакомбу. Он был оформлен четырьмя вертикально врытыми деревянными столбами, стоявшими попарно у стен. На них лежали поперечные плахи, на которые положены в меридиональном направлении три бревна, составлявшие перекрытие. Вход заканчивался каменной ступенькой, ведущей в катакомбу. Такие же подземные ходы, но только больше по размерам, открыты при раскопке третьего Бесшатырского кургана.

Таким образом, установлено, что подземные ходы имеют прямое отношение к ритуалу погребения; это конструктивная особенность Басшатырских курганов, а не грабительские ходы, как допускалось раньше.

Работы на могильнике только начались, поэтому было бы преждевременным делать какие-либо широкие обобщения. Однако уже в настоящее время с большей или меньшей долей приближения к истине можно ответить на некоторые интересующие нас вопросы.

1. Бесшатырские курганы были местом погребения сакских царей, крупных предводителей племен и племенных союзов. Размеры насыпей строго

зависели от степени знатности погребенного, от его заслуг перед обществом, от численности и богатства подчиненных ему племен.

2. Погребальные сооружения шестого кургана свидетельствуют о том, что у кочевников Семиречья — саков был опыт строительства крупных и довольно сложных сооружений из дерева. Но, по-видимому, им не были еще известны способы рубки срубов в замок и в охлуп. Поэтому бесшатырское сооружение примитивнее по технике строительства и, возможно, древнее, чем пазырыкские и причерноморские.

Строительный лес, необходимый для сооружения, заготавливали примерно в 200—250 км от места курганов на противоположном берегу р. Или, в отрогах Заилийского Алатау. Бревна волоком тащили до берега реки и доставляли к месту стройки.

Все бревна сооружения истерты на одну четверть толщины, что служит несомненным доказательством волочения их издалека. В настоящее время, — очевидно, так же как и в сакское, — тяньшанская ель не растет ближе чем за 200—250 км в окружности от Бесшатырских курганов.

3. Некоторые отличия бесшатырского сооружения от скифских деревянных погребальных камер можно свести к следующему: бревенчатое бесшатырское сооружение — не сруб в обычном понимании этого слова; в отличие от четырёхугольных скифских камер, опущенных в глубокую яму, бесшатырская гробница — наземное сооружение; при гробнице есть входные сооружения — коридор, сени, дверной проем, тогда как во многих скифских их нет, а если есть, то только в более поздних. Судя по двум последним особенностям, гробница ближе передает форму настоящего жилища. Поэтому, возможно, следует считать ее самым ранним сооружением из известных памятников этого типа и относить к первому периоду возникновения деревянных конструкций в погребальном обряде.

При всех отличительных особенностях бесшатырского сооружения несомненна его близость по времени к скифскому кругу памятников. Более точная датировка определяется по железным кинжалам и бронзовым наконечникам стрел, обнаруженным в одном из малых курганов могильника. Они датируются V—IV в. до н. э.

Э. В. Х А Н З А Д Я Н

ЛЧАШЕНСКИЙ КУРГАН № 6

Бассейн озера Севан, заселенный с древнейших времен, очень интересен многочисленными и разнообразными историческими памятниками. Исследование их началось давно, но раскопки памятников, долгое время находившихся под водой, стали возможны лишь в последние годы, когда в результате снижения уровня воды были обнаружены на осушенной территории остатки древних поселений и могильников.

Начиная с 1956 г., у с. Лчашен (б. Ордакю) Археологическая экспедиция Государственного исторического музея АН АрмССР (под руководством А. О. Мнацаканяна) ведет раскопки обширного могильника с кромлехами и курганами различных периодов. Среди девяти раскопанных курганов особое место занимает курган № 6 (исследованный в 1957 г.). По внешнему виду он ничем не отличается от других — это эллипсообразная каменная насыпь диаметром 4—5,5 м и высотой около 0,6—0,8 м. Могильная яма, четырёхугольная, с округленными углами (2,5 × 4,5 м), вытянута с востока на запад; глубина ее — 2,7 м (рис. 23). Она вырыта в глинистом грунте, что отличает этот курган от других лчашенских погребений, где могилы обычно сооружались из громадных каменных глыб, с перекрытием. В кургане № 6 не оказалось даже следов деревянного крепления, как в некоторых курганах эпохи средней бронзы (Кировакан, Биюк-тепе)¹.

Кости человека не обнаружены. Пятнадцать больших и малых глиняных сосудов различной формы, обсидиановые нуклеус и скребок, череп и костяк козы, черепа и конечности двух быков, сломанные кости грудины быков были расположены прямо на земле. В углах у северо-восточной стены лежали два бычьих черепа и по паре ног с копытами (от голестопного сустава), часть туши — между черепом и карасом у южной стены, другая часть — у середины северной. В центре могилы найдены череп и кости козы. Там же встречены черный биконический сосуд с двумя ручками, лежавший вверх дном, глиняный горшок бурого цвета и небольшая чашечка типа солонки, около которой оказались обсидиановые малый нуклеус и скребок.

Обнаруженные сосуды делились на расписные монохромные и простые темно-бурые. Первую группу составляют сосуды (6 экземпляров), покрытые ярким красным ангобом и украшенные росписью черной краской. Мотивы росписи простые, чисто орнаментальные: группы вертикальных или наклонных линий на венчике, а на тулове — волнистые линии и цепочки из заштрихованных ромбов, иногда в два-три ряда (рис. 24). Вторая груп-

¹ Дневник Б. Б. Пиотровского о раскопках в Кировакане, 1948. Б. А. Куфт и н. Археологические раскопки в Триаleti. Тбилиси, 1941, стр. 81.

па сосудов состоит из бурых кувшинов с расширяющимся венчиком (4 экземпляра), грубых горшков (2 экземпляра) и маленькой чашечки типа солонки.

Особо следует отметить два сосуда. Один — из бурой, низкокачественной глины, с грубым резным орнаментом. Под венчиком врезаны две

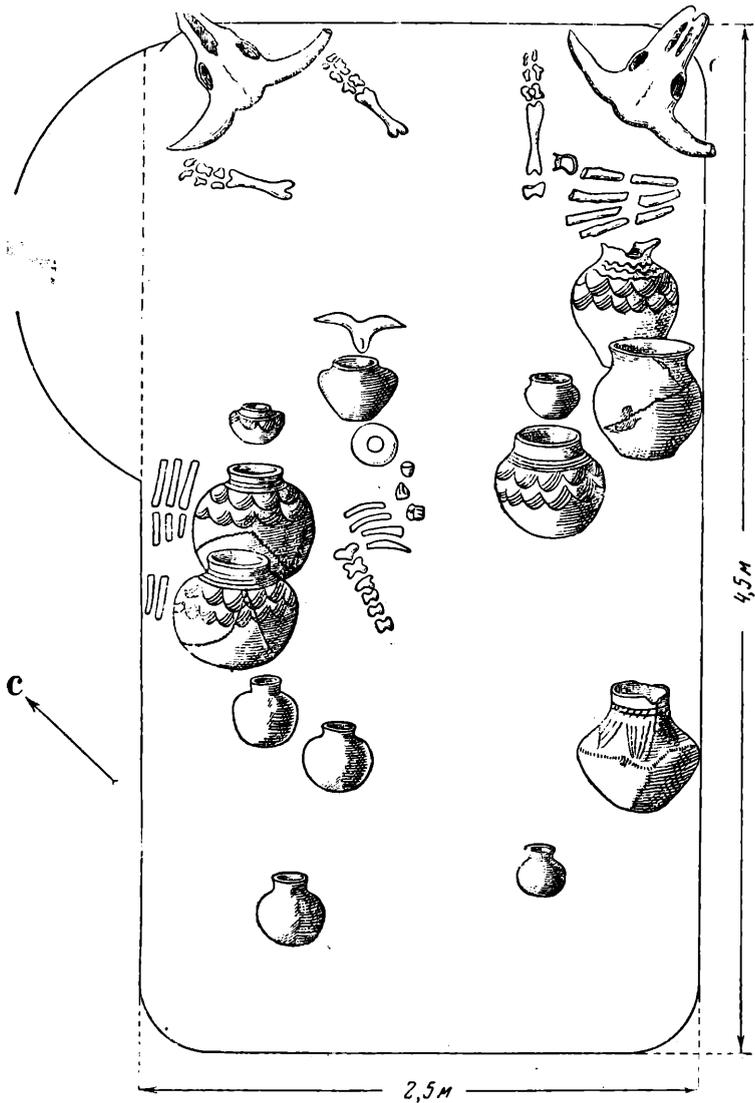

Рис. 23. План погребения в Лашенском кургане № 6.

неровные горизонтальные линии, разделяющиеся короткими вертикальными черточками; под ними — шесть вытянутых треугольников, доходящих до широкой части сосуда (рис. 23, справа снизу первый большой сосуд). Своеобразен черный биконический сосуд с двумя ручками, не находящий аналогий в известном нам археологическом материале. Гладкую поверхность верхней половины сосуда заполняет орнамент, слабо нанесенный лощилом; под венчиком — четыре горизонтальные, ниже — четыре волнообразные линии, затем снова четыре горизонтальные и на плечиках — косая штриховка, треугольники (рис. 25—1).

Красная лощеная керамика с черной росписью весьма характерна для памятников эпохи средней бронзы (первая половина II тысячелетия до н. э.)

Армении, Грузии и Азербайджана. Довольно распространенным был орнамент из горизонтальных или волнистых линий у основания шейки, а также группы из четырех вертикальных линий на венчике и на шейке (рис. 24). Такой орнамент известен по сосудам из могильников Кировакана, Агавнатуна, Элара, Нор-Баязета, Триаleti, Зурнабада, а также на расписных черепках с поселений Армении и Азербайджана — Муханнат-тапа, Гарни, Узерлик-тепе. Очень распространен также орнамент из заштрихованных ромбов. Он возник еще в эпоху энеолита. В технике врезных линий он известен на черной лощеной керамике из с. Карнут (бывший Дираклар), Ахурянского района, в Такаворанисте (Кировакан)².

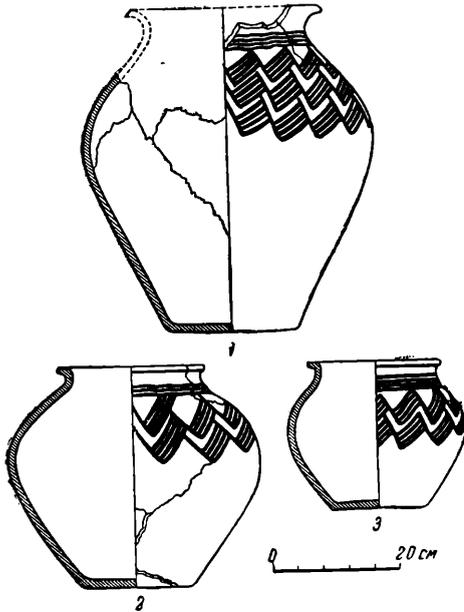

Рис. 24. Керамика из погребения (1—3).

Красная керамика с черной геометрической росписью получила особо широкое распространение в средне-бронзовую эпоху³. По орнаментации эти сосуды очень близки расписным кувшинам из Лчашена, особенно кувшин с ромбовидным орнаментом⁴. С кувшином № 5 из Лчашена весьма сходен расписной кувшин (№ 1) из кургана № 1 в Тазакенде, найденный еще П. В. Чарковским в 1896 г.⁵ Это сходство в керамике подкрепляется однотипностью могил и курганный насыпи. Могильная яма в Тазакенде также была четырехугольной, без каменных стен, без находок металла и костей человека.

Тожественные образцы керамики найдены также при раскопках поселений Муханнат-тапа и Гарни в Армении, а в Азербайджане — Узерлик-тепе и Кюль-тепе. Впервые расписная керамика на поселениях Армении была обнаружена во время раскопок Е. А. Байбуртяна в 1935—1937 гг. на Муханнат-тапа⁶, где эта посуда сделана из светло-розовой, тщательно обработанной глины и хорошо обожжена⁷. Снаружи она покрыта красным ангобом, по которому черной краской нанесен геометрический орнамент.

Излюбленными мотивами для керамики Муханнат-тапа были спирали, волнообразные сетки, прямые линии, углы, зигзаги и треугольники, имеющие аналогии в орнаментации расписных сосудов различных районов Армении, Грузии и Азербайджана. Кроме того, эти мотивы находят параллели в орнаментации расписной керамики, обнаруженной при раскопках в Богаз-Кёой, что также подтверждает принадлежность этой культуры к эпохе бронзы. В орнаментации расписных сосудов из Муханнат-тапа

² Государственный исторический музей в г. Ереване.

³ В Государственном историческом музее Армении хранится много образцов такой керамики — это расписные кувшины и миски с заштрихованными ромбами, расположенными по вертикали. Они найдены в Басаргечарском районе, в с. Карчакпюр — б. Гёдакбулах (инв. № 1559); в Сисианском районе, в дер. Ахлатян у холма Джагац-блур (инв. № 1114); в Котайкском районе, в западной части селения Гарни, в погребении у края дороги в Арташат (работы 1956 г.).

⁴ Поступил в Государственный исторический музей Армении из Эчмиадзинского музея (инв. № 556/4).

⁵ Дело Археологической комиссии № 140/1896. Архив Ленинградского отделения ИА АН СССР.

⁶ Е. Байбуртян. Проблема расписной керамики Армении. Известия Отделения истории и литературы АН АрмССР, кн. 2, 1937.

⁷ Там же, стр. 278.

гоже большое место занимают узоры из заштрихованных ромбов. Найдено 15 черепков с таким орнаментом, среди которых есть части венчика и шейки кувшина, обломки вздутого тулова и т. д. Здесь повторяется не только орнамент из заштрихованных ромбов в один или два ряда⁸, но и вся композиция рисунков керамики из Лчашена⁹.

Для характеристики культуры поселений исключительное значение имеет также расписная керамика, обнаруженная при раскопках крепости Гарни. Она сделана из светлорозовой глины, снаружи покрыта красным ангобом и орнаментирована черной краской. Орнамент различный; встречаются изображения животных и геометрический узор из углов, спиралей, сеток, линий, горизонтальных волн и т. д. Очень интересны образцы керамики с изображениями мелких и крупных животных. На одном из фрагментов, покрытом красным ангобом, черной краской нарисованы животные с длинными ушами, длинной шеей и длинным хвостом (рис. 25—2). Они сидят спиной друг к другу, со сложенными ногами. Головы повернуты, рты раскрыты. Возможно, что это крупные рогатые животные, но трудно определить, какие именно, так как рисунок очень стилизован. На другом черепке под волнообразным узором сохранилось изображение длинного хвоста; около него — животное с четырьмя короткими тонкими ногами и коротким хвостом (рис. 25—3).

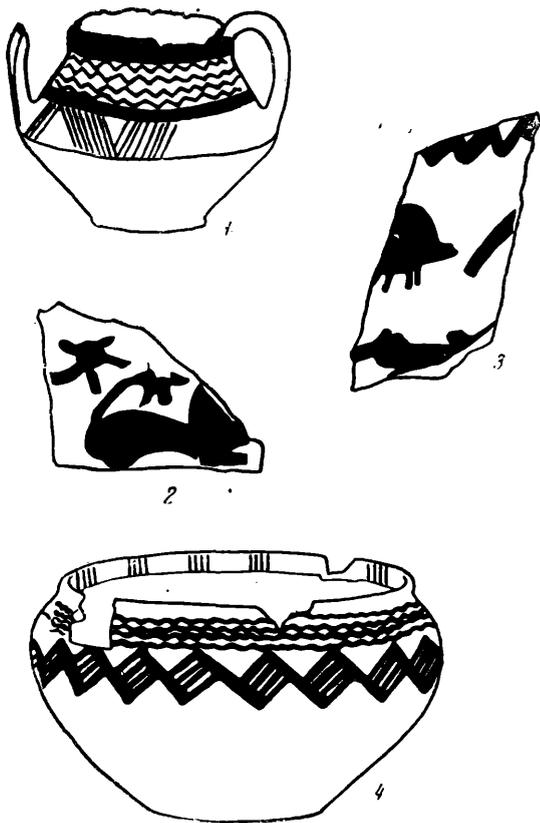

Рис. 25. Керамика из погребения (1—4).

Появление изображений животных на расписной керамике во II четверти первой половины II тысячелетия до н. э. не случайно. В это время скотоводство достигло большого развития. Роль скота стала чрезвычайно высока, и, естественно, животные должны были найти отображение в культуре и искусстве этого времени. Известно, что расписная керамика с изображением крупных рогатых животных найдена также в Южной Туркмении на холме Кара-депе, в Центральном Иране, Хузистане, Южном Белуджистане, в Сузах и других местах¹⁰.

Кроме приведенных выше, в Гарни известны также орнаменты из заштрихованных ромбов. Узор на карасе из Лчашена повторяется на горшке из Гарни. На нем изображены четыре горизонтальные волнообразные линии, от которых начинаются заштрихованные ромбы (рис. 25—4).

⁸ Государственный исторический музей Армении. См., например, фрагменты № 1439/392; 1216/9; 1439/399, 303, 300; 1216/29 и др.

⁹ Например, фрагменты № 1439/299, 316.

¹⁰ И. Н. Хлопин. Изображение коровы на сосуде из Кара-депе. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 136—138.

Одно из поселений с расписной керамикой в Закавказье — Узерлик-тепе — исследуется К. Х. Кушнаревой. Здесь прослежены три слоя. Расписная керамика встречается в двух верхних, но характерна особенно для второго слоя и датируется серединой II тысячелетия до н. э. Она находит аналогии в других памятниках — на поселениях Триалети, Кировакана, Зурнабада¹¹. Некоторые образцы ее повторяют расписную керамику Лчашена (особенно бросаются в глаза заштрихованные ромбы).

Интересна также найденная в кургане Лчашена простая темно-бурая кухонная керамика. Бурые глиняные сосуды грубы, тяжелы; они лепные и плохо обожжены. Глиняная масса полна комков и крупного песка, плохо просеяна и замешана, поэтому черепок легко крошится и ломается. По форме сосуды очень разнообразны. Бурая кухонная керамика Лчашена по цвету, качеству и технике врезного орнамента наиболее сходна с керамикой III группы среднего и позднего этапов культуры Триалети, описанной Б. А. Куфтиным¹². Он указывал, что керамика этой группы обычно не встречается вместе с сосудами с красным черепком, с черным орнаментом на красном фоне и с сосудами II группы, ангобированными белой глиной, с черным или бурым орнаментом¹³; кроме того, он связывает бурые глиняные сосуды с курганами, не имеющими ям. Б. А. Куфтин относит керамику III группы к последнему этапу развития глиняных сосудов с редукцией керамической росписи¹⁴.

Однако, как видим, I и III группы керамики, по классификации Б. А. Куфтина, в Лчашене одновременны, и отделить их друг от друга невозможно. Кроме того, в Узерлик-тепе расписную керамику также сопровождает бурая кухонная керамика. В Лчашене один из расписных сосудов был не из обычной розоватой глины, а из бурой, тем самым как бы связывая оба типа керамики. Очень интересен тонкостенный биконический сосуд с двумя ручками. По форме, орнаментации и технике выполнения он связывается с культурой энеолита. Чернолощенный биконический энеолитический сосуд с одной ручкой, размером немного меньше лчашенского, найден в 1952 г. в цитадели Двина¹⁵.

Орнамент, нанесенный лощением, известен на энеолитической керамике из Муханнат-тапа, Такавораниста (Кировакана), Шенгавита; на ней изображены волнообразные и горизонтальные линии, образующие треугольники, сетки и т. д. Но такие биконические сосуды с техникой нанесения орнамента при помощи лощения более распространены в эпоху поздней бронзы. Мы знаем множество таких примеров в коллекциях из Нор-Баязета, Головина, Атарбекяна, Басаргечара, Астхадзора и в кромлехах Лчашена. Таким образом, форма биконических сосудов и техника их орнаментации, возникнув еще в энеолите, сохраняются до позднебронзовой эпохи включительно.

Что касается устройства кургана Лчашена и типа захоронения, то здесь повторяется форма погребальных сооружений Закавказья первой половины II тысячелетия до н. э. В курганах Лчашена, Тазакенда и Кировакана захоронение совершалось в яме, выкопанной в форме вытянутого четырехугольника, без каменных стен. Иногда в кургане были деревянные перекрытия (Кировакан¹⁶, Биюк-тепе), иногда же, — как в Лчашене, Тазакенде, — такого перекрытия не было, и после заполнения погребения землей на него насыпали небольшие камни.

¹¹ К. Х. Кушнарева. Раскопки на холме Узерлик-тепе около Агдам. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 130, 134. Позже эта культура датировалась К. Х. Кушнаревой. 1-й половиной II тыс. до н. э. (см. СА, № 1, 1960, стр. 146).

¹² Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 85, 105.

¹³ Там же, стр. 84.

¹⁴ Там же, стр. 86.

¹⁵ Государственный исторический музей Армении, инв. № 1917/287.

¹⁶ Указанный дневник Б. Б. Пиотровского.

Отсутствие в кургане Лчашена человеческих костей также не исключение. То же наблюдалось почти во всех курганах с расписной керамикой бронзовой эпохи, как, например, в Тазакенде, Кировакане, Триалети¹⁷. Следовательно, было бы ошибочным объяснять отсутствие человеческих костей результатом тления (поскольку кости животных прекрасно сохранились). По всей вероятности, здесь был обряд кремации, очень распространенный и в Триалети, и у хеттов той же эпохи (например, кремация царей в Затушаше¹⁸). Кремация совершалась вне кургана, после чего прах посыпался на дно погребения либо на особый катафалк¹⁹, или же клали в могилу в специальной урне (в Лчашене такой урной мог служить биконический сосуд, изображенный на рис. 25—1). Ту же картину, что и в Кировакане, мы наблюдаем в Триалети.

В Кировакане, подобно Лчашену, две бычьи головы и ноги обнаружены в двух углах у восточной стены могилы. Вероятно, часть мяса быков была использована для погребальной трапезы, а другая часть положена в захоронение, доказательством чего служат грудные кости быка, в раздробленном виде сохранившиеся в различных местах погребения. В могилу клали и целую тушу козы. Что касается бычьих черепов и ног, найденных в двух углах у восточной стены, то как в Кировакане и Триалети, так и в Лчашене в курганы клали шкуры быков, снятые так, что при них оставались череп и концы ног. Эти шкуры как бы заменяли быков, которые должны были сопровождать покойника в его загробном путешествии. Подобный обычай сохранился до эпохи поздней бронзы. В кургане у сел. Нижний Геташен (Адиаман), Мартунинского района, как и в курганах Лчашена позднебронзовой эпохи, покойников хоронили вместе с запряженной телегой (повозкой).

Сравнивая курган № 6 Лчашена с богатыми курганами Кировакана и Триалети, мы не можем приписать его вождю племени; как отмечено, в могиле, кроме глиняных сосудов, обсидиановых нуклеуса и скребка, ничего не найдено. Но Лчашенский курган № 6 расширяет наши представления об ареале замечательной среднебронзовой культуры Закавказья первой половины II тысячелетия до н. э., представленной богатыми курганами племенных вождей (Триалети, Кировакан) и рядовыми могильниками (Тазакенд, Элар и др.) разных районов Грузии, Армении и Азербайджана.

¹⁷ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 81.

¹⁸ Там же, стр. 86.

¹⁹ Б. Б. Piotrovskiy. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 47.

Б. А. ШРАМКО

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДОБЫЧЕ ЖЕЛЕЗА В СКИФИИ¹

Для выяснения уровня развития древней металлургии в эпоху раннего железного века очень важны вопросы о местах древних разработок железной руды и способах добычи железа. К сожалению, эти вопросы изучены еще очень слабо. До последнего времени на всей территории Скифии в широком, географическом смысле этого слова по существу был хорошо известен только один крупный центр, где в IV—III вв. до н. э. в больших масштабах производились добыча и обработка железа,— это Каменское городище на левом берегу Днепра.

Железо добывалось сыродутным способом в небольших глинобитных печах. Устройство печей в деталях проследить не удалось, но от них сохранились множество сильно ошлакованных кусков глины, обломки сопел и шлаки². В качестве улучшающего шлакообразование флюса использовался известняк³. Размеры криц свидетельствуют о том, что печи были сравнительно невелики. Вес одной крицы круглой, полусферической формы немного превышал 2 кг⁴. Вопрос о рудной базе металлургов Каменского городища еще окончательно не решен. Предполагается, что употреблялась руда Криворожского месторождения, расположенного в 60 км к западу на правом берегу Днепра, но есть сведения и об использовании болотной руды⁵. Последнее, по-видимому, более вероятно, так как трудно представить, чтобы в ту эпоху место выработки железа было отделено от места добычи руды не только большим расстоянием, но и широкой рекой. Все известные мне образцы руды из раскопок на Каменском городище не что иное, как конкреции бурого железняка и значительно отличаются от гематито-магнетитовых руд Криворожского бассейна. Точный ответ должны дать результаты соответствующих анализов.

В настоящее время можно говорить еще об одном древнем металлургическом центре, расположенном на территории степной Скифии. У с. Городище в нынешней Луганской области харьковский геолог А. Носов еще в 70-х годах XIX в. отметил остатки древних разработок железной руды⁶. Это подтвердили и исследования современных геологов⁷. Но археологиче-

¹ Доклад на заседании секции археологии раннего железа Пленума ИА АН СССР в 1961 г.

² Б. Н. Граков. Каменское городище на Днестре. МИА, № 36, 1954, стр. 115 и сл.

³ Там же, стр. 195.

⁴ Там же, стр. 124.

⁵ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 115.

⁶ А. Носов 2-й. Описание Лисичанского, Успенского и Городищенского каменноугольных рудников. Труды Общества испытателей природы при Харьковском университете за 1870 г., т. II, Харьков, 1870, стр. 45.

⁷ С. В. Кумпан. Детальная геологическая карта Донецкого бассейна, планшет VI-23 (Краснокутский). Труды ЦНИГРИ, вып. 16, 1935, стр. 6 и сл.

ских данных о разработках не было; высказывались лишь различные фантастические предположения о времени их возникновения.

В 1950 и 1957 гг. нами было проведено обследование местности у с. Городище и организованы раскопки в балке Городной, впадающей в р. Белую (приток р. Луганки). На склонах балки Городной, расположенной в 3 км к юго-западу от с. Городище, обнаружены следы двух селищ: одно относится к скифскому времени (V—IV вв. до н. э.), на другом собрана

Рис. 26. Находки на селище и в местах добычи железной руды у с. Городище в Луганской области (1—6).

керамика, типичная для салтовской культуры VIII—X вв. н. э. Салтовское селище находится на правом берегу балки, а скифская керамика встречается преимущественно на левом берегу, где заметны и сейчас следы древних разработок в виде ряда ям и рвов, расположенных в местах выхода пластов руды (бурые и охристые железняки) на поверхность. При обследовании в отвалах древних разработок найдены скифская керамика, небольшие обломки античных амфор и каменный цилиндрический пест для дробления руды (рис. 26—6). Скифская керамика представлена обломками стенок и венчиков лепных горшков бурого цвета. Край венчика отогнут слабо и орнаментирован пальцевыми защипами и проколами, а в одном случае украшен налезным валиком. В глине сосудов, кроме песка, встречаются мелкие кусочки железной руды.

Эти находки ясно свидетельствуют о том, что рудное месторождение у с. Городище еще в скифское время привлекло внимание древних металлургов. Условия добычи руды здесь, действительно, очень благоприятны — ее пласты выходят прямо на поверхность. В настоящее время промышлен-

ного значения это месторождение не имеет, так как руда считается сравнительно бедной⁸. Произведенные А. Носовым анализы четырех образцов показали следующий химический состав местной руды (в процентах):

Fe ₂ O ₃	53,36	58,66	30,55	57,70
Fe (общее)	41,35	45,46	21,38	44,71
Al ₂ O ₃	1,24	3,73	Следы	3,86
CaO	2,31	Следы	1,38	6,62
MgO	0,52	»	1,38	6,62
PbO	2,53	»	Следы	Следы
H ₂ O	9,25	16,00	5,46	15,18
SiO ₂	25,44	21,33	63,06	15,86

В древности здесь не только добывали руду, но и сыродутным способом вырабатывали железо. Вдоль северных склонов балки обнаружены остатки

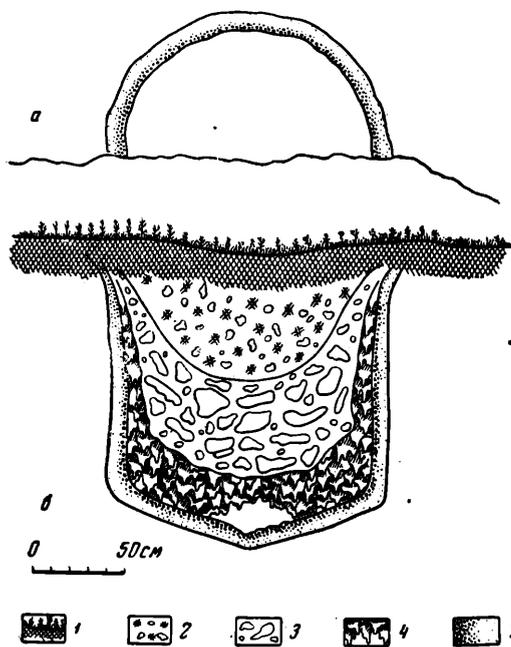

Рис. 27. Остатки сыродутного горна для выплавки из руды железа, найденные у с. Городище а — план; б — профиль).

1 — дерн; 2 — земля с обломками камней, шлаков, кусков глиняной обмазки и пр.; 3 — камни с глиной; 4 — железный шлак; 5 — обожженная глиняная стенка горна.

обожжена и спеклась со шлаком в сплошную стенку толщиной 5—8 см.

Нижняя часть горна была на 27 см заполнена тяжелым шлаком с очень большим содержанием железа. Местами куски железного шлака приобрели вид металлических сосулук. Сверху над шлаком залегал слой заполнения ямы, который делился на две части: в нижней — куски песчаника и известняка (последний применялся, очевидно, как флюс для улучшения шлакообразования) были смешаны с обломками обожженной глиняной обмазки перекрытия ямы; верхняя часть заполнения образовалась после того,

не менее десятка древних горнов. Место для их устройства выбиралось на склоне, конечно, не случайно. При таком расположении горнов ямного типа удобнее было обеспечить доступ к их нижней части для подведения глиняных сопел, через которые вдувался воздух. Обломки сопла найдены во время раскопок (рис. 26—5). Такое расположение горна облегчало и извлечение криц.

Один из плавильных горнов и территория около него обследованы более детально. Горн был хорошо виден со стороны склона оврага, где его частично размывала вода. Рядом был заложен раскоп площадью 25 кв. м. Гумусированная почва культурного слоя шла здесь на глубину 0,5—0,6 м и была насыщена кусками сильно обожженной глиняной обмазки, ошлакованной глины, кусками руды, шлаков и камней. Горн был в форме цилиндра с конусообразным дном (рис. 27). Диаметр его ямы — 1,45 м, глубина — 1,6 м. Земляные стенки обмазаны глиной, внутренняя поверхность сильно

⁸ С. В. К у м п а н. Указ. соч., стр. 25.

как горн был заброшен, и не отличалась от окружающего культурного слоя, состоявшего из земли, смешанной с кусками шлака, обломками камней и руды.

Судя по остаткам и отпечаткам на шлаках, в качестве топлива применялись дерево и древесный уголь, хотя в окрестностях есть залежи хорошего каменного угля. Крица была извлечена из нижней части горна, по-видимому, через отверстие, пробитое в стенке ямы со стороны склона.

К сожалению, раскопки 1957 г. не дали убедительного материала для точной датировки горна; в раскопе обнаружены остатки металлургического производства и несколько очень мелких обломков лепной керамики, о культурной принадлежности которой трудно сказать что-либо определенное.

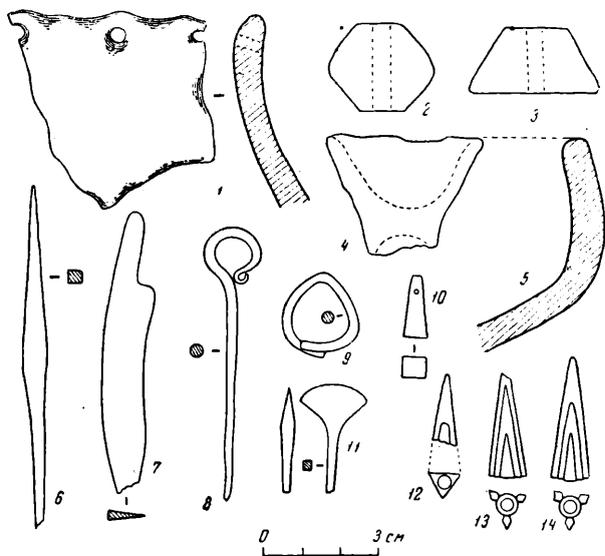

Рис. 28. Вещи скифского времени, найденные на селище у с. Новая Покровка (1—14).

Однако надо полагать, что если в скифское время здесь добывали железную руду, то и перерабатывали ее где-то поблизости.

В лесостепной части бассейна Дона также обнаружен горн для сыродутной добычи железа, но он наземного, а не ямного типа. Горн раскопан И. Ф. Левицким на селище у с. Новая Покровка в Харьковской области. Он был конусовидный, вылепленный из глины и сохранился на высоту 0,72 м; поэтому устройство его удалось проследить довольно хорошо⁹. Не останавливаясь на подробностях, известных по публикации, отмечу лишь, что горн обнаружен на глубине 0,55—0,7 м в слое раннего железного века, но датировка его из-за отсутствия характерных находок определялась в очень широких пределах: от конца I тысячелетия до н. э. до первой половины I тысячелетия н. э.¹⁰

В 1959—1960 гг. экспедиция Харьковского государственного университета провела дополнительное исследование (зачистки и шурфовку), которое позволяет уточнить датировку слоя, содержавшего остатки сыродутного горна. Среди находок, происходящих из слоя скифского времени, есть фрагменты лепных горшков и мисок, конические и биконические глиняные пряслица (рис. 28—2, 3), обломки глиняных дуршлагов, маленькие

⁹ А. Т. Браичевская. Железоплавильный горн в Новой Покровке. КСИА АН УССР, вып. 6. Киев, 1956, стр. 64 и сл.

¹⁰ Там же, стр. 67.

вотивные сосудики из глины (рис. 28—4), фрагмент культовой зооморфной статуэтки, обломки кварцитовых зернотерок, пирамидальная бусина из синего стекла (рис. 28—10), металлические изделия и большое количество железного шлака. У горшков слабо отогнутый венчик, край которого обычно украшен пальцевыми защипами и сквозными проколами (рис. 28—7). Форма мисок со слегка загнутым внутрь гладким бортиком также типична для скифского времени (рис. 28—5). Металлические изделия представлены небольшим ножом с горбатой спинкой (рис. 28—7), железными шилом (рис. 28—6) и кольцом с заходящими друг за друга концами (рис. 28—9), железной булавкой (рис. 28—8), одним железным (рис. 28—11) и тремя бронзовыми наконечниками стрел (рис. 28—12—14). Весь этот комплекс находок позволяет говорить о том, что слой раннего железного века вместе с горном относится к IV—III вв. до н. э.

Другие находки более или менее целых горнов для сыродутной добычи железа в скифское время нам пока неизвестны, но все же нужно отметить, что на многих поселениях лесостепной полосы встречаются куски железных шлаков, криц, железной руды и ошлакованные обломки глиняных стенок горнов, которые также свидетельствуют о местной добыче железа. Только за последние годы в результате разведок и раскопок в бассейнах рек Донца и Ворсклы такого рода остатки удалось обнаружить еще на 10 однослойных поселениях скифского времени. В бассейне Донца и его притоков к таким поселениям относятся селища у Куряжа, у с. Островерховка, у станции Шелковая и городища у сел. Циркуны, Караван, Бараново и Городище в Харьковской области¹¹. В бассейне Ворсклы аналогичные материалы известны на городище у с. Городное, а также на Западном и Восточном Бельском городищах¹². Все это свидетельствует о широком распространении железоделательного производства уже в раннем железном веке.

Остатки железной руды и шлаков, обнаруженные на некоторых из этих поселений, были подвергнуты анализам; результаты их весьма интересны. Так, в лаборатории Исторического факультета Московского государственного университета произведен спектрально-структурный анализ шлаков, найденных в зольнике № 12 при раскопках Б. Н. Гракова в 1958 г. на Западном Бельском городище. В разных слоях этого зольника раннескифского времени (начало VI в.— начало V в. до н. э.) оказалось свыше десятка кусков железных шлаков, причем один из них — с пода сыродутного горна и повторяет его чашеобразную форму. Количество железа в шлаках достигало 60%.

«Судя по результатам спектрального и структурного анализа, — указывается в лабораторном акте, — железо на Бельском городище восстанавливали из бурого железняка, причем шлаки № 3, 4 и 7 получены из руды, для которой характерна гамма примесей Ni — Mo; шлаки № 1 и 6 — из руды иного происхождения, с гаммой примесей Ni — Mo — Ag. И, наконец, свита примесей в шлаке № 2 (Ni — Mo — Sn) говорит в пользу того, что он также связан с особым источником руды»¹³. Такое разнообразие руд свидетельствует о широких масштабах местного железоделательного производства, для которого приходилось искать все новые и новые рудные залежи, хотя и не очень удаленные друг от друга, так как часть примесей остается постоянной.

¹¹ См. отчеты Б. А. Шрамко о разведках и раскопках экспедиции Харьковского государственного университета за 1951—1960 гг. в научном архиве Института археологии АН УССР.

¹² См. указанные отчеты Б. А. Шрамко, а также отчеты Б. Н. Гракова о раскопках 1958—1960 гг. на Бельском городище. Приношу глубокую благодарность Б. Н. Гракову за любезное разрешение воспользоваться его материалами.

¹³ Б. Н. Граков. Отчет о раскопках Скифской экспедиции Исторического факультета МГУ на Бельском городище в 1958 г. Архив ИА АН УССР, стр. 23.

Среди взятых для анализа материалов был кусок руды (образец № 5), послуживший исходным материалом для шлаков № 3, 4 и 7, причем кремнезема (SiO_2) в исходной руде оказалось больше, чем в шлаках. Следовательно, до засыпки в горн руду обогащали, очищая от пустой породы. Вместе со шлаками в раскопе найден кусок известняка, свидетельствующий о применении его в качестве флюса.

Аналогичную картину показали химические анализы руды и шлаков¹⁴ из наших раскопок 1960 г. на Восточном Бельском городище. Содержание SiO_2 (кремнезема) и Al_2O_3 (глинозема) в руде было соответственно равно 45 и 4,04%, а в шлаке этих примесей оказалось меньше (24,2 и 2,11%). В то же время количество CaO в руде не превышало 5,73%, а в шлаке достигало 9,16%. Следовательно, и здесь закономерно повторяется картина, свидетельствующая об обогащении руды и добавлении известняка в качестве флюса. Эти технологические приемы были в скифское время уже хорошо освоены и, по-видимому, повсеместно применялись при восстановлении железа в сыродутных горнах.

¹⁴ Анализы были произведены на кафедре технологии металлов Харьковского автомобильного института, сотрудникам которой — А. П. Петриченко, Л. А. Солнцеву и Л. Д. Фомину автор весьма благодарен за помощь.

Д. Б. ШЕЛОВ

РАБОТЫ НИЖНЕДОНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 1960 ГОДУ

Летом 1960 г. Нижнедонская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР и Ростовского областного музея краеведения продолжала исследования городища и могильника древнего Танаиса, ведущиеся с 1955 г.¹

Основные работы были сосредоточены в западной части городища на территории так называемого «западного крыла», где в предшествующие годы открыты жилые кварталы III—I вв. до н. э. Расположенный здесь раскоп VI расширен в 1960 г. еще на 160 кв. м в восточном направлении; общая площадь его составляет теперь около 670 кв. м.

Раскопками 1960 г. частично открыты два комплекса помещений эллинистического времени. Один из них состоит из нескольких комнат жилого и хозяйственного назначения, расположенных вокруг большого мощеного двора X. Стены помещений были сложены из необработанного камня неправильной формы, на глиняном растворе; полы глинобитные, со следами неоднократного подновления. В помещении Ц (рис. 29—1) в полу были вырыты три хозяйственные ямы (№ 26—28), заполненные мусорным грунтом с керамикой III—II вв. до н. э. Интересно маленькое, площадью около 2 кв. м, помещение ЕЕ, отгороженное плохой каменной стенкой в северной части двора X, причем плиты вымостки двора служили и полом помещения. В этом небольшом каменном загончике найдена лежавшая на полу разбитая родосская амфора, превращенная в своего рода корыто или кормушку, наполненную остатками осетровых рыб. Весьма вероятно, что помещение ЕЕ служило хлевом для свиньи, для которой и была поставлена кормушка. Судя по находкам керамики, весь этот комплекс возник в III в. до н. э. и разрушен во время пожара во II в. до н. э.

Другая группа сравнительно хорошо сохранившихся помещений (АА, ББ, ВВ, ГГ, ДД), принадлежавших тоже одному комплексу (рис. 29—2), открыта в восточной части раскопа, но все они вскрыты пока частично. Это здание, возникшее, по-видимому, одновременно с первым, бытовало гораздо дольше и перестало существовать лишь на рубеже нашей эры. Строительные остатки хранят следы нескольких перестроек и перепланировок здания. Дать описание этого интересного комплекса будет возможно только после расширения раскопа.

Поверх остатков жилых домов III—I вв. до н. э. на раскрытом участке, как и повсюду в западной части городища, лежал мощный слой мусорной свалки, образовавшийся в результате вывозки сюда мусора с основной территории городища в первые века нашей эры. Однако запустение этого района в первые века нашей эры не было таким полным, как это представлялось ранее. Здесь все же существовала какая-то жизнь: ко II—III вв. н. э.

¹ Начальник экспедиции — Д. Б. Шелов, начальники раскопов — Т. М. Арсеньева, А. И. Болтунова, И. С. Каменецкий, М. А. Наливкина.

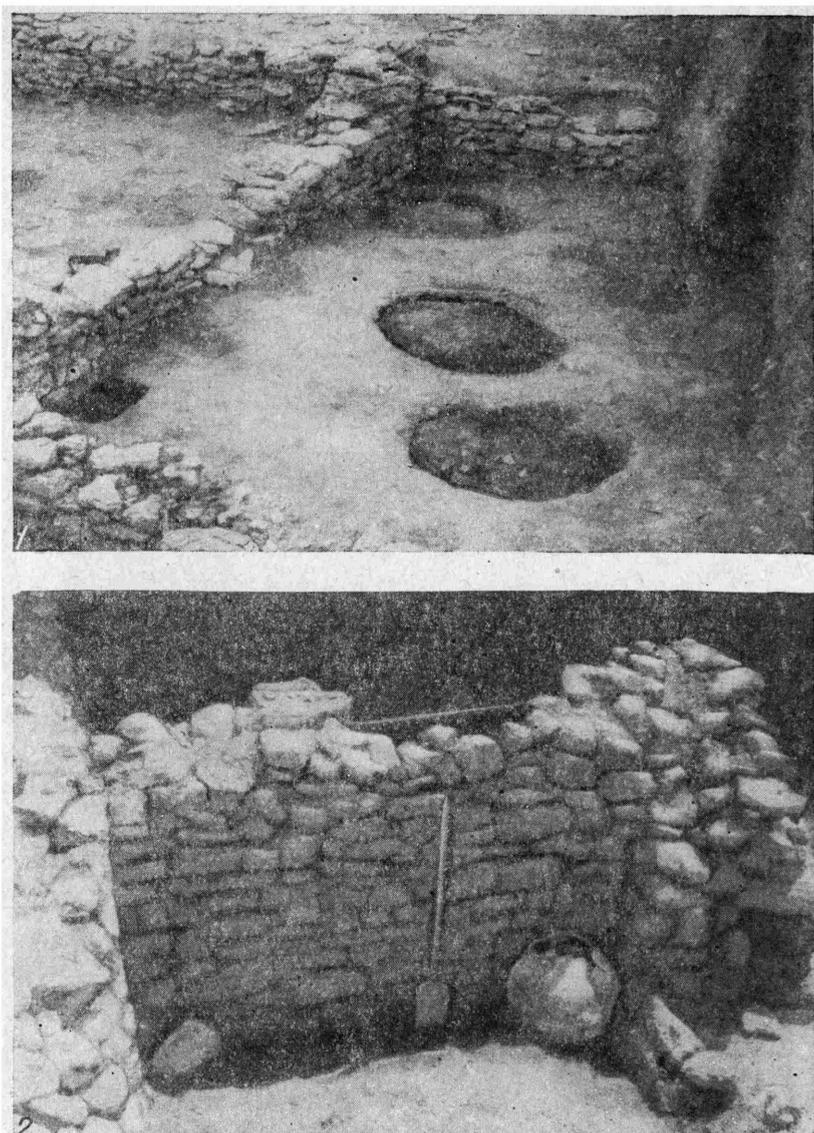

Рис. 29. Танаис. Раскоп VI.
1 — помещение Щ; 2 — помещение ДД.

относятся несколько хозяйственных ям и остатки каменных кладок верхнего горизонта, правда, очень фрагментарные; они не могут дать представления о сооружениях (помещения Ю, Э), которым они принадлежали.

Последний этап использования изучаемой территории связан уже с погребальными памятниками. В 1960 г. здесь открыто несколько погребений (№ 136, 137, 150—153), прорезавших культурные слои. Стратиграфические наблюдения и очень скудный инвентарь позволяют предполагать, что захоронения совершены в IV в. н. э., когда жизнь теплилась только в центральной части городища.

К северу от раскопа VI были продолжены исследования на участке IX, где в 1959 г. обнаружены остатки оборонительной стены Танаиса III—I вв. до н. э. После работ 1960 г. общая протяженность открытого раскопками

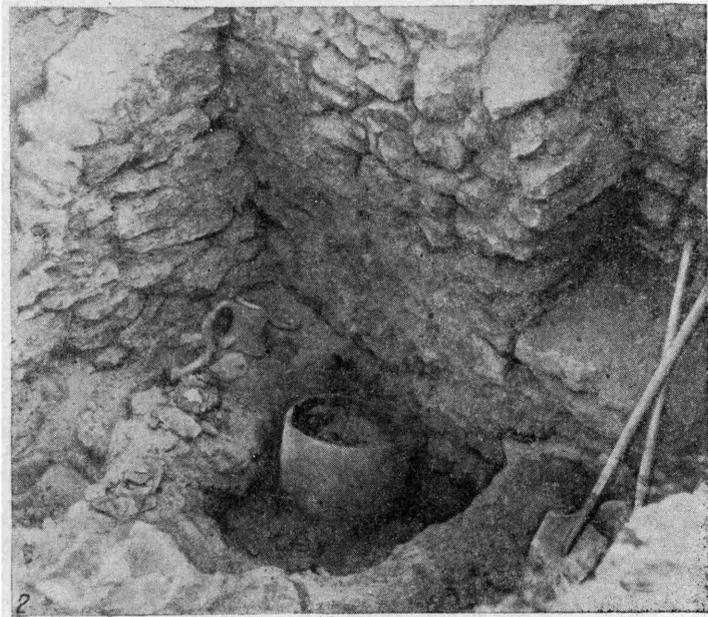

Рис. 30. Танаис. Раскоп IX, оборонительная стена (1)
и раскоп XII, подвал В (2).

участка оборонительной стены достигла почти 18 м. Стена очень пострадала от выборки камня еще в древности и сохранилась только в нижней части (рис. 30—1). Наибольшая высота ее по наружному северному фасу достигает 1,32 м, а по внутреннему — всего 0,58 м. Толщина стены — около 3 м; стена состояла из двух панцирей, наружного и внутреннего, и бута, заполнявшего пространство между ними. Оба панциря сделаны очень тщательно из крупных плоских необработанных камней, уложенных горизонтально, на глиняном растворе; в щелях между камнями — мелкие камешки и щебенка. Внутренняя часть стены между панцирями заполнена крупным и мелким бутовым камнем неправильной формы, тоже на глиняном растворе. Оборонительная стена была сооружена на склоне, поэтому для укладки ее подрезан материковый глинистый грунт и, таким образом, создана горизонтальная «постель».

В западной части раскопа IX оборонительная стена оказалась полностью уничтоженной. Вероятно, она выбрана на камень еще в древности при сооружении здания, часть которого обнаружена как раз в том месте,

где должно было проходить продолжение стены. Открыто одно из помещений этого здания — обширное, с глинобитным полом. То обстоятельство, что это помещение А, построенное на месте разобранной стены, датируется находками керамики I в. н. э., подтверждает предположение о разрушении оборонительной стены не позже рубежа нашей эры. Само помещение А погибло в результате пожара, видимо, вскоре после постройки, еще в том же I в. н. э.

Кроме описанных сооружений, на раскопе IX открыты еще очень невыразительные остатки каменных стен зданий разного времени и многочисленные хозяйственные ямы, вырытые в материке и обмазанные глиной. Большинство этих остатков относится ко времени существования оборонительной стены, но есть и более поздние.

Новый раскоп (XII) заложен в юго-восточном углу городища. Несмотря на то, что на этом участке располагалось кладбище XIX в., здесь довольно хорошо сохранились строительные остатки II—III вв. н. э. Вскрыто пока около 100 кв. м, и ни одно из сооружений не исследовано полностью. Наиболее интересны два каменных подвала, заваленные камнем в результате разрушения города в середине III в. н. э. Один из них (подвал Б) открыт только частично, так как его перекрывают огромный завал камня и позднейшие кладки, уходящие в борта раскопа. Стены подвала сложены из необработанного камня на глиняном растворе, нижние части стен высечены в материковой скале. Общая глубина подвала — около 3 м, глубина его от современной поверхности — 4,3 м. В завале камней встречаются фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор, часто с надписями красной краской, обломки других сосудов, каменные рыболовные грузила, кости животных и рыб.

При исследовании подвала Б обнаружено, что его северо-восточный угол позднее был отгорожен высокими каменными стенками, образовавшими подвальное помещение А, площадью всего 1,5×1,5 м. Стены этого колодеобразного подвального помещения изнутри были покрыты глиняной обмазкой толщиной 1—2 см. Среди камней заполнения найдены фрагменты керамики того же типа, что и в подвале Б, а также обломки жерновов, точильных плиток и осколки стеклянного кубка из зеленого стекла с синими глазками (IV в. н. э.). В засыпи подвала обнаружен незначительный обломок мраморной плиты с остатками греческой надписи.

Другой подвал (В) открыт полностью (рис. 30—2). Глубина его — около 2,5 м (3,7 м от современной поверхности), площадь — 9 кв. м. Стены в нижней части вырублены в скале, а в верхней — сложены из необработанного камня рваных очертаний, на глиняном растворе. В подвале найдены целые и разбитые светлоглиняные узкогорлые и красноглиняные амфоры; в некоторых из них хранилось зерно. На многих амфорах остались надписи, сделанные красной краской. Среди находок следует назвать также большую мраморную ступку, красноглиняную кружку, большой шаровидный глиняный сосуд и другие керамические изделия. Обнаруженные в подвале В предметы датируют гибель этого помещения III в. н. э., т. е. временем общего разгрома Танаиса неприятелем.

Исследование еще одного подвала (Г) в 1960 г. только начато. Кроме подвалов, на этом участке открыто много хозяйственных ям, высеченных в скале. Выше сооружений II—III вв. н. э. лежат остатки стен IV в. н. э. На этом участке они сохранились несколько лучше, чем в других местах городища, но и здесь сильно повреждены или разрушены выборкой камня и новыми могилами.

Исследование некрополя Танаиса проводилось в 1960 г. в небольших масштабах. Были возобновлены раскопки на участке V (1956—1958 гг.) к востоку от городища. Здесь в 1960 г. вскрыто еще 84 кв. м и обнаружено несколько погребений. Из них наиболее интересно погребение № 138. Скелет ребенка примерно 10 лет лежал в прямоугольной яме вытянуто, на

спине, головой к северо-востоку (рис. 31). При костяке найдено несколько пастовых бусин, бронзовый браслет, лепной горшочек, лощеный сероглиняный кувшин и красноглиняная ойнохоя. На груди лежала маленькая бронзовая бляшка в виде человеческой фигурки. Такие бляшки известны в погребениях IV—V вв. н. э. Этим временем должно быть датировано и погребение № 138. Тому же времени принадлежит захоронение младенца в тулове буроглиняной амфоры (№ 144). Три могилы должны быть датированы I в. н. э. Одна из них (№ 142) оказалась разграбленной. Это глубокая прямоугольная яма с бсковыми земляными ступеньками, служившими опорой для деревянного перекрытия. Над могилой была кольцевая

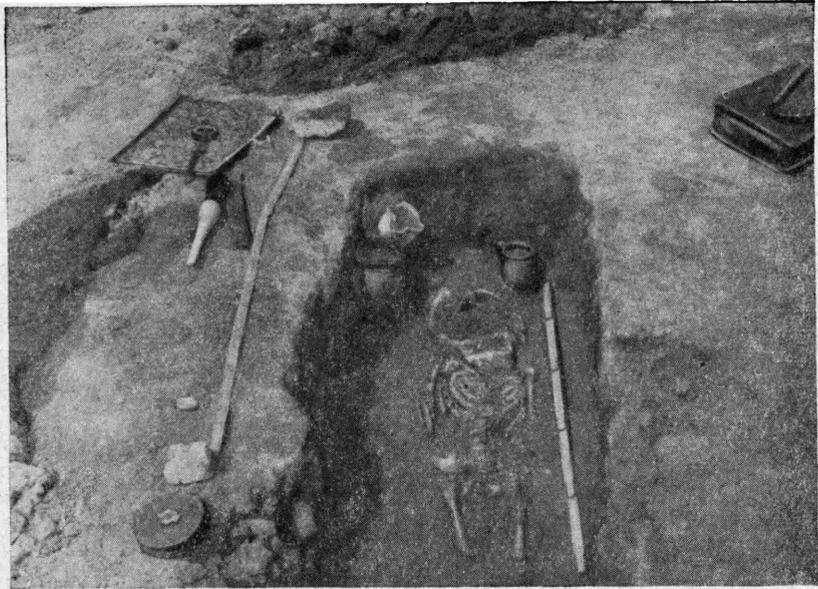

Рис. 31. Танаис. Раскоп V, могила № 138.

ограда (около 4 м диаметром) из необработанных камней. Два других захоронения были совершены в простых грунтовых ямах (№ 140 и 141). В них оказался обычный для танаисских погребений инвентарь: светлоглиняная амфора с кольцевым поддоном, лепной и лощеный сосудики, пастовые бусы, бронзовый колокольчик, бронзовые фибулы, железные ножички, черешковые наконечники стрел, оселок и пр. Остальные могилы не содержали инвентаря и не поддавались датировке.

Экспедиция провела также небольшие работы на одном из курганов, расположенных на территории хутора Недвиговка. Курган этот был, видимо, раскопан в прошлом веке, и надеяться на то, что основное погребение сохранилось, — невозможно. Но жители хутора начали выборку камня из остатков крепиды внутри кургана, поэтому решено было исследовать его. Зондажные раскопки показали, что внутри кургана вокруг центрального погребения была возведена кольцевая ограда (крепида) диаметром около 16 м. Она сложена из больших необработанных известняковых камней без всякого связующего раствора. На поверхности погребенной почвы с наружной стороны крепиды обнаружено скопление фрагментов амфор, — вероятно, остатки тризны; горла разбитых амфор аккуратно уложены по кругу верхними частями в сторону центра кургана. Амфоры эти датируют курган I в. н. э. Полное исследование насыпи кургана было намечено провести в 1961 г.

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ
РАСКОПКИ В КЕПАХ В 1960 ГОДУ

Таманский отряд¹ Института археологии АН СССР в 1960 г. продолжал исследования городища Кепы², раскопки кургана и разведку на Фанталовском полуострове.

1. Раскопки городища

В 1960 г. раскопки были сосредоточены на Западном (А) раскопе (рис. 32), где вскрыта площадь 150 кв. м. Раскоп расширен в южном (квадраты I, II и XVII) и северном (квадраты XV, XVI, XVIII и XIX) направлениях; при этом зафиксировано 7 культурно-исторических напластований. Среди нового материала по истории города отметим находку в античном культурном слое обломка каменного шлифованного топора северокавказского типа (рис. 33—1) и кремневого резца II тысячелетия до н. э. (рис. 33—2). Этот факт указывает на то, что вблизи или на месте греческого поселения было более раннее местное поселение эпохи бронзы.

В предыдущие годы на Западном раскопе найдено немало керамики архаического периода, однако ненарушенный слой не зафиксирован. В 1960 г. на большей части квадрата XVII обнаружен слой 2-й половины VI в. — начала V в. до н. э. Он простирался неровным пластом по материковому песку и сверху был ограничен сплошной ракушечной прослойкой толщиной 3—6 см, залегавшей наподобие вымостки. В западной части под ракушечной вымосткой вскрыто скопление мелких, хорошо окатанных булыжников. Теперь полностью доказано, что все верхнее плато городища было занято городом еще в VI в. до н. э.

Находки в архаическом слое довольно многочисленны и состоят, главным образом, из фрагментов амфор (в том числе хиосских), ионийской посуды (килики, чашечки, светильники, блюда, фрагменты клазоменских сосудов). Фрагменты аттической посуды встречаются не часто; отметим край килика с изображением глаза. Набор находок достаточно отчетливо характеризует торговые связи Кеп в VI в. до н. э., в которых главную роль играла Иония, второстепенную — Аттика. Слоев V—I вв. до н. э. на исследованных участках раскопа не обнаружено; они или не сохранились, или оказались прикрытыми позднейшими сооружениями, которые оставлены нами на месте.

Второй слой датируется I в. н. э. В 1960 г. удалось точно выделить этот слой, содержащий наиболее интересный объект — винодельню (№ 85),

¹ В состав отряда входили: Н. И. Сокольский (руководитель), Н. П. Сорокина, М. Н. Славягинская, М. А. Кувыркина, М. Ю. Исааков, А. Т. Стротулат и др. Исследование грунтового некрополя Кеп, как и в 1959 г., производилось отрядом ГИМ под руководством Н. П. Сорокиной.

² Н. И. Сокольский. Раскопки в Кепях в 1957 г. КСИИМК, вып. 78, 1960, стр. 53—63; его же. Раскопки в Кепях в 1958 г. КСИА АН СССР, вып. 83, 1961.

которая обнаружена на северном участке Западного раскопа (квадраты XV, XVIII и XIX). Винодельная (рис. 34—1) сильно повреждена позднейшими ямами. В ней три большие давяльные площадки, три малые и три цистерны для слива сусла.

Конфигурация и размеры больших площадок, расположенных в южной части, различны: восточная — трапециевидная (3×2 м), средняя — в виде немного неправильного прямоугольника (2×1,5 м); у западной сильно

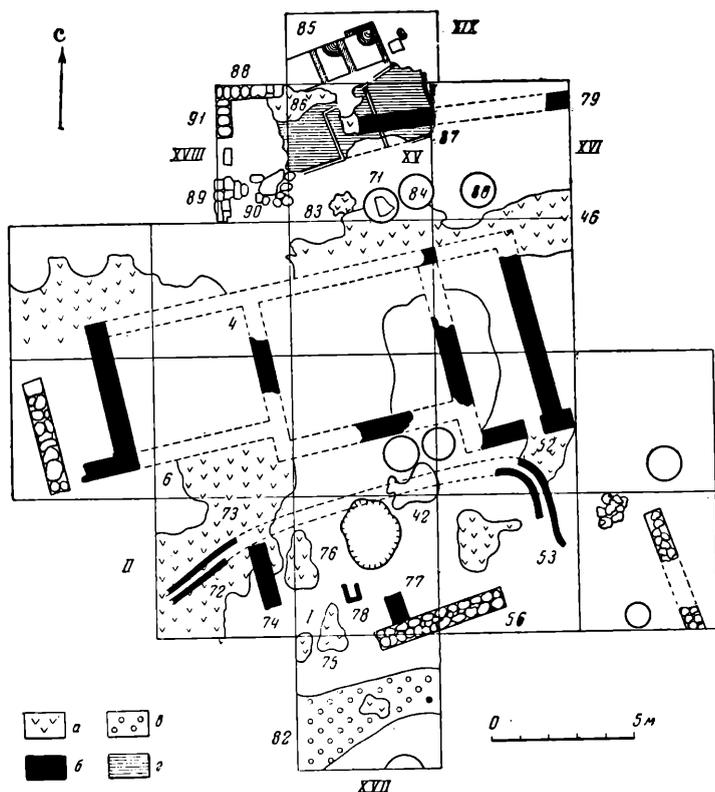

Рис. 32. План Западного раскопа в Келах (1960 г.)

а — вьмыстки; б — остатки фундаментов комплекса III—IV вв. до н. э.; в — ракушечная вьмыстка архаического времени; г — площадка винодельни. (Римскими цифрами обозначены номера квадратов, арабскими — номера объектов).

разрушены края, она также была трапециевидной, размерами примерно 3,2×2 м. Наклон площадок, усиленный деформацией почвы, идет с юга на север, к цистернам. Площадки лежат в среднем на глубине 1,7—1,8 м от современной поверхности.

Малые площадки расположены между большой площадкой и соответствующей ей цистерной. Несмотря на то, что средняя часть винодельни разрушена ямой, по остаткам можно сделать заключение о том, что две крайние малые площадки были неправильной (близкой к трапеции) конфигурации, а средняя — прямоугольной. Все площадки отделены бортиками с пазами, в которые вставлялись отсутствующие теперь деревянные перегородки. Большие площадки соединены с малыми неширокими проемами (протоками); в свою очередь каждая крайняя малая и все большие соединялись с центральной площадкой, которая, видимо, играла роль регулятора при стоке сусла в цистерны.

Каменные сливы (известняк) соединяли малые площадки с цистернами. Один из сливов обнаружен на дне цистерны. Все площадки покрыты розовым известковым раствором, нанесенным несколькими слоями; в основании площадки была глиняная подушка, причем под краями и под бортиками были подложены небольшие куски известняка.

Цистерны в плане образовали единый прямоугольник (3,43×1,3 м), разделенный двумя каменными перегородками на три неравные части. Глубина цистерн от их краев — 1,8 м; стенки сложены из отесанных известняковых плит и необработанных камней, а затем покрыты тремя слоями известкового раствора, из которых нижний, более толстый, был беловатым. В каждой из трех цистерн в северо-восточном углу сделано чашевидное углубление — приямок. Общая вместимость цистерн составляла примерно 6000 литров, что указывает на промышленный характер предприятия.

Кепская винодельня обладает, с одной стороны, чертами, связывающими ее с боспорскими винодельнями первых столетий нашей эры (три площадки, три цистерны, розовый многослойный раствор); с другой, — в ней есть элементы сходства с винодельнями эллинистической эпохи (отсутствие стационарного пресса, применение беловатого известкового раствора для обмазки цистерн)³. И, наконец, ей присущи оригинальные элементы в виде трех промежуточных малых площадок. Это новый вариант среди 30 боспорских виноделен, известных сейчас.

Винодельня погибла во время пожара. Тонкий слой пожарища покрывал площадки и заключал находки, позволяющие датировать памятник I в. н. э., вероятнее всего, — его первой половиной. Особо отметим крупные фрагменты светлоглиняных синопских лутериев I в. до н. э. — I в. н. э. и найденные непосредственно на площадках краснолаковые сосуды, в том числе горшочек с клеймом в виде человеческой ступни. Судя по остаткам, стены винодельни были из сырцовых кирпичей. К западу от нее сохранилась группа камней и отдельных тесаных блоков (№ 90) от монументального здания, современного винодельне и, возможно, связанного с ней.

На расстоянии около 1,5 м к югу от винодельни обнаружены три больших красноглиняных плоскодонных пифоса, стоявших в ряд с востока на запад (№ 80, 84 и 71), по-видимому, в соседнем помещении, которое служило хранилищем вина. На дне одного пифоса обнаружен слой темно-розового осадка. У двух пифосов были свинцовые скрепы (залитки) трещин, на дне западного пифоса найдена известняковая плита — крышка, в другом — кусок керамического диска, служившего крышкой. Заметим, что в Кехах уже не однажды найдены фрагменты дисковых керамических крышек для пифосов. В пифосе № 84 обнаружена орнаментированная костяная ручка ножа (рис. 35—3).

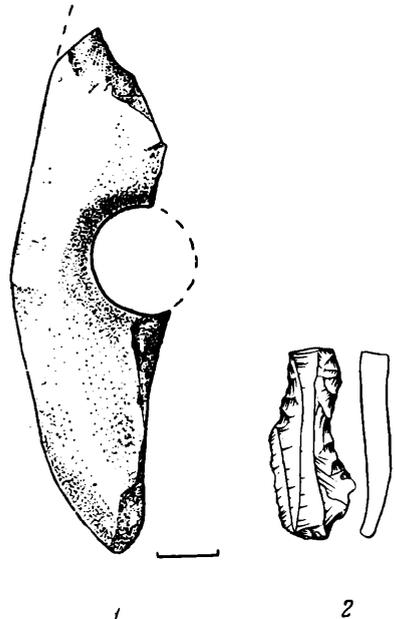

Рис. 33. Каменные орудия эпохи бронзы.

1 — часть топора; 2 — резец.

³ В. Ф. Гайдукевич. Виноделие на Боспоре. МИА, № 85, 1958, стр. 372 и сл.

В третьем слое (I—II вв. н. э.) строительные остатки не встречены, но характерно, что грунт очень интенсивно насыщен разложившимися сырцовыми кирпичами. Находки многочисленны и разновременны. Наиболее характерную и датирующую группу их составляют фрагменты светлогли-

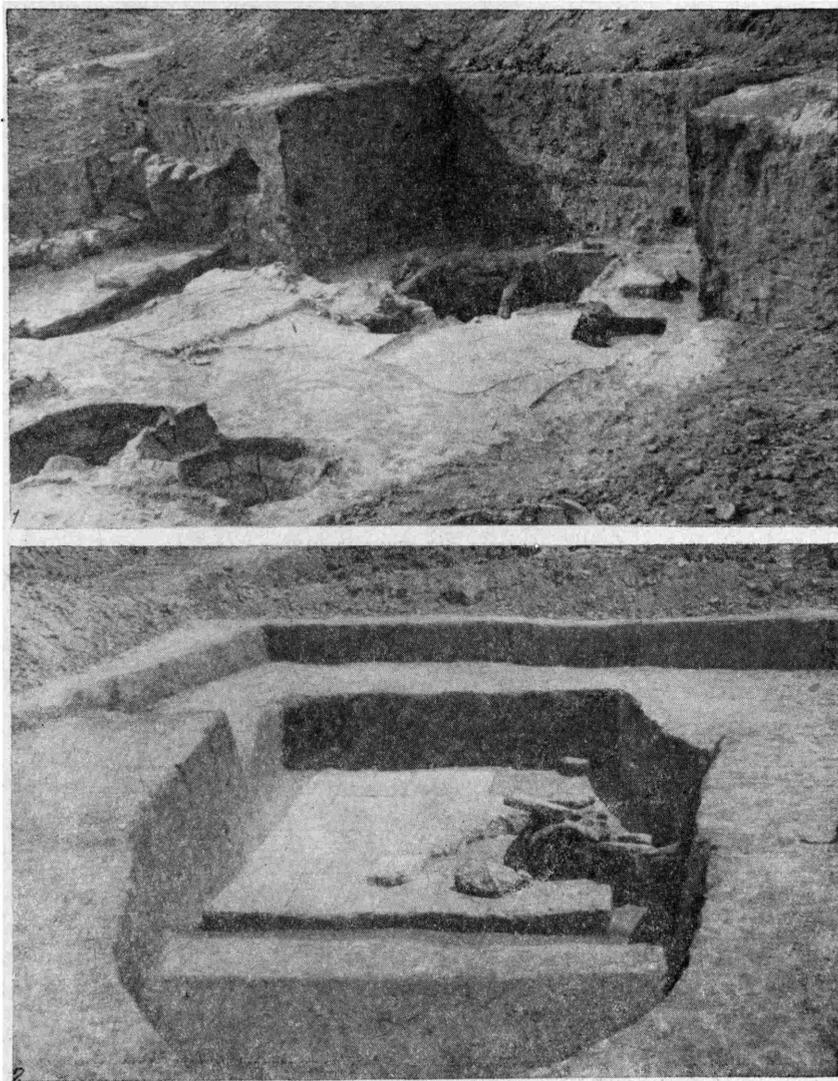

Рис. 34. Кепы. Винодельня и склеп.

1 — винодельня; 2 — пол склепа.

няных узкогорлых амфор хорошего качества; много фрагментов эллинистических амфор (Синопа, Фасос, Родос, Гераклея и др.). Отметим железные шлаки, ошлакованную (бракованную) ручку кувшина, бронзовые пластинки от наборного пояса, грузило с сарматскими знаками, части мраморной архитектурной детали и облицовочных плиток, астрагалы с дыркой, куски красной и розовой штукатурки, часть жернова, бронзовый перстень с геммой (рис. 36).

Четвертый слой датируется III в. н. э. Сохранился он неполностью из-за последующих перестроек. К слою относится яма з (квадрат I) —

большой котлован, подобный яме е, с той разницей, что в нем не было сколько-нибудь интересных находок. В северной части раскопа (квадрат XVIII) обнаружены остатки фундамента из частей подтесанных блоков и даже хороших квадров вторичного использования, исследование ямы е подтвердило ее датировку III в. н. э. Вновь собрано много интересных находок, среди которых отметим большой медный рыболовный крючок, чернолаковый флакон III в. до н. э., клеймо с изображением крысы (рис. 35—2) на ручке фасосской амфоры.

Пятый слой, относящийся к III—IV вв. н. э., как и в 1959 г., содержал остатки архитектурных объектов. На южном участке раскопа открыты новые части хозяйственно-жилого комплекса, исследовавшегося в предыдущем сезоне, но они оказались в еще большей мере разрушенными огромным перекопом. На квадрате II обнаружена обширная, сильно испорченная, дворовая вымостка № 73 — продолжение вымостки № 52⁴, соединявшаяся с вымосткой № 6⁵. Лучше сохранилась ее центральная часть, сложенная из камней (известняк) различных размеров и крупных фрагментов позднеантичных сосудов и черепицы.

Посреди вымостки с востока на запад проходил водосток (№ 72), сложенный из поставленных на ребро подтесанных известняковых плит — продолжение водостока № 53, обнаруженного в 1959 г. Длина вновь открытой части равна 2,6 м. На линии продолжения водостока к востоку оказался граненый боспорский калиптер, вероятно, вмонтированный среди плит известняка. В юго-восточной части квадрата II на уровне вымостки вскрыт фундамент (№ 74) из плоскостатых

Рис. 35. Находки из раскопок 1960 г. в Кехах.

- 1 — фрагмент архитектурной детали или надгробия (известняк); 2 — клеймо на ручке фасосской амфоры; 3 — костяная ручка ножа; 4 — костяной наконечник стрелы; 5 — сосуд из кургана (с места тризны).

⁴ Н. И. Соколовский. Раскопки в Кехах в 1959 г. КСИА АН СССР, вып. 86, 1961.

⁵ Н. И. Соколовский. Раскопки в Кехах в 1957 г., стр. 61, рис. 16.

каменной. Нужно полагать, что остатком фундамента была и кладка (№ 77) на квадрате I. Между этими фундаментами обнаружено любопытное сооружение — каменный ящик (размером $0,7 \times 0,54$ м) из поставленных на ребро известняковых плит (северной торцовой плиты недостает). Ящик был впущен в несохранившийся пол помещения и, возможно, служил для установки больших красноглиняных амфор; крупные части их и 7 полных горловин, из которых две — с четкими граффити, найдены на участке разрушенного пола и дворовой вымостки; черепки одной из амфор непосредственно накрывали каменный ящик. Здесь же (квадраты I и XVII) обнаружены остатки каменных вымосток (№ 75 и 76) пола хозяйственного помещения или двора. При расчистке вымостки № 76 найдена свинцовая прямоугольная гиря размером 60×54 мм, весом в одну мину.

Рис. 36. Из находок в Кехах. Бронзовое кольцо с геммой.

На северном участке раскопа, над винодельней, обнаружена кладка-цоколь (№ 87), сложенная из необработанных камней (известняк и плитняк); однако вместо забутовки был глиняный массив, как и в цоколе № 4 в западной части раскопа⁶. У кладки № 87 был также дополнительный фундамент из небольших булыжников и кусков известняка. Длина ее — 2,7 м, ширина — 0,6 м, высота — 0,58 м. Так же как и у большинства фундаментов-цоколей III—IV вв. н. э., открытых на Западном раскопе, поверхность была выровнена для укладки сырцовых кирпичей. Широкое применение сырца для стен, камней вторичного использования и глиняных забутовок для фундаментов-цоколей показывает, насколько плохо обстояло дело в Кехах с камнем во 2-й половине III в. и в IV в. н. э.

У восточного борта квадрата XVI открыт цоколь № 79, лежавший на линии цоколя № 87. Видимо, большой перекоп разорвал единую кладку. От западного конца цоколя № 87 отходила монументальная каменная вымостка № 86, от которой сохранились два куска. В вымостке были заложены обломки плит вторичного использования.

Среди многочисленных разновременных находок в слое преобладают фрагменты позднеантичной керамики; часто встречаются обломки больших краснолаковых блюдов, куски обожженных кирпичей и мраморных облицовочных плиток. Отметим фрагменты светильников на высокой ножке и другие находки: бородку бронзового ключа, бронзовые обкладки и браслет, фрагменты жерновов и стеклянных сосудов, двух терракот, двух горшкообразных светильников, поделку из ребра животного, кусочки железного шлака, железный гвоздь, крышку амфоры (известняковый диск), обломок архитектурного украшения из известняка (рис. 35—1), пирамидальное грузило с оттиском ключа, фрагменты горл светлоглиняных амфор с красными знаками, бронзовый трёхгранный и костяной круглый (рис. 35—4), втульчатые наконечники стрел.

Слой шестой (IV в. н. э.) — последний слой античного времени; он простирается довольно равномерным пластом по всему раскопу. В 1960 г. исследованы относящиеся к этому времени черепяной завал (№ 42) и фундамент (№ 56), расположенный в южной части раскопа. Выявлена западная часть фундамента (общая длина — 4,8 м), а главное, установлен факт, что фундамент № 56 оказался более поздним и не связанным непосредственно с хозяйственно-жилым комплексом III—IV вв. н. э. На северном участке раскопа (квадрат XVIII) обнаружена часть еще одного деформированного фундамента (№ 88).

Слой шестой (IV в. н. э.) — последний слой античного времени; он простирается довольно равномерным пластом по всему раскопу. В 1960 г. исследованы относящиеся к этому времени черепяной завал (№ 42) и фундамент (№ 56), расположенный в южной части раскопа. Выявлена западная часть фундамента (общая длина — 4,8 м), а главное, установлен факт, что фундамент № 56 оказался более поздним и не связанным непосредственно с хозяйственно-жилым комплексом III—IV вв. н. э. На северном участке раскопа (квадрат XVIII) обнаружена часть еще одного деформированного фундамента (№ 88).

Слой шестой (IV в. н. э.) — последний слой античного времени; он простирается довольно равномерным пластом по всему раскопу. В 1960 г. исследованы относящиеся к этому времени черепяной завал (№ 42) и фундамент (№ 56), расположенный в южной части раскопа. Выявлена западная часть фундамента (общая длина — 4,8 м), а главное, установлен факт, что фундамент № 56 оказался более поздним и не связанным непосредственно с хозяйственно-жилым комплексом III—IV вв. н. э. На северном участке раскопа (квадрат XVIII) обнаружена часть еще одного деформированного фундамента (№ 88).

⁶ Н. И. Соколовский. Раскопки в Кехах в 1957 г., рис. 16.

Весь комплекс находок из этого слоя свидетельствует о значительном обеднении жизни города. Разновременные находки весьма схожи с находками из предыдущего слоя. Среди них отметим фрагмент боспорского солена с клеймом МЕТРОС, точильный камень, обломки мраморных плиток, два (целый и половинка) костяных напильника из трубчатых костей, обломки бронзовых украшений (колечка и браслета). Находки фрагментов обожженных кирпичей в двух позднеантичных слоях указывают на то, что в Кепях в IV в. н. э. (возможно, еще в III в. н. э.) применялись обожженные кирпичи двух типов: квадратные (0,25×0,25×0,044 м) и прямоугольные с желобчатой или гладкой поверхностью, шириной от 0,125 м и больше, толщиной 0,032—0,04 м. Для какого вида построек употреблялись эти кирпичи, — пока не выяснено.

Седьмой, верхний слой — средневековый. В предыдущие годы на Западном раскопе строительных остатков, относящихся к этому времени, не зафиксировано. В 1960 г. обнаружен (квадрат XV) разрушенный фундамент (№ 81) длиной 3,9 м, достигавший ранее 0,6 м ширины. Он ориентирован точно с юга на север, т. е. отлично от ориентации построек города в III и IV вв. н. э. В остальном этот слой повторял все, что известно было о нем ранее; вследствие большой перекопанности грунта главная масса находок — античной эпохи, но датируют фрагменты средневековых амфор с высокими ручками.

Во всех слоях встречались сильно колотые кости животных. По определению В. И. Цалкина (взяты кости из слоев I—IV вв. н. э.), жители Кеп разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, свиней и птицу. Нередко встречались кости рыб, особенно осетровых.

Важнейшие результаты раскопок в Кепях в 1960 г.: 1) находка орудий бронзовой эпохи, 2) открытие неповрежденного слоя архаического времени, 3) открытие винодельни I в. н. э., 4) подтверждение существования металлургического и керамического производства в Кепях в первые века нашей эры (железные шлаки и керамический брак), 5) находки грузил, большого рыболовного крючка, рыбьих костей — свидетельство большой роли рыболовства в хозяйстве жителей, 6) дальнейшее исследование комплекса III—IV вв. н. э. и новые материалы о строительной технике того же времени, 7) находки вещей, характеризующих различные стороны материальной или духовной культуры жителей Кеп. Важно отметить также находку за время работ 1960 г. 25 боспорских монет.

2. Раскопки кургана

В связи с плантажными работами винсовхоза «Фанагория» на поле, непосредственно к югу от поселка Сенная, в 1960 г. полностью раскопан курган, расположенный в 200 м по прямой линии на юг от здания станции Тамань и входивший в группу фанагорийских курганов⁷. Он был сильно распахан и изрыт, высота его — в среднем 3 м, диаметр — 30 м. Насыпь в значительной степени деформирована, но тем не менее ее конструкция вполне прослежена.

На горизонте погребенной почвы в юго-восточном секторе центральной части располагался массив темной глины — выкид из котлована для склепа; к югу и северу от котлована — большие прослойки (толщиной 5—10 см) осколков известняка; это были места обработки плит для склепа. Выше насыпь состояла из пластов коричнево-желтого суглинка и желтой глины. Непосредственно над склепом располагался пласт коричнево-желтой супеси с известковой крошкой и галькой. При выборке камней склепа этот пласт осел и заполнил котлован. В насыпи встречались отдельные фрагменты амфор IV—III вв. до н. э. и чернолаковых сосудов. В западной поле оказалось

⁷ Вся эта группа была тем же летом исследована Фанагорийской экспедицией под руководством М. М. Кобылицей.

впускное погребение с сожжением; пережженные детские кости были заключены в красноглиняный сосуд.

Курганная насыпь покрывала каменный склеп, который был сначала разграблен (прослежена грабительская мина с южной стороны), а затем, позднее, — вероятно, в XIX в., — весь камень его был вынут. От склепа остался только пол, выстланный тонкими плитами керченского ракушечника, тщательно подогнанными друг к другу (рис. 34—2). Грабители попытались взять и плиты пола, но это оказалось нерентабельным, так как, отсырев, они ломались. Несмотря на выборку камня, исследование котлована, четко вырезанного в темной материковой глине, и пола дает возможность представить себе общее устройство склепа, состоявшего из трех частей — камеры, переднего помещения и дромоса.

Камера склепа была врезана в материк в центре кургана на глубину 1,3 м от уровня погребенной почвы, так что только верхняя часть склепа возвышалась над древней поверхностью. Точно определить высоту погребальной камеры нельзя, но она была не менее 1,5 м. Внутренняя площадь ее определяется прямоугольником пола размером $3,05 \times 2,26$ м, ориентированного длинными сторонами с востока на запад с небольшим отклонением западного конца к югу. Плиты пола впритык подходили к более массивным плитам стен, поставленным на материковую плотную глину и прилежавшим к стенкам котлована. По аналогии с боспорскими склепами IV—III вв. до н. э. нужно полагать, что потолок был уступчатым.

Вход в камеру находился с западной стороны, где располагалось переднее помещение размером $2,4 \times 1,7$ м с наклонным полом в сторону камеры. Пол переднего помещения также был покрыт каменными плитами, от которых сохранились только отпечатки; он лежал выше пола камеры, так что при входе в камеру был уступ вниз высотой около 0,35 м. Вход в переднее помещение находился также с западной стороны. От поверхности погребенной почвы ко входу в переднее помещение вел короткий (1,6 м) наклонный дромос, врезанный в материк. На западном конце дромос закруглен. При входе в переднее помещение также образован уступ.

Дата определяется материалами тризны, несомненно, современной погребению. Остатки тризны занимали значительное пространство в южной и юго-восточной полах кургана, близко к его краю, на горизонте погребенной почвы. В двух южных группах основу составляли «жжёные точки», т. е. места обширных кострищ, на которых в большом количестве были раскиданы черепки битой простой посуды, пережженные кости, зола, угли, осколки раковин и комочки ярко-красной краски. Большая часть посуды преднамеренно разбита и разбросана, однако встречались и неразбитые сосуды. В некоторых чашечках сохранились остатки жертвенной пищи (бараньи косточки). В юго-восточной группе на костер были брошены части расписной леканы, пелики и других сосудов, а затем костер был затушен двумя (пантикапейской и синопской) черепицами.

Южнее кострища обнаружено скопление расколотых костей быка, а еще южнее — несколько мелко разбитых амфор. Подобная кучка костей быка найдена также и в северо-западной поле кургана. На северо-восточном краю обнаружены группа камней — ракушечника и осколок черепицы. В районе склепа в перекопанном грунте найдена часть известняковой плиты с отверстием (эсхара).

Тризна относится к концу III в. или началу II в. до н. э.; она дает яркий материал для изучения погребального обряда. Характерно, что подавляющая часть посуды была не чернолаковой, а простой. Основной посудой при тризне были плоские блюда, небольшие чашки, маленькие плоскодонные кастрюльки с крышками. Кувшинчик типа лагиноса (рис. 35—5) оказался единственным. Чернолаковых сосудов немного — обломки нескольких канфаров, пелики, двух-трех рыбных блюд. Черепки посуды сильно измельчены и даже окатаны. По-видимому, во время

совершения тризны, а затем при устройстве насыпи по битым сосудам ходили и топтали их. Часть битой посуды, вероятно, была разбросана за пределами курганной насыпи, поскольку недостает многих фрагментов.

3. Разведка на Фанталовском полуострове

Разведочные работы велись в районе сел. Татарского. На поле между этим селением и так называемым Киммерийским валом произведена пробная раскопка (25 × 2 м) всхолмления, которое оказалось мощным мусорно-зольным сбросом; в нем обнаружено много фрагментов керамики I—IV вв. н. э. и отдельные вещи более раннего времени. В обрезах силосных ям на западной окраине сел. Татарского зафиксирован культурный слой, включающий материалы от IV в. до н. э. до II—III в. н. э. Остатки поселения первых столетий нашей эры обнаружены также на огородах западной окраины селения.

Очень интересно обширное городище в 2 км к западу от хутора Батарейка, на берегу Денского залива. На восточном краю городища заметна возвышенная часть, разрушенная водами залива. Проведенные раскопки и зачистка берегового обрыва показали, что здесь существовало укрепление с мощными оборонительными стенами из сырцовых кирпичей, возведенными на земляном валу. Судя по предварительным данным, система укреплений построена около начала нашей эры. Возле оборонительной стены внутри крепости раскопана часть дома I в. н. э., погибшего в пожаре. В позднеантичное время на месте крепости существовало сельскохозяйственное поселение, также погибшее от пожара во время военного нападения в IV в. н. э. Здесь оказалось большое количество разнообразных находок, характеризующих жизнь позднеантичного поселения.

А. В. КИРЬЯНОВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ЗЕМЛЕДЕЛИЮ
ИЗ РАСКОПОК АНТИЧНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ БОСПОРА

1. Зерна с поселений Боспора III в. н. э.

Археологические раскопки небольших по размерам боспорских поселений, расположенных недалеко от Азовского моря, систематически, уже несколько лет, проводятся И. Т. Кругликовой. За истекшие годы при этих работах найдено много зерен хлебных растений и почвообрабатывающих орудий. Особенно успешны были раскопки поселения, уничтоженного пожаром в конце III в. н. э., у дер. Семеновки, которые велись в 1954, 1957 и 1959—1960 гг. В сгоревших помещениях было обнаружено 46 находок зерен хлебных растений. Зерно найдено в амфорах, сосудах, а также рассыпанным на полу помещений.

Исследование всего зернового материала проводилось в лаборатории Института археологии АН СССР. Из находок с большим количеством зерна отбирается средняя проба в 200 куб. см. Одновременно производится определение содержимого всей находки (по объему). Средняя проба зерна просевается через сито для удаления посторонних примесей — пыли, комков земли, угля и т. п.; однако после просевания остается еще много посторонних примесей, равных по величине зерну. Затем при помощи лупы и пинцета зёрна отделяются от примесей и подсчитываются. Определяется общее количество зерна в находке и отдельно по каждому виду хлебов. Количество его в находках колеблется в очень больших пределах: в некоторых из них содержится зерна до 3 литров и более, но иногда насчитывается всего несколько десятков зерен.

При исследовании обнаружены зерна следующих культур: мягкой пшеницы — *Triticum vulgare* Vill.; причем в некоторых находках встречались в небольшом количестве зерна карликовой пшеницы — *Triticum compactum* Host.; многорядного ячменя — *Hordeum polystichum* Doell.; проса — *Panicum miliaceum* L., чины посевной¹ — *Lathyrus sativus* L. и ржи — *Secale cereale* L. (рис. 37).

В более раннее время в этих областях возделывались чечевица² — *Lens esculenta* L. и пшеница двузернянка³ — *Triticum dicoccum* Chubl. В связи с обильными находками, естественно, возникает вопрос о главнейших зерновых культурах древнего боспорского земледелия III в. н. э. Для

¹ Чина посевная — однолетнее зернобобовое растение с клиновидными, плоскоклиновидными или плоскими семенами; нетребовательна к почве. В древности различные сорта чины были хорошо известны римлянам под названием *cicireula* (*Columella*, 2, 10, 18; *Plinius*, 12, 18, 23). См. «Культурная флора СССР», т. IV, М., 1937, стр. 184—188.

² В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 78.

³ Там же, стр. 76.

решения вопроса надо исходить из количества найденных зерен отдельных сельскохозяйственных культур. В 46 находках содержится 477 950 зерен пшеницы, ячменя и чины посевной. Доля зерен пшеницы составляет 90%, ячменя — 9%, а чины — только 1%. Такое количественное соотношение может считаться убедительным доказательством, что пшеница была главной культурой земледельческого района Приазовья. Она занимала первое место по размерам посевов и была основной продовольственной культурой населения Боспора. Надо полагать, что пшеница служила и предметом

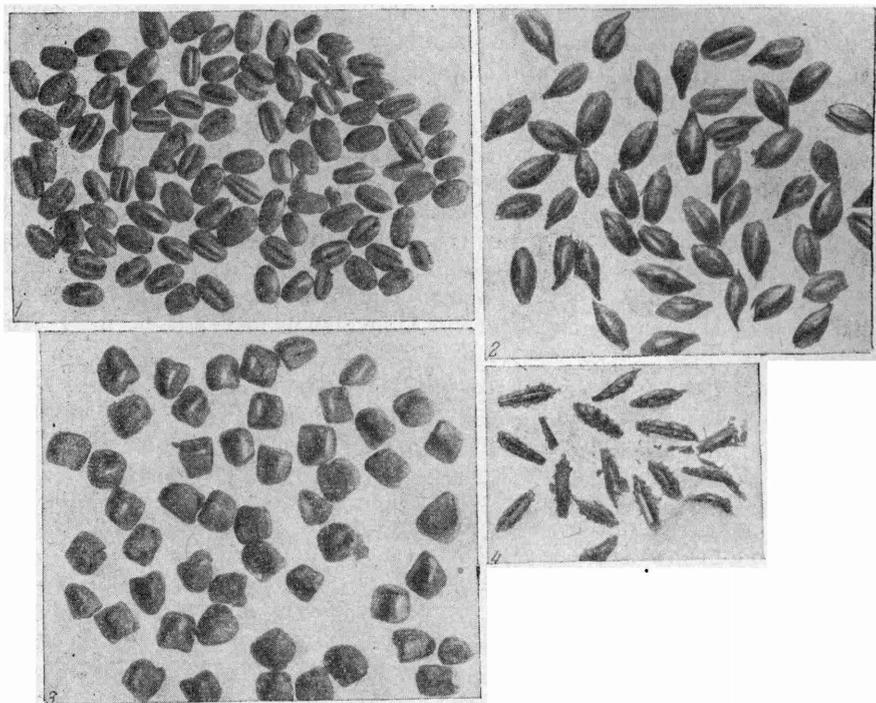

Рис. 37. Зерна хлебных растений и семена сорняков из раскопок поселения у дер. Семеновка.

1 — пшеница; 2 — ячмень; 3 — чина посевная; 4 — прицепник морковвидный.

экспорта. Ячмень отодвигался на второй план, но занимал видное место в составе возделывавшихся культур.

Материалы из раскопок в 1953 г. поселений у деревень Китень и Ново-Отрадное, одновременных с поселением у дер. Семеновка, также подтверждают главное место пшеницы в составе культур. У дер. Китень отмечено 9 находок зерен⁴, причем пшеница составляла 57,2%, а в материалах поселения у дер. Ново-Отрадное в двух находках⁵ — 92%.

Просо играло видную роль как продовольственная культура⁶. Среди зерен проса довольно часто встречаются зернышки пшена. В ту пору уже практиковалась переработка проса на крупу, производившаяся пестами, очевидно, в каменных ступах.

Наличие единичных зерен ржи среди огромного количества пшеницы и ячменя следует рассматривать как засорение посевов ячменя и пшеницы ржаными растениями. Это сорнополевая рожь, которая послужила исход-

⁴ Всего в находках — 90 191 зерно.

⁵ Всего в находках — 670 зерен.

⁶ Проса и пшена найдено примерно 500 куб. см.

ным материалом для происхождения культурной ржи⁷. При обмолоте уржающая пшеничные (или ячменные) и ржаные зерна смешивались вместе в хлебном ворохе⁸. При провеивании его рожь почти не отделяется от пшеницы и засоряет продовольственное и посевное зерно.

Следует отметить, что присутствие сорнополевой ржи в ячменных и пшеничных посевах Северного Причерноморья наблюдается уже в очень отдаленное время. Так, при раскопках поселения Гермонасса в 1957 г. среди зерен ячменя, относящегося к VI в. н. э., обнаружены единичные зерна ржи⁹. При раскопках поселения античного времени (IV в. н. э.) на месте города Азова в зернах мягкой пшеницы найдена рожь¹⁰. Раскопки небольшого по размерам боспорского поселения Кепы¹¹ на Керченском полуострове дали много зерен пшеницы и ячменя, относящихся к I в. н. э.; в них обнаружено незначительное количество ржи.

Среди зерен пшеницы, взятой из разных находок, оказались семена сорных растений различного видового состава. В одной из проб, содержащей 8320 зерен пшеницы и 27 зерен ячменя¹², выделено только 5 семян гречишки выюнковой — *Polygonum convolvulus* L. и 4 семени конвингии восточной — *Convingia orientalis* Andr.; в другой пробе на 8150 зерен пшеницы и 18 зерен ячменя¹³ обнаружено по одному семени гречишки выюнковой, гречишки птичьей — *Polygonum aviculare* L., горчицы полевой — *Sinapis arvensis* L., выюнка полевого — *Convolvulus arvensis* L. и 35 семян конвингии восточной.

Незначительная засоренность пшеницы семенами сорных растений наблюдается при возделывании хлебов на чистых почвах. Такими почвами могли быть в ту пору перелог, залежи, а также вновь освоенные целинные земли¹⁴. Видовой и количественный состав семян сорных растений не дает нам четкого, объективного материала для решения вопроса о месте и условиях возделывания земель. Однако есть основания предполагать наличие в боспорском земледелии III в. н. э. элементов залежной¹⁵ и переложной¹⁶ систем.

Кроме того, присутствие проса в составе культур косвенным образом подтверждает наличие перелогов и залежей. Просо, по своим биологическим особенностям весьма требовательное к чистоте почвы, издревле высевалось на свежих, не засоренных участках¹⁷.

Иная картина засоренности пшеницы семенами сорных растений получилась при изучении зерен из лепного горшка¹⁸.

⁷ П. М. Жуковский. Культурные растения и их сородичи. М., 1951, стр. 105.

⁸ Ворох — сгребенный лопатой горкой, молочный, но не веяный, хлеб (В. Даль. Толковый словарь. М., 1955, т. I, стр. 246).

⁹ Раскопки И. Б. Зеест 1957 г. Зерно сохраняется в лаборатории Института археологии АН СССР.

¹⁰ К. Фляксбергер. Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю. КСИИМК, вып. VIII, 1940, стр. 118.

¹¹ Раскопки Н. И. Сокольского 1959—1960 гг. Зерно сохраняется в лаборатории Института археологии АН СССР.

¹² Помещение 32. Зерно из амфоры. Раскопки 1959 г.

¹³ Помещение 32. Там же.

¹⁴ Растения целины во время своего развития не допускают внедрения сорной растительности, а при распахке пропадают, почему почва целины или старой залежи считается чистой (А. И. Мальцев. Сорная растительность СССР и меры борьбы с нею. М.—Л., 1936, стр. 21).

¹⁵ Система, при которой выпашанный, утерявший плодородие участок забрасывается на неопределенный срок, а для обработки отводится новый, целинный, — называется залежной (А. Г. Трутинев. О системе земледелия. Л., 1956, стр. 28).

¹⁶ Система, при которой участки, утерявшие плодородие, забрасываются под перелог на определенное небольшое число лет, — носит название переложной (там же, стр. 29).

¹⁷ В. Р. Вильямс. Общее земледелие с основами почвоведения. М., 1927, стр. 309.

¹⁸ Помещение 32. Зерно из лепного горшка. Раскопки 1959 г.

Приводим данные о видовом и количественном составе семян сорняков из этой находки.

Сорные растения	Число семян сорных растений на 6480 зерен пшеницы и 380 зерен ячменя	
Подмаренник трехрогий — <i>Galium tricornе</i> With.		101
Прицепник моркововидный — <i>Caucalis daucoides</i> L.		53
Гречишка вьюнковая — <i>Polygonum convolvulus</i> L.		3
Эгилепс оттопыренный — <i>Aegilops squarrosa</i> L.		1
Вьюнок полевой — <i>Convolvulus arvensis</i> L.		1
Вика — <i>Vicia</i> sp.		8
Чечевица восточная — <i>Ervum orientalis</i> L.		3
Гречишка птичья — <i>Polygonum aviculare</i> L.		1
Горчица полевая — <i>Sinapis arvensis</i> L.		1
Капуста полевая — <i>Brassica arvensis</i> L.		1
Конвингия восточная — <i>Convingia orientalis</i> (L.) Andr.		12
Неопределимые		16
Всего		201

В данном случае на 1000 хлебных зерен приходится примерно 29—30 семян сорных растений¹⁹, что свидетельствует о большой засоренности. В действительности же она была в ту пору еще больше, так как часть семян сорняков могла погибнуть. Но даже и такой состав семян сорных растений позволяет до известной степени воссоздать реальную обстановку возделывания боспорской пшеницы — определить степень окультуренности почв, на которых она возделывалась, а также выяснить место в чередовании зерновых хлебов.

Следует отметить, что такие сорные растения, как прицепник моркововидный, эгилепс, конвингия, подмаренник и др.²⁰, — типичные представители сорнополевой флоры старой пашни, которая из года в год использовалась для посева. На обработанных перелогах, залежах и вновь освоенных землях в первые годы возделывания эти сорные растения почти не встречаются в посевах. И только в последующем, с ежегодным нарастанием засоренности почвы, типичные сорняки старой пашни в изобилии засоряют хлеба.

Несомненно, что пшеница с такой засоренностью возделывалась на старой пашне, характерной для последних лет посевов перед забрасыванием в перелог²¹. Правда, значительная засоренность посевов зерновых наблюдается и при более совершенных способах использования пахотных земель, в частности, — при паровой системе земледелия.

Следует отметить, что боспорское земледелие, сложившееся на основе многовекового опыта, достигло в III в. н. э. довольно высокого уровня.

Развитие ремесленного производства и вообще хозяйства Боспора²² не могло основываться на переложной системе земледелия, соответствующей

¹⁹ Засоренность древнего новгородского зерна такова: на 1000 зерен ржи приходится 10 семян сорняков, а пшеницы — 40—50 семян (А. В. К и р ь я н о в. История земледелия Новгородской земли X—XV вв. МИА, № 65, 1959, стр. 328).

²⁰ Почти все упомянутые сорные растения в настоящее время засоряют хлеба на территории Северного Причерноморья. Ареал их распространения не выходит за пределы степной полосы (С. С. С т а н к о в и В. И. Т а л и е в. Определитель высших растений Европейской части СССР, М., 1957).

²¹ При залежной системе земледелия «все более развивалась засоренность полей, которая достигала таких размеров, что под конец культурного периода урожай более чем на половину состоял из семян сорняков» (В. Р. В и л ь я м с. Указ. соч., стр. 369).

²² «Очерки истории СССР», М., 1958, стр. 21—23.

более низким ступеням развития производительных сил. В ту пору могли быть и, безусловно, существовали более прогрессивные способы восстановления плодородия почвы, отвечавшие уровню развития производительных сил Боспорского государства.

Весьма вероятно, что в районах с плотным земледельческим населением использовалась система краткосрочных перелогов, а также пахотные участки, включающие паровые поля, которые служили средством восстановления плодородия и уничтожения сорняков. Так, на различных земельных участках одновременно существовали разные системы земледелия. Они были жизненны и вполне отвечали потребностям хозяйственного развития Боспора.

2. Зерна хлебных растений из раскопок в Кепях и на городище у хутора Батарейка

При раскопках в 1957—1960 гг. боспорского города Кепы довольно часто встречались в культурном слое отдельные зерна хлебных растений, но в 9 случаях они найдены в виде небольших скоплений (в развале печей, пифосе и т. п.) в слоях, относящихся к I—IV вв. н. э.

При исследовании зерна в лаборатории Института археологии АН СССР обнаружены: мягкая пшеница — *Triticum vulgare* Vill., многорядный ячмень — *Hordeum polystichum* Doell., чина посевная — *Lathyrus sativus* L., овес — *Avena sativa* L. и рожь — *Secale cereale* L. Доля пшеницы составляет 40,7%, ячменя — 46,3% и овса — 13% от всего количества найденных зерен²³.

Количественное соотношение найденных зерен дает основание считать, что в ту пору главнейшими культурами были ячмень и пшеница, но, по-видимому, пшеница играла ведущую роль в составе возделывавшихся культур, несмотря на некоторый, — вероятно, случайный — перевес в количестве ячменных зерен. Чина посевная — зернобобовое растение, довольно распространенное в Северном Причерноморье античной эпохи. Она удержалась в составе культур на протяжении многих последующих столетий. Зерна ее обнаружены также при раскопках позднеантичного поселения Семеновка в слое, относящемся к III в. н. э.²⁴ Интересны находки овса, который служил, очевидно, для фуражных целей. Присутствие в небольшом количестве зерен ржи среди пшеницы и ячменя следует рассматривать как засорение ячменных и пшеничных посевов сорнополевой рожью²⁵. Чечевичкообразная вика, зерна которой найдены в незначительном количестве, — обычный сорняк хлебных посевов в южных областях. Однако зерна ее могли быть использованы и как корм для скота.

Интересные материалы по земледелию получены в 1960 г. при раскопках поселения у хутора Батарейка на Фанталовском полуострове. В помещении, погибшем при пожаре в IV в. н. э., найдено много зерна, которое хранилось в объемных широкогорлых амфорах. Часть зерна собрана на полу помещения; оно рассыпалось из разбитых амфор. В одном случае зерно оказалось внутри лепного горшка с ручкой.

При исследовании обнаружены зерна многорядного ячменя, мягкой пшеницы, среди которых встречено довольно много (25%) зерен твердой пшеницы — *Triticum durum* Desf.; проса — *Panicum miliaceum* L. и ржи. В лепном горшке обнаружено 2655 зерен ячменя и 47 — пшеницы. Любопытно, что всего доля зерен пшеницы составляет 88,6%, ячменя — 10,4%, а ржи — немного больше одного процента²⁶. Такое количественное соотно-

²³ Всего собрано 4540 зерен.

²⁴ Раскопки И. Т. Кругликовой в 1954, 1957 и 1958—1960 гг. Зерно хранится в лаборатории Института археологии АН СССР.

²⁵ П. М. Жуковский. Указ. соч., стр. 105.

²⁶ Всего найдено 57 555 зерен (без проса).

шение — убедительное доказательство главенствующего значения пшеницы в составе возделывавшихся культур Приазовья в IV в. н. э.

Ведущее положение пшеницы определилось также по материалам позднеантичного поселения Семеновка, погибшего примерно за столетие ранее поселения у хутора Батарейка; там доля пшеницы составляет 90% всего количества найденных зерен.

На поселении у хутора Батарейка обнаружено пшено²⁷, среди которого оказались единичные зерна проса. И здесь в ту пору уже практиковалась переработка проса на крупу.

Обращает на себя внимание огромное количество зерен плевела — *Lolium sp.*, обнаруженного вместе с пшеницей: на 20 500 зерен приходится 5130 зерен плевела.

Материалы по земледелию из раскопок в Кепях и на поселении у хутора Батарейка дополняют уже известные нам ценные сведения о земледелии позднеантичного времени.

²⁷ Пшена оказалось примерно 200 куб. см.

Н. П. СОРОКИНА

РАСКОПКИ НЕКРОПОЛЯ В КЕПАХ В 1959—1960 ГОДАХ

С 1957 г. экспедицией института археологии АН СССР под руководством Н. И. Сокольского начаты систематические исследования Кеп, боспорского города на азиатском берегу Боспора Киммерийского¹. С 1959 г. в состав экспедиции включился Государственный исторический музей, который взял на себя раскопки Кепского некрополя.

Некрополь Кеп состоял из курганного и грунтового могильников, но ни тот, ни другой не подвергались исследованиям. Можно указать только на эпизодические раскопки Археологической комиссией отдельных курганов Кеп вблизи городища. В одном из них, Артюховском, вскрыты очень богатые погребения позднеэллинистической эпохи.

О грунтовом некрополе, находившемся к северо-востоку от города, на окрестных холмах, было известно только по отдельным, случайным находкам из разрушенных погребений. Многие погребения были уничтожены Таманским пескокарьером, который начал на одном из косогоров добывать песок примерно лет 10—15 тому назад. Продолжает он работать и теперь, поэтому в первую очередь необходимо было начать исследование некрополя в районе карьера. Раскопки 1959—1960 гг. располагались по западному краю огромного котлована, где, по рассказам работников пескокарьера, особенно часто приходилось замечать в ковше экскаватора кости, обломки керамики, иногда целые сосуды или предметы украшения, камни и среди них — надгробия².

За два года работ на некрополе вскрыто около 300 кв. м при глубине раскопок от 2,8 до 3 м. На этой площади обнаружено 61 погребение, которые относятся ко времени от рубежа VI и V вв. до н. э. до первых веков нашей эры (рис. 38). Большая часть могил датируется III—I вв. до н. э., меньшая — I—III вв. н. э. и совсем небольшая — V—IV вв. до н. э. Погребальные сооружения довольно разнообразны: это земляные ямы, амфорные захоронения, черепичные могилы, склеп.

Самую большую группу могил составляют простые, без каких-либо перекрытий, земляные ямы. Их раскопано 31 (включая разрушенные). Очертания могил редко удавалось проследить из-за песчаного грунта, но в некоторых случаях можно установить, что они были продолговатой формы, иногда суживающейся к ногам.

В земляных, так же как в черепичных могилах и амфорах, о которых речь будет идти ниже, встречались труположения. Обряд трупосожжения

¹ Н. И. Сокольский. Раскопки в Кепях в 1957 г. КСИИМК, вып. 78, 1960, стр. 53 и сл. См. также статью Н. И. Сокольского в настоящем выпуске КСИИ АН СССР.

² Б. А. Шляев. Стела Гокона. ВДИ, 1955, № 4, стр. 175 и сл.

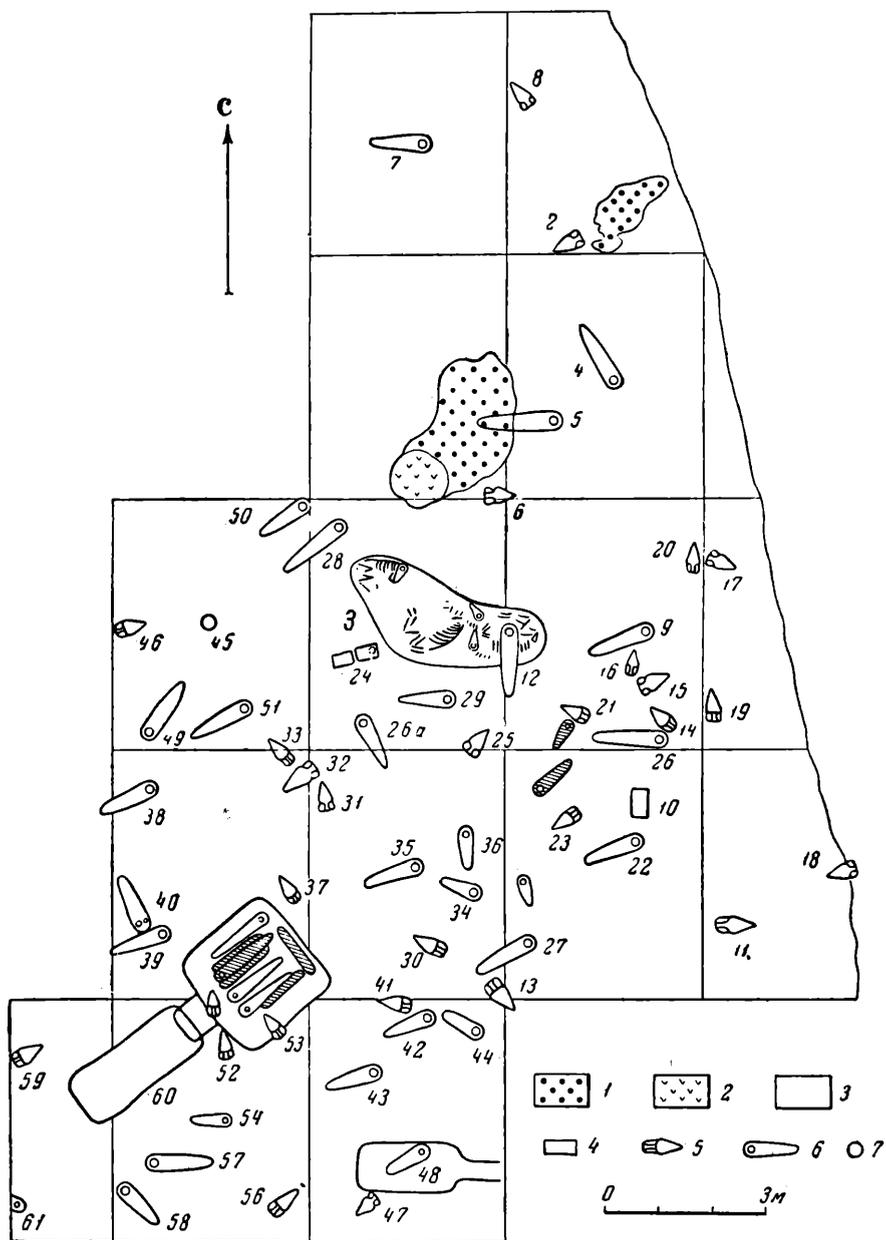

Рис. 38. План расположения могил на раскопанном участке некрополя в Кехах.
 1 — места трав; 2 — следы костра; 3 — разрушенные погребения; 4 — черепичные могилы; 5 — погребения в амфорах; 6 — погребения в земляных ямах; 7 — сожжения.

за два года работ на некрополе был зафиксирован только один раз (№ 45)³. Основная ориентировка покойников в могилах периода V—I вв. до н. э. — головой на восток с отклонением к югу и северу. В погребениях первых веков нашей эры эта ориентировка выдерживается менее строго; следует отметить скелеты, лежавшие черепом на юго-запад и юго-восток (№ 4, 40 и 49), на север (№ 12) и на запад (№ 57). Обычно костяки в могилах лежали на спине, почти как правило, с вытянутыми ногами. Положение рук более разнообразно. Среди костей скелетов иногда попадались угольки, но каких-либо подстилок или подсыпок не наблюдалось. Исключение представляет только погребение № 51, в котором под скелетом прослеживался тлен коричневого цвета.

Ко второй группе мы относим захоронения в амфорах. Их открыто 28. Этот обряд в некрополе Кеп существовал; начиная с рубежа VI и V вв. до н. э., вплоть до первых веков нашей эры. Но особенно часты такие погребения в III—I вв. до н. э. Для погребений использовались хиосские амфоры (VI—V вв. до н. э.), протофасосские (V в. до н. э.), синопские, гераклейские, амфоры коричневой глины (III—II вв. до н. э.) и родосские (III—II вв. до н. э. и I в. до н. э., судя по клеймам на некоторых из них). В редких случаях погребение совершалось в целых сосудах (№ 1, 25, 33 и 34). Чаще всего это были амфоры без ножки или горла. Некоторые захоронения были совершены только в части амфоры (например, № 11, 13, 17 и др.). Амфоры залегали на глубине от 0,8 до 1,6 м и как бы составляли верхний горизонт некрополя. Положены они по-разному: горлом на юг, запад, восток с отклонениями. В амфорах совершались захоронения младенцев. Об этом свидетельствуют небольшие размеры сосудов и присутствие в них лишь слабого тлена костей, под которым наблюдались иногда следы подстилки из камки (№ 2) и угольки. Детские погребения в амфорах — очень распространенный тип захоронения, встречающийся во многих некрополях греческих городов Северного Причерноморья и Средиземноморья от глубокой древности до конца античной эпохи.

Столь же характерны для греческих некрополей широкой территории черепичные могилы, которые раскопаны и на некрополе Кеп. Обнаружены три такие могилы (№ 3, 10 и 24), датируемые IV—II вв. до н. э. Они принадлежат по устройству к двум различным вариантам. К первому варианту можно отнести могилу № 10 IV в. до н. э., которая была сложена из двух черепиц, приставленных друг к другу наклонно, благодаря чему они образовывали как бы карточный домик. С северной стороны сооружение было прикрыто обломком третьей черепицы. В другой могиле (№ 24), относящейся ко II в. до н. э., черепицы были поставлены иначе — они стояли наклонно, прислоненными к земляной стенке могилы.

Черепицы из погребений хорошо датируются: одна (из могилы № 10) — клеймом Метродора на ней, т. е. серединой IV в. до н. э., другие — совместным инвентарем III—II вв. до н. э. (№ 3 и 24). Они принадлежат к одному типу боспорских черепиц, характерных для IV—II вв. до н. э., но несколько отличаются друг от друга размерами; кроме того, черепица из могилы № 24 была покрыта обмазкой белого цвета. Пока трудно говорить о месте производства черепиц (особенно из погребений № 3 и 24), так как изучение материала Кеп только началось и еще не выделены собственно кепские керамические изделия; но можно с уверенностью сказать, что эти черепицы вышли из мастерских азиатского Боспора.

В первые века нашей эры на исследуемом участке некрополя стали сооружать земляные склепы; один из них вскрыт в 1960 г. В склеп вел наклонный открытый дромос длиной около 3 м, шириной 1,55 м, со скошенными стенками. Вход в погребальную камеру был заложен огромной каменной плитой — размером 1,16×0,74×0,15 м. Дромос сообщался с

³ Здесь и далее в скобках указываются номера погребений.

камерой через небольшой коридор (ширина — 0,68 м, длина — 0,75 м), пол которого лежал выше уровня пола камеры на 0,6 м. Склеп состоял из почти квадратного в плане (со скругленными углами) помещения размером 2,42×2,35 м и высотой до 1,95 м, со сводчатым потолком.

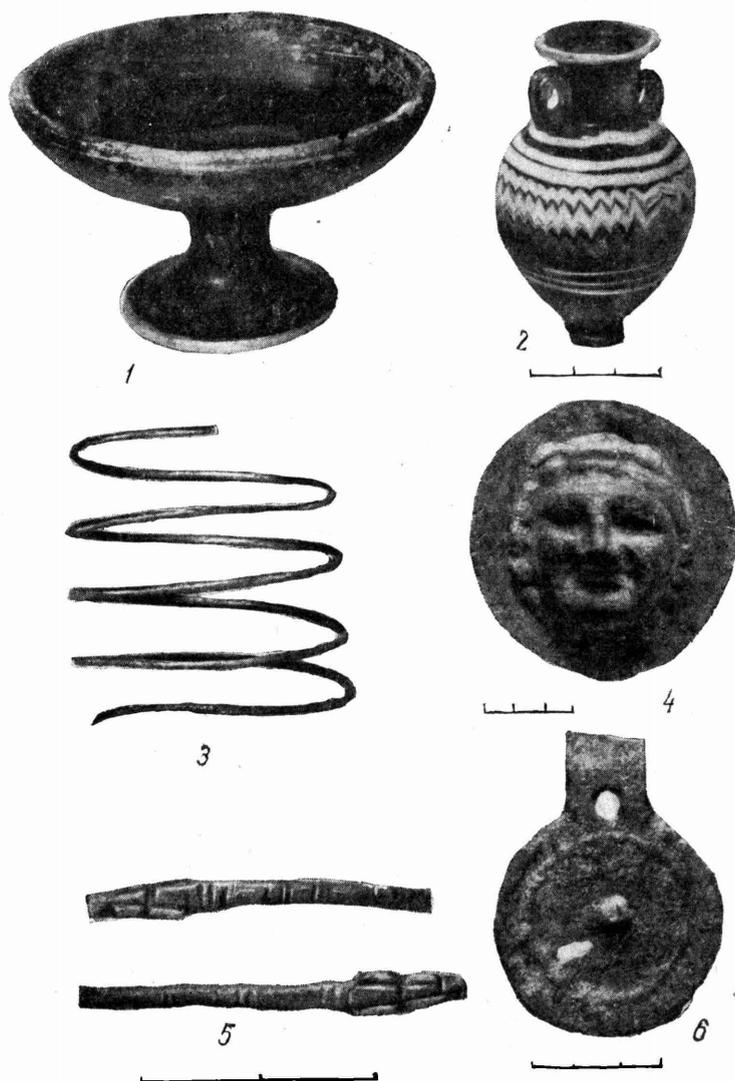

Рис. 39. Вещи из погребений некрополя в Кехах.

- 1 — чернолаковый сосуд (погребение № 29); 2 — амфориск (погребение № 29);
3, 5 — бронзовые браслеты (погребение № 38); 4 — терракотовый налеп
от деревянного саркофага (склеп); 6 — бронзовое зеркало (склеп).

В камере обнаружено до 9 погребений, большинство из них — в деревянных гробах. Почти во всех непо потревоженных погребениях костяки лежали головами к входу, который был устроен в западной стене. Можно отчетливо проследить, что при совершении нового погребения старые, с их гробами и инвентарем, сдвигались в сторону. В склепе обнаружены краснолаковая и простая красноглиняная керамика, разбитые стеклянные сосуды, светильник, терракота — Эрот в маске трагического актера, зеркало (рис. 39—6), пряжки, бусы, 7 терракотовых медальонов-налепов с головой

Медузы (рис. 39—4), от одного из деревянных гробов и три монеты (одна — Агриппеи Кесарии, вторая — Котия I, третья — Тайрана) ⁴.

Весь инвентарь дает основание считать, что склеп использовался длительное время — с I в. до конца III в. н. э.

Среди земляных склепов, известных в Северном Причерноморье, кепский склеп находит ближайшую аналогию по устройству, набору инвентаря и времени существования в таких же погребальных сооружениях Тиритакского некрополя ⁵.

Для полноты характеристики погребального обряда некрополя Кеп следует упомянуть места двух тризн, открытые в 1959 г. Нам уже приходилось отмечать этот обряд при работах в некрополе Гермонассы. Тризны в грунтовых некрополях известны в Фанагории ⁶, Танаисе ⁷ и в могильниках европейского Боспора ⁸. Отмечают этот обряд и исследователи грунтовых могильников Прикубанья ⁹.

По обряду тризны в общих чертах близки между собой, но можно говорить об особенностях каждой из них. Так, в Кехах с северо-восточной стороны погребения № 2 вскрыто скопление обломков керамики на площади 1,6 × 1 м (мощность его — от 0,3 до 0,6 м) — остатки тризны II в. до н. э. Среди обломков тарелок, мисок, кувшинчиков и кастрюль трех типов попадались древесные угольки, по-видимому, от небольшого костра, который горел на месте тризны. Как интересную деталь, отличающую ее от тризн других некрополей, отметим стоявшую вблизи от битых черепков синопскую амфору с отбитым дном. Она была в вертикальном положении, горлом вверх. Для придания амфоре устойчивости она была со всех сторон обложена крупными обломками стенок других амфор, родосского лагиноса и кастрюли. Видимо, она служила для совершения во время тризны возлияний и других жертвоприношений подземным богам и заменяла собой каменную эшару. Примеры такого использования амфор известны, но только при курганных погребениях.

Остатки второй тризны, относящейся к середине I в. н. э., не менее интересны. Она была грандиознее тризны II в. до н. э. Ее следы наблюдались на площади 3,4 × 1,6 м. В слое толщиной 0,3—0,35 м, образованном огромным количеством разбитой посуды (рис. 40), встречались обломки сырца, угольки, кальцинированные кости птицы, раковины мидий. В южной части площади четко прослеживались остатки большого кострища. О силе огня можно было судить по оплавившимся обломкам стеклянных сосудов и горелому грунту. Несколько южнее места костра и скопления керамики обнаружены скелеты трех лошадей, которые были, вероятно, убиты здесь во время тризны. Аналогий этому нам не удалось подобрать в других грунтовых некрополях Боспора. Тризны, сопровождаемые закалыванием лошадей, более всего напоминают конские гекатомбы и тризны Кубанских курганов. Остатки подобной тризны I в. н. э. в Кепском некрополе можно рассматривать как проявление негреческого обряда погребения, что подчеркивает и такая деталь, как сопровождавшие тризну, по-видимому, человеческие жертвоприношения. Рядом с конскими скелетами

⁴ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XLV, 14; табл. XLVI, 9; табл. L, 18.

⁵ В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Тиритаки в 1933 г. МИА, № 4, 1941, стр. 68 и сл.; М. М. Кобылина. Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г. МИА, № 4, 1941, стр. 75 и сл., рис. 109.

⁶ М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, № 57, 1956, стр. 87 и сл.; И. Д. Марченко. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 гг. МИА, № 57, 1956, стр. 105 и сл.

⁷ Т. Н. Кипович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 38, 39.

⁸ С. И. Капошина. Некрополь в районе поселка имени Войкова близ Керчи. МИА, № 69, 1959, стр. 108, 115.

⁹ К. Ф. Смирнов. Пашковский могильник № 3. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 86.

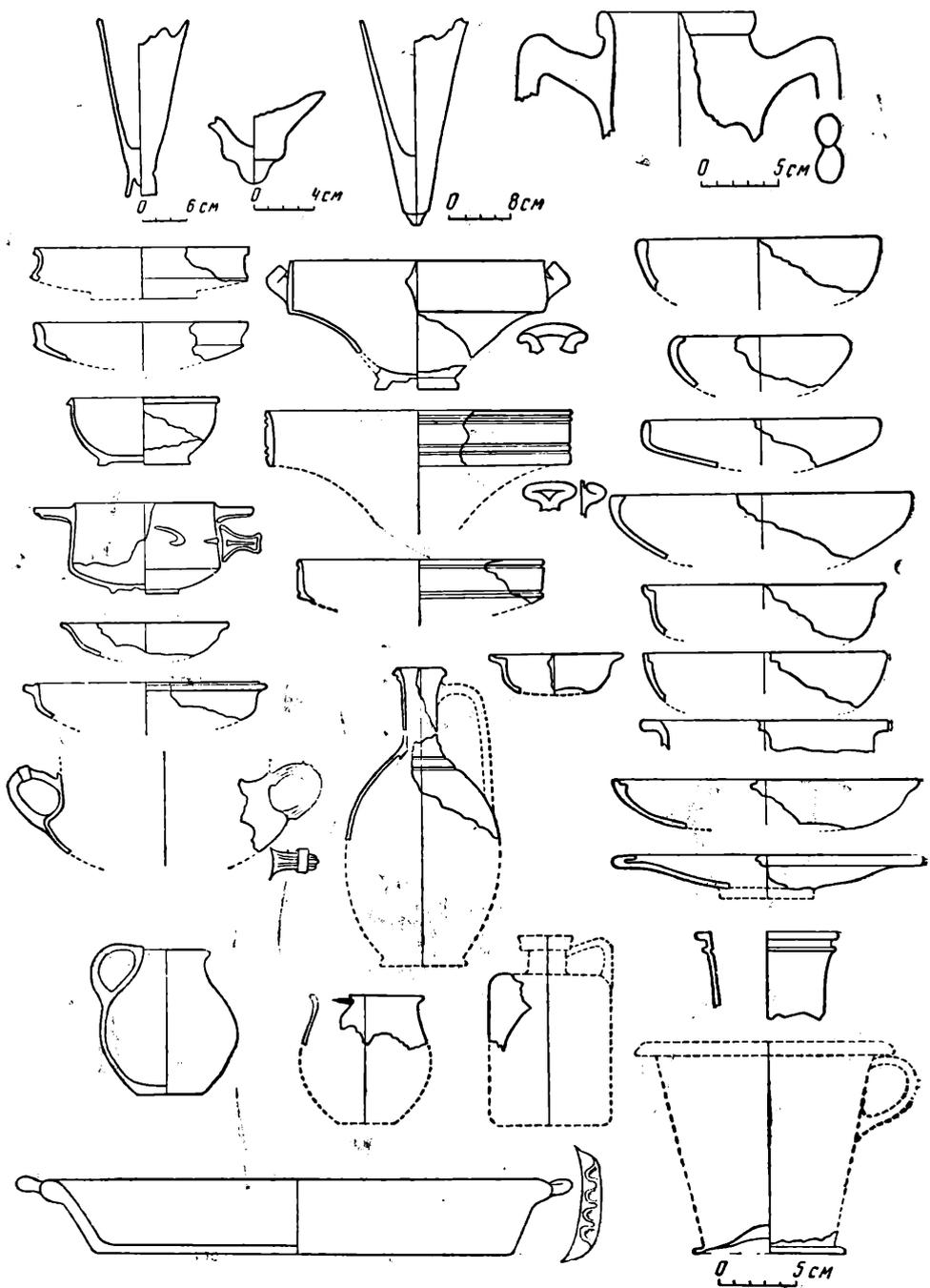

Рис. 40. Керамика с места тризны.

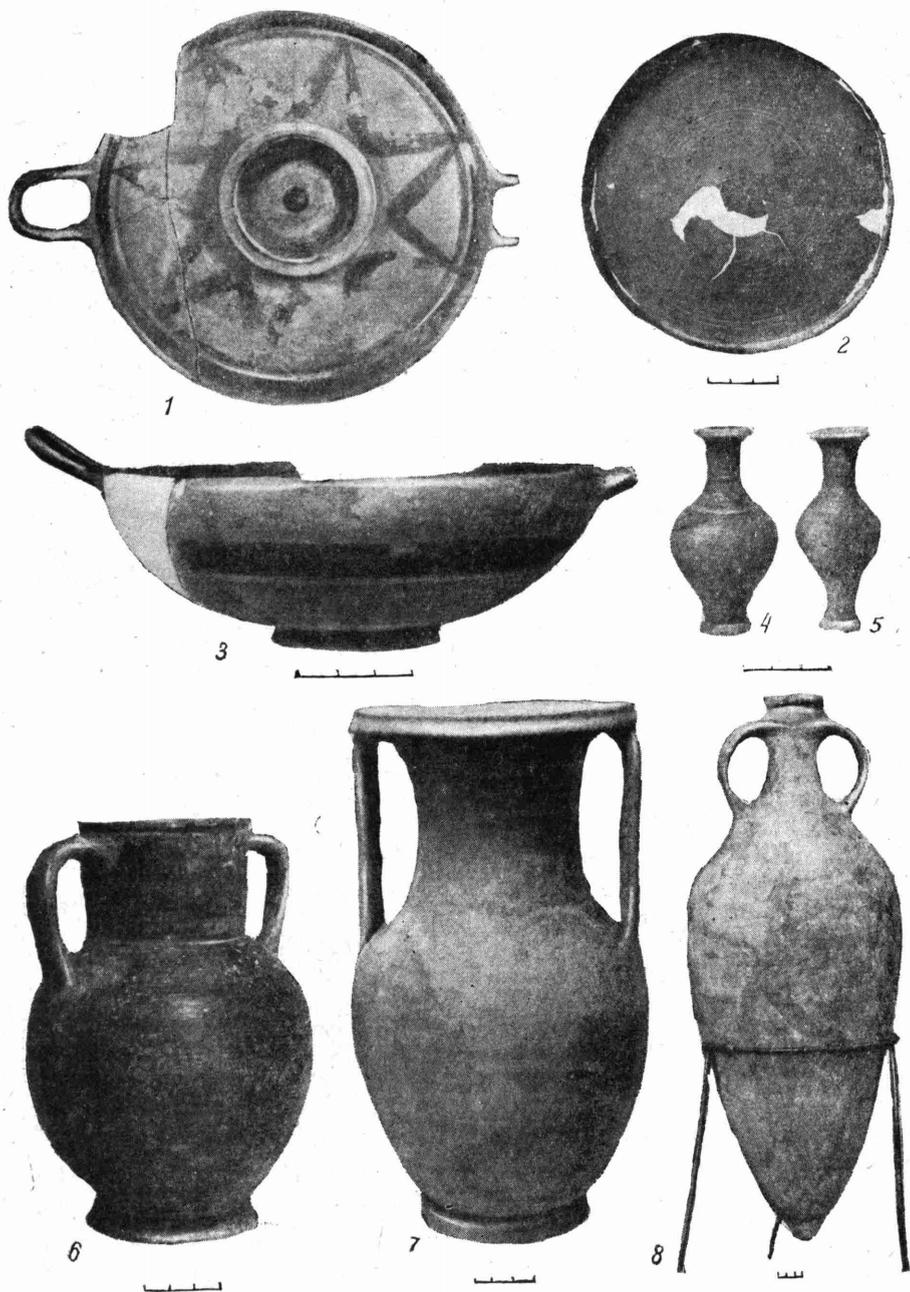

Рис. 41. Вещи из погребения некрополя в Кепах.

1, 3 — килик (погребение № 29); 2 — бронзовое зеркало конца II в.— I в. до н. э. (погребение № 38);
 4, 5 — унгентари (погребение № 3); 6 — чернолаковая амфора (погребение № 29); 7 — пелика
 (погребение № 3); 8 — амфора (погребение № 25).

найлены три человеческих черепа, которые вряд ли происходят из погребений, разрушенных ямой, вырытой для захоронения лошадей¹⁰.

Во многих могилах некрополя обнаружен погребальный инвентарь. Он сопровождал, главным образом, захоронения взрослых или подростков. При детских погребениях в амфорах никаких вещей не было.

Для могил конца VI в.— V в. до н. э. характерна чернолаковая керамика, сосуды так называемого финикийского стекла, хиосские амфоры и амфоры «протофасосского» типа, простые кувшинчики. Из этой группы инвентаря обращает на себя внимание тонкостенный килик (рис. 41—1, 3), на наружной стороне которого черной краской изображена многолучевая звезда. Найденные вместе с ним кувшинчик V—IV вв. до н. э. и бронзовая привеска в полтора оборота с пирамидами на концах, характерная для погребальных комплексов Тамани того же времени, датируют этот сосуд V—IV вв. до н. э. Форма килика и его ручек позволяют уточнить эту дату и ограничить ее временем не позднее V в. до н. э. Другой килик почти с аналогичной росписью найден в Пантикапее¹¹, но он, судя по несколько иной форме тулова и ручек, а также по находившимся с ним в одной могиле сетчатым лекифам с пальметтами, относится к более поздним вариантам этих расписных сосудов.

Большое количество чернолаковых сосудов середины V в. до н. э. обнаружено в могиле № 29. Среди них — килик, две чашки на высокой ножке (рис. 39—1), кувшинчик со штампованными пальметтами на тулове, амфора (рис. 41—6). Кроме того, в инвентаре были алабастр, амфориск финикийского стекла (рис. 39—2) и пряслице.

В могилах III—I вв. до н. э. встречалась простая керамика, так называемые акварельные пелики, малоазийские мегарские чаши, разного типа унгентарии (рис. 41—4, 5), бронзовые вещи (зеркала, фибулы, браслеты), бусы и монеты. Поскольку могил этого времени открыто больше всех других, и инвентарь III—I вв. до н. э. более многочислен.

Наиболее интересные комплексы вещей содержали могилы № 3 и 38. В могиле № 3 стояли две акварельные пелики (рис. 41—7), небольшой одноручный сосудик, красноглиняная солонка, нож. Около ступней и в области таза погребенного найден 21 железный гвоздик с большими шляпками и коротким острием, которые, вероятно, находились на кожаной обуви и поясе погребенного. Тут же были четыре флакона — унгентарии. На основании найденной монеты могила датируется серединой III в. до н. э.

Инвентарь могилы № 38 интересен бронзовыми изделиями и тем, что около погребенного было положено по два экземпляра каждого вида предметов: два зеркала (разного диаметра; одно — меньшее — было разбито; рис. 41—2), два браслета [один — спиралевидный (рис. 39—3), другой — со схематически изображенными головками змеи (рис. 39—5)], две фибулы, два перстня, два сосудика. По монете и фибуле могила датируется концом II в.— I в. до н. э.

В погребения III—I вв. до н. э. и первых веков нашей эры клались монеты. Все они чеканены не ранее III в. до н. э. и все боспорские — пантикапейского или фанагорийского чекана. В могиле № 27 обнаружено 11 монет, которые стояли стопками. Три монеты — Фанагории первой половины II в. до н. э. и 9 монет — пантикапейские того же времени (на реверсе — изображения лука и стрелы или горита; только на одной монете изображены плуг и хлебный колос). Примеры аналогичного положения монет умершему очень редки.

¹⁰ Пока мы затрудняемся твердо сказать, с каким из погребений следует связывать тризну. Возможно, что этот ритуал был совершен во время одного из ранних захоронений в склепе. Однако для окончательного решения вопроса следует раскрыть большую площадь с запада и северо-запада от конских захоронений и места тризны.

¹¹ В. В. Шкороп и л. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1906 г. ИАК, вып. 30, 1909, стр. 81.

Такой же случай в могильнике у Тузлы и Херсонеса.

Амфоры III—I вв. до н. э. представлены в основном хорошо известными типами. Среди них интересна целая амфора (из погребения № 25) так называемого типа «амфор коричневой глины»¹², которые до сих пор были известны только в обломках (рис. 41—8). По форме и качеству глины они очень близки амфорам Закавказья, открытым там за последнее время. Это позволяет предположить, что на Боспор керамическая тара этого типа ввозилась из какого-то закавказского центра.

Инвентарь могил первых веков нашей эры очень ограничен. Самый яркий комплекс вещей был в склепе I—III вв., о котором уже говорилось выше.

Подводя итог результатам двухлетних раскопок некрополя Кеп, надо сказать, что какие-либо широкие обобщения еще сделать нельзя, но, тем не менее, уже теперь получены данные для суждения о типах погребальных сооружений и обряда. Установлено, что на исследуемом участке некрополя в погребальном обряде преобладали черты, характерные для греческого обряда. Но, наряду с ними, можно установить некоторые элементы, аналогии которым следует искать среди погребальных обрядов племен Прикубанья.

Инвентарь из могил позволяет судить об экономических связях Кеп с другими городами азиатского и европейского Боспора и некоторыми центрами Малой Азии.

¹² И. Б. Зеев ст. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, стр. 24, 30. табл. XXVI, 59, 60.

III. ХРОНИКА

РАБОТА СЕКТОРОВ И ГРУПП ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
АН СССР

1. СЕКТОР АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ В 1959 ГОДУ

В 1959 г. состав сектора оставался прежним — 9 научных сотрудников и 3 аспиранта. В научно-исследовательской и экспедиционной работе одновременно с изучением Северного Причерноморья проводились исследования античных памятников Аполлонии.

В 1959 г. были закончены две темы. Д. Б. Шеловым завершена монография «Некрополь Танаиса», в которой публикуются материалы раскопок с подробным анализом обряда и инвентаря. А. И. Болтунова закончила часть работы, которая входила по плану в подготовку издания корпуса «Надписи Боспора». Помимо редактирования ранее известных надписей, ею подготовлены к изданию неопубликованные надписи и совместно с Т. Н. Книпович составлена таблица греческих шрифтов. Остальные сотрудники сектора продолжали работу над переходными темами, указанными в отчете за 1958 г.

В 1959 г. начата подготовка к изданию отчетов о раскопках Пантикапея и Фанагории с 1945 г. Этим заняты И. Б. Зеест, М. М. Кобылина и Г. А. Цветаева. Работа ведется совместно с научными сотрудниками Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина — И. Д. Марченко и другими.

Кроме того, подготавливаются к изданию исследования по истории Аполлонии, ее керамического производства, а также отчеты о раскопках 1958 г. В работе принимают участие В. Д. Блаватский, И. Б. Зеест, М. М. Кобылина, И. Т. Кругликова, Н. А. Онайко, Н. И. Сокольский, Г. А. Цветаева, Т. В. Блаватская (Институт истории АН СССР). Сектором подготовлен и выпущен фотоальбом «Аполлония» с историческим очерком Аполлонии (авторы — С. Ислями, В. Д. Блаватский, редактор — Д. Б. Шелов). Альбом включает основные памятники, значительная часть которых открыта в 1959 г. при участии сотрудников сектора.

На юге СССР работало несколько экспедиций.

Фанагорийская экспедиция (руководитель — М. М. Кобылина, начальники отрядов — Г. А. Цветаева, Е. Г. Кастанаян, И. Д. Марченко) продолжала исследование крепостных сооружений города V—IV вв. до н. э. и начала изучение центральной части Фанагории, где открыты хорошо сохранившиеся средневековые жилые комплексы IX—X вв. и фундамент общественного здания II—I вв. до н. э.

Восточнокрымский отряд (руководитель — И. Т. Кругликова) продолжал раскопки поселений у деревень Семеновка и Ново-Отрадное. Исследовались оборонительные стены; при разведках обнаружено более 20 поселений доантичного и античного периодов.

Нижнедонской экспедицией (руководитель — А. И. Болтунова) прослежена северная оборонительная стена Танаиса III—I вв. до н. э. и

открыт ряд жилых домов. Отряд, работавший в Кепях (руководитель — Н. И. Сокольский), изучал слои от VI в. до н. э. до IX—XI вв. н. э.

В 1960 г. продолжались подводные исследования под руководством В. Д. Блаватского, при участии аспиранта Г. А. Кошеленко. В Таманском заливе велось изучение затопленной части Фанагории. Выявлены напластования IV—II вв. до н. э. и более ранние. Установлено, что подошва напластований IV в. до н. э. на 3 м с лишним ниже уровня моря, что уточняет время изменения уровня Черного моря. В Керченском проливе проведено предварительное исследование случайно обнаруженного под водой парусного корабля XVIII в. — начала XIX в. (работой руководил Н. И. Сокольский).

Группа под руководством В. Д. Блаватского принимала участие в экспедиции по раскопкам Аполлонии (руководитель экспедиции — С. Ислями, начальники отрядов: Д. Б. Шелов — Х. Спахиу, Н. А. Онайко — И. Пренди, Е. Г. Кастанаян — Д. Будина, Г. А. Цветаева — С. Анамали). Реставрация мозаики проводилась под руководством О. И. Домбровского. Начатые в 1958 г. раскопки Аполлонии продолжались. Основные работы были сосредоточены на раскрытии дома с мозаиками и прилегающего к нему района. Здесь выявлены элементы городской планировки. Частично открыты три широкие улицы с примыкавшими к ним ремесленно-торговыми помещениями и жилыми домами. Обнаружен вход в дом с мозаиками, и к ранее открытым мозаикам прибавилось еще четыре; на одной из них изображена битва греков с амазонками. Обнаружен мозаичный пол галереи перистилия, окружавшего внутренний сад и бассейн с водопроводными трубами. Общее число открытых помещений достигает теперь 30, хотя дом еще раскопан не полностью.

В центре города раскрыта часть общественного здания с тремя целыми мраморными статуями магистратов и двумя фрагментированными (отряд Т. В. Блаватской — Х. Цэки). Закончены исследования кургана с 136 погребениями VI—II вв. до н. э. (отряд И. Б. Зеест — А. Буда). Во время разведок обследованы укрепления античного времени с хорошо сохранившимися стенами, достигавшими в высоту 4—5 м, в длину — нескольких десятков и даже сотен метров (начальники отрядов: Т. В. Блаватская — Д. Будина, Д. Б. Шелов — С. Анамали). На городище Чука-Аэтой исследовались полигональные стены и помещения, к ним прилегающие (отряд Е. Г. Кастанаян, Г. А. Цветаевой — Х. Цэка).

Для XI Международного конгресса историков в Стокгольме В. Д. Блаватским подготовлен доклад «Процесс исторического развития и историческая роль античных государств Северного Причерноморья». В работе III Международного конгресса классических наук в Лондоне принимала участие И. Т. Кругликова.

В Венгрии были И. Т. Кругликова и Н. И. Сокольский.

На заседаниях сектора заслушаны следующие доклады (северочерноморская тематика):

В. Д. Блаватский прочел большой проблемный доклад «Процесс исторического развития и историческая роль античных государств Северного Причерноморья». Приведем основные положения доклада. В VI в. до н. э. полисы Северного Причерноморья однородны, различия появляются в конце V в. до н. э. Тира, Ольвия, Херсонес остаются полисами торгово-ремесленными или земледельческими; на Боспоре возникает государство. В IV в. до н. э. на Боспоре происходит подъем, обусловленный тесным контактом с неэллинистическим миром. Наступает период протоэллинизма. Характерно сосуществование греческих полисов и «варварской» хоры, заселенной сравнительно малоразвитыми племенами, состоявшими в основном из полусвободных общинников. В период эллинизма Боспор — второстепенное окраинное государство. Конец эллинизма ознаменован возникновением государства Митридата и его борьбой с Римом. После событий конца

II в. — начала I в. до н. э. — значительная «варваризация» городов. Подъем Боспора I—II вв. н. э. тесно связан с приходом сарматов. В первые века нашей эры больше влияние власти Рима в Ольвии, Херсонесе, меньше — на Боспоре. Со времен Аспурга Боспор приобретает полуварварский характер. Развиваются процессы рустификации городов и натурализации хозяйства. В докладе свежо и интересно показан вклад Северного Причерноморья в географические представления греков. С усилением роли Боспора перемещаются интересы античных авторов, которые теперь интересуются не скифами, а Боспором.

Выступавшие по докладу касались отдельных частных вопросов. Высказано пожелание внести дополнительно материал о роли античных государств в эпоху средневековья (Д. Б. Шелов). Терминологически вызвал возражения тезис о волне переселения на Боспор в IV в. до н. э. (Н. И. Сокольский, Г. А. Цветаева). Все же основные положения были приняты присутствующими и высказано пожелание о целесообразности прочтения доклада на Международном историческом конгрессе 1960 г. в Стокгольме. Большинство других докладов по северочерноморской тематике было посвящено или частным вопросам, или раскопкам отдельных памятников.

Н. А. Сидорова (ГМИИ) представила доклад «Расписная ионийская керамика из раскопок Пантикапея 1957—1958 гг.». Дано определение групп керамики, выделены родоская и хиосско-навкратийская группы. Датировки и определение центров не оспаривались. В. Д. Блаватский предложил изложить более четко и законченно общую концепцию греческой восточно-средиземноморской и боспорской архаической керамики.

И. Б. Зеест сделала доклад «Техника гончарного дела античности». Основное внимание было уделено изготовлению амфор в период VI в. до н. э.—IV в. н. э. Прения коснулись технических приемов изготовления отдельных частей амфор, в частности — горла. Основное направление доклада одобрено. Докладчиком привлечен обширный материал, в том числе рассмотрены приемы гончарного мастерства XX в.

О. Ю. Круг прочла доклад на тему «Опыт применения петрографических методов к изучению керамики Боспора». Приведены результаты анализов, выделены изделия из местного сырья и локальные группы. В дальнейшем работа будет продолжена и расширена.

А. И. Болтунова в докладе «Новые находки фрагментов боспорских надписей на Керченском полуострове» рассмотрела фрагменты надписей из Пантикапея, Илурата, Нимфея и Мирмекия. Среди них — фрагмент прокленического декрета от имени Перисада I и его сыновей, обломки списка имен II в. до н. э., строительных надписей, посвятителной надписи богу «Спасителю» и др. Доклад ввел в научный обиход ранее не известные надписи, чтение которых, предложенное А. И. Болтуновой, не вызвало возражений. В. В. Кропоткин и Н. И. Сокольский сообщили о неизвестных надписях из Горгиипии и Херсонеса.

В. Д. Блаватский в своем докладе «Греческая надпись на сосуде из Пантикапея» остановился на разборе и толковании изображения и надписи на сосуде примерно V в. н. э. Датировка не вызвала возражений, оспаривалось толкование изображения. И. Д. Марченко и А. И. Болтунова высказали предположение об изображении не Христа, а апостола на сосуде. М. М. Кобылина провела аналогию с катакомбными росписями раннехристианского периода.

В. В. Кропоткин и Л. Н. Казаманова (ГИМ) прочли доклад «Подражания римским денариям с типом идущего Марса». В качестве основного положения утверждалось, что монеты эти чеканились не местными боспорскими племенами, а пришлыми. Подражания датируются III—IV вв. н. э. и относятся к одному из готских племен, обосновавшемуся на Боспоре в III в. н. э., предположительно — к тетракситах. Атрибуция монет была

признана убедительной. Однако В. Д. Блаватский обратил внимание на то, что неправдоподобно, чтобы в момент появления «варваров» на Боспоре возникла романизованная система чеканки, так как Боспор никогда не был проводником римского влияния. Происхождение монет нужно отнести к Дунайскому району.

Н. П. Сорокина (ГИМ) представила доклад «Крышка саркофага из собрания Государственного исторического музея». На крышке изображена скульптура в виде лежащей фигуры. Докладчик поставил ее в связь с милето-самосской школой и датировал VI в. до н. э. Доклад в целом был одобрен. М. М. Кобылина выдвинула иную датировку — начало V в. до н. э. В. Д. Блаватский отметил необоснованность тезиса о том, что этот памятник — свидетельство героизации умерших на Боспоре.

На заседаниях сектора заслушаны также доклады, посвященные итогам раскопок в 1958 г. В основном они были информационного характера. Упомянем сообщения Н. А. Онайко о раскопках Раевского городища, И. Т. Кругликовой — поселения близ Семеновки, Н. И. Сокольского — города Кепы.

Большинство докладов было посвящено городу Аполлонии и ее некрополю, в раскопках которых принимали участие сотрудники сектора.

В. Д. Блаватский сделал доклад «Очерк истории Аполлонии Иллирийской VI—IV вв. до н. э.». Докладчик, базируясь преимущественно на письменных источниках древних авторов, данных эпиграфики, нумизматики и на археологическом материале, сделал попытку осветить историю экономики и политического строя Аполлонии. В выступлениях признано, что исследование вопроса было углубленным. Дана новая интерпретация источников. По существу — это первый очерк истории Аполлонии. М. М. Кобылина высказала пожелание о включении в текст истории раскопок Аполлонии, Г. А. Цветаева — об освещении вопроса о взаимоотношении Аполлонии с другими греческими городами. И. Т. Кругликова и Н. А. Онайко обратили внимание на недостаточное полное освещение вопросов экономической истории Аполлонии IV в. до н. э.

И. Б. Зеест посвятила свой доклад раскопкам аполлонийского кургана (1958—1959 гг.). Прослежены три хронологических пласта насыпи: VI в. — начало V в. до н. э., V в. до н. э., IV—III вв. — начало II в. до н. э. Дан анализ одиннадцати различных обрядов погребения. К могилам VI—V вв. до н. э. относятся погребения в каменных саркофагах, пифосах, кремация в ямах; к могилам IV—II вв. до н. э. — сырцовые могилы, черепичные с кирпичным закладом, кремация, труположение в яме. Всего в кургане — 136 погребений. Докладу дана высокая оценка, замечания в прениях касались только частных вопросов. Были высказаны пожелания о дальнейшем уточнении классификации, выделении центрального погребения — сырцовой могилы с кремацией и сравнении с курганами Балканского полуострова.

Н. А. Онайко представила доклад «Мозаика комнаты Нереиды», в котором дается анализ одной из многочисленных мозаик богатого аполлонийского дома. Много внимания уделено композиции, состоящей из изображений морских мифологических персонажей и орнаментальных мотивов, а также технике исполнения. Мозаика относится ко времени Северов и характеризуется искусным соединением традиций эллинизма с приемами римского искусства. И. Д. Марченко и Н. А. Сидорова (ГМИИ) указали на недостаточный анализ изображений морского коня. Т. В. Блаватская (Институт истории АН СССР) и М. М. Кобылина предложили в большей степени, чем это было сделано докладчиком, использовать материал римских африканских городов и Олинфа.

Г. А. Цветаева прочла доклад на тему «Скульптуры из загородного аполлонийского дома», посвященный анализу и датировке фрагментов, вынутых из фундамента стены дома III—IV вв. н. э. Мраморная голова юноши определена как копия скульптуры круга Поликлета и датирована

I в. н. э. К произведениям местной работы причислены фигуры сидящих львов (первые века нашей эры) из известняка и известняковый акротерий (I в. до н. э.) с изображением Ники, приносящей в жертву быка. Высказано предположение о принадлежности памятников к аполлонийскому некрополю. Основные выводы доклада, касающиеся атрибуции и датировки, были приняты выступавшими. М. М. Кобылина и Н. М. Лосева предложили уделить больше внимания анализу техники рельефа Ники. М. М. Кобылина отметила большое влияние эллинистических традиций также в скульптурах львов. Н. А. Онайко и Н. М. Лосева высказались за необходимость сокращения круга аналогий. В. Д. Блаватский возражал против мнения об аттических чертах в изображении головы атлета (круга Поликлета).

М. М. Кобылина посвятила доклад раскопкам второго, после Аполлонии, объекта на территории Албании — «Раскопки в Орике в 1958 г.». Доклад содержал не только отчет о работах, но также монографическое исследование открытого театра. Возвышение мест для зрителей над орхестрой, по мнению докладчика, указывает на то, что театр был предназначен не только для театральных зрелищ, но и для гладиаторских боев. Аналогии — среди театров I—II вв. н. э. В архитектуре театра в Орике сильны эллинистические традиции, причем он сооружен на месте эллинистического театра, о чем свидетельствуют камни с надписями II в. до н. э. и архитектурные части вторичного использования. Замечания в прениях касались композиции доклада. Д. Б. Шелов предложил включить топографическое описание местности, на которой расположен театр. И. Т. Кругликова указала на необходимость более четкого определения камней с надписями, находящихся в постройке.

В 1959 г. вышли из печати труды античной конференции ИИМК в 1956 г. — «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху». Сборник, состоящий из текстов докладов, посвящен вопросам исторической периодизации, специфике развития городов и поселений в Северном Причерноморье, а также роли и характеру взаимоотношений с «варварским» населением. Кроме того, вышли из печати 30 статей сотрудников сектора по отдельным вопросам экономики, этноса и культуры в Северном Причерноморье, а также об итогах археологических и подводных исследований. Статьи опубликованы в «Вестнике Академии наук СССР», «Вестнике Московского государственного университета», «Советской археологии», «Кратких сообщениях Института археологии АН СССР» и др.

Г. А. Цветаева

2. СЕКТОР АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ В 1960 ГОДУ

В составе сектора — 10 научных сотрудников. Сектор продолжал работу над проблемой античных городов Причерноморья и их взаимоотношений с «варварскими» племенами.

Полевые работы в 1960 г. были очень плодотворными. Фанагорийской экспедицией (руководитель — М. М. Кобылина) впервые за советский период была раскопана большая группа античных курганов V—III вв. до н. э. (15 курганов).

Подводная экспедиция (руководитель — В. Д. Блаватский) обследовала архаическое поселение в Таганрогской бухте и затопленные кварталы Херсонеса в Карантинной бухте. В Кепях (руководитель — Н. И. Сокольский) открыта первая на территории азиатского Боспора античная оборонительная стена из сырцовых кирпичей. Установлен ряд новых данных о городской планировке Аполлонии (консультант — В. Д. Блаватский), открыты античные росписи и загородное святилище земледельческих божеств.

Д. Б. Шелов продолжал раскопки Танаиса (Нижнедонская экспедиция), где исследовались участки города III—I вв до н. э. и первых веков нашей эры. Одновременно велись работы на некрополе. И. Т. Кругликова провела раскопки в Анапе и Восточном Крыму.

Сектор организовал и провел конференцию по проблеме «Античный город, его экономика и культура». Прочитанные доклады касались более широкой территории (не только Северного Причерноморья) и были посвящены городам Средиземноморья, Кавказа, восточного эллинистического мира. Все доклады носили обобщающий характер¹.

В 1960 г. очень оживились научные связи с зарубежными странами. Сотрудники сектора провели чрезвычайно плодотворную научную экскурсию по Греции². На XI конгрессе историков В. Д. Блаватский выступил с докладом «Процесс исторического развития и историческая роль античных городов Северного Причерноморья». В научную командировку в Болгарию ездили Д. Б. Шелов и В. Д. Блаватский, в Румынию — И. Т. Кругликова.

На заседаниях сектора были заслушаны следующие доклады:

Д. Б. Шелов в докладе «Грунтовой некрополь Танаиса» изложил результаты обработки материалов из раскопок, проведенных Нижнедонской экспедицией в 1955—1958 гг. Открыто 114 погребений, большинство из них удалось датировать. Исследования погребального обряда приводят к выводу о тесном переплетении в Танаисе элементов греческой и меото-сарматской культур. В прениях отмечена правильность датировок и атрибуций, предложенных докладчиком. Было указано на необходимость привлечь материал из других некрополей — кубанских, таманских, фанагорийских и других.

Н. И. Сокольский в своем сообщении «Глиняные шкатулки» рассмотрел 18 глиняных ящиков, ранее трактованных К. Ватцнигером как модели деревянных саркофагов. Докладчик определил их как шкатулки, выделил различные типы, датировал их III в. н. э.

В выступлениях высказаны частные замечания о стиле, технике изготовления и назначении шкатулок.

Н. А. Онайко сделал доклад на тему «Античный импорт на территории Среднего Приднепровья в IV—III вв. до н. э.», который был продолжением ее аналогичных докладов, касавшихся более раннего времени. Дана характеристика торгового обмена у племен Среднего Приднепровья с античным миром и его роли в социально-экономическом развитии этих племен.

Замечания и возражения вызвал большой экскурс докладчика в область торевтики. В. Д. Блаватский указал на проблематичность некоторых вопросов. Им же было предложено смягчить тезис о посреднической роли кочевников в рассматриваемый период. В. В. Кропоткин отметил необходимость ввести в работу несколько дополнений, например, о денежном обращении, роли скифских купцов и т. п. Возражения вызвали также безоговорочное принятие докладчиком спорного положения о скифском государстве в IV—III вв. до н. э. (П. Д. Либеров) и утверждение о выделении типа ольвийской амфоры (И. Б. Зеест).

И. В. Яценко представлен доклад «Декоративная роспись здания Неаполя Скифского», в котором дана реконструкция многоцветной стеной росписи, датированной докладчиком концом I в.—началом II в. н. э. и имеющей много общего с росписью боспорских склепов. Установлены также аналогии с росписями домов римских провинций. Предложенная докладчиком реконструкция росписи не вызвала возражений. И. Б. Зеест рекомендовала больше внимания уделить технике штукатурки и нанесению рисунка. В. Д. Блаватский привел аргументы в пользу датировки памятника серединой или даже концом II в. н. э.

¹ Подробнее см. Г. А. Ц в е т а е в а. Конференция «Античный город». СА, 1961, № 3, стр. 320 и сл.

² См. М. М. К о б ы л и н а. Поездка по Греции. СА, 1961, № 2, стр. 315 и сл.

В. Д. Блаватский прочитал на секторе доклад «Античный город», предназначенный для конференции. Город рассматривается докладчиком в его становлении и развитии: начальный этап — ἀστὴ, как убежище для населения, затем — центр ремесла, торговли и иногда сельского хозяйства, а также центр политической и культурной жизни. Выделена роль афинской ἀρχή, сломившей полисную автаркию городов. Подъем протоэллинистических городов, развившихся позднее, был обусловлен контактом с «варварской» хорой. Завершающий этап в развитии античного города связан с римским периодом. В прениях были высказаны пожелания об усилении акцента на некоторых вопросах политической структуры (А. И. Болтунова), взаимоотношениях с «варварским» миром (Н. А. Онайко) и др.

И. Д. Марченко сделал доклад «К вопросу о догреческом Пантикапее», в котором освещены новые, частью не опубликованные ранние материалы из Пантикапея конца II—начала I тысячелетия до н. э. Они характеризуют роль различных племен — киммерийцев, колхов, тавров, скифов в ранней культуре Пантикапея.

В связи с подготовкой к печати I тома «Трудов Албанской экспедиции» были прочитаны доклады, посвященные исследованиям Аполлонии в 1958 г.³

И. Т. Кругликова представила доклад «Скульптура из раскопа F». Мраморный мужской бюст найден в жилом районе Аполлонии. По мнению докладчика, — это портрет Демосфена, перекопировка с флавиевской копии. Основные выводы И. Т. Кругликовой были приняты.

Н. И. Сокольский посвятил доклад раскопкам оборонительной стены Аполлонии. Вместе с данными отчетного порядка были высказаны соображения о реконструкции и характере стены в различные периоды ее существования. Таково положение о том, что каменный цоколь построен в IV в. до н. э., и, видимо, вся стена в это время была каменной, а позднее — кирпичной на каменном цоколе. Высота ее была не менее 10 м. С 229 г., когда Аполлония попала под власть Рима, стена потеряла оборонительное значение. Ряд возражений был сделан И. Т. Кругликовой, А. И. Болтуновой и Г. А. Цветаевой по поводу реконструкции стены IV в. до н. э. как стены полностью каменной. И. Б. Зеест и М. М. Кобылина возражали против мнения докладчика о заимствовании кирпича из Фракии.

Т. В. Блаватская сделала доклад «Раскопки верхнего города в Аполлонии Иллирийской в 1958 г.», который носил в основном также отчетный характер. Высказано предположение, что на «высоте 104» была открыта часть большого храма, возможно, — Аполлона. В раскопе С обнаружена оборонительная стена, собраны материалы о керамическом и металлургическом производствах.

Из прочих работ заслушаны два доклада аспиранта В. А. Анохина — «Монетное дело Херсонеса I—III вв. н. э.» и «Монетная серия Херсонеса времени Коммода». Докладчиком составлена точная хронологическая шкала для нескольких серий, ранее датированных очень суммарно. Установлена синхронность монет Тиры и Херсонеса начала правления Коммода. Данные нумизматики увязаны с политической историей.

Аспирант К. А. Качурис прочел доклад «К изучению территории Элевсина эпохи бронзы». Рассмотрен материал из некрополей II тысячелетия до н. э. В вопросе об изменениях погребального обряда докладчик отвел решающую роль внутреннему развитию, а не внешнему воздействию — иммиграции. Доклад, отвечающий требованиям аспирантского реферата, вызвал некоторые критические замечания.

На заседаниях сектора заслушаны также доклады проф. К. М. Михайловского (Варшава) — «О раскопках в Пальмире в 1960 г.», С. Дмитриу

³ Часть докладов о раскопках Аполлонии в 1958 г. была заслушана ранее; см. отчет о работе сектора за 1959 г.

(Бухарест) — «История эпохи архаики» и П. Александреску (Бухарест) — «О характере курганного некрополя Истрии эпохи архаики».

В 1960 г. вышла из печати большая работа И. Б. Зеест — «Керамическая тара Боспора». Среди опубликованных статей были посвященные общим проблемам развития государств Северного Причерноморья, статьи, касающиеся отдельных вопросов, и серия публикаций о результатах раскопок городов и поселений Северного Причерноморья и раскопок в Албании.

Г. А. Цветаева

3. ГРУППА АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ ЛОИА АН СССР В 1959 ГОДУ

Сотрудники группы в 1959 г. работали над одной проблемой — «Основные этапы и закономерности развития рабовладельческих отношений». В течение года были заслушаны следующие доклады:

М. И. Максимова сделала два доклада — «Три малоизвестных памятника из Артюховского кургана» и «Ювелирные изделия из Артюховского кургана». Докладчиком были подведены итоги исследования отдельных памятников из погребений Артюховского кургана; часть которых до того времени оставалась неопубликованной и неизученной. Некоторым из них дано иное толкование, чем предложенное в свое время Стефани. На основе углубленного анализа, с привлечением обширных аналогий, М. И. Максимова определила новую дату Артюховского кургана — III в. до н. э., в противовес ранее установленной. Автором высказано также мнение о наличии в Пантикапее в эллинистическое время ювелирной мастерской. Все положения докладчика единогласно приняты сотрудниками группы.

И. Б. Брашинский представил доклад «К вопросу о династических особенностях правления Спартокидов». Автор подчеркнул своеобразие Боспора, как государства этнически смешанного, что выразилось в государственном строе — в системе совместного правления двух братьев-царей (диархия) после смерти основателя династии Спартокидов — Спартока I, которому наследовали его старшие сыновья Селевк и Сатир. Совместное правление началось, по мнению докладчика, еще при жизни отца, под его верховной властью. Два старших сына участвовали в делах отца внутри государства и во внешних сношениях.

В. Ф. Гайдукевич прочел доклад «Аркадия и Боспор. (По поводу надписи IPE, II, 4)». По мнению В. Ф. Гайдукевича, из всех предложенных до сих пор, толкований фрагмента надписи наиболее вероятна интерпретация А. Бека, к которой в дальнейшем примкнули многие исследователи, в том числе и В. В. Латышев. Очевидно, это начальные строки копии почетного декрета, изданного Аркадским союзом в честь боспорского правителя Левкона I. Есть все основания думать, что декрет был издан в связи с поставками боспорского хлеба в Аркадию. Торговые связи между Аркадией и Северным Причерноморьем подтверждаются недавно найденным в Ольвии декретом о даровании проксении аркадянину Аристандру из города Орхомен. Совершенно не выдерживает критики попытка П. Фукара приписать разбираемую надпись (IPE, II, 4) городу Аркадии на о. Крите. Столь же неудачна точка зрения Гиллера фон Герtringена, предлагавшего рассматривать эту надпись как документ, отражающий пребывание в Пантикапее аркадских наемников на службе у Левкона I. Нет никаких аналогий, подтверждающих возможность издания наемниками почетных надписей, облеченных в форму декрета. Возможно, у Левкона I и были аркадские наемники, но надпись, несомненно, не имеет к ним отношения.

В. Ф. Гайдукевич прочел также второй доклад — «К вопросу о восстании Савмака. (В связи со статьей С. Я. Лурье в журнале «Meander», 1959, № 2)». В нем подвергнуты детальному анализу соображения, на основании которых С. Я. Лурье отвергает концепцию С. А. Жебелева о восстании

скифов на Боспоре в конце II в. до н. э. В. Ф. Гайдукевич показал всю несостоятельность доводов, требующих якобы отнесения слов *ἐκτρέφαντα αὐτόν* (в декрете в честь Диофанта) не к Савмаку, а к полководцу Диофанту. Крайне слабой выглядит и аргументация С. Я. Лурье относительно толкования *ἐκτρέφαντα* в смысле «восставшего свободного». Мнение С. А. Жебелева по этому вопросу представляется неизмеримо более убедительным. Достоин сожаления, что С. Я. Лурье некритически воспринял в статье рассуждения о принадлежности монет не Савмаку, а мифическому колхидскому царю Саулаку. Берлинским экземпляром монеты эта сомнительная версия начисто опровергается. В изложении хода событий, на основании данных декрета в честь Диофанта, С. Я. Лурье допущен ряд неточностей, искажающих историческую картину. В целом статья С. Я. Лурье ни в какой степени не опровергает основных положений С. А. Жебелева, хотя С. Я. Лурье и позволяет себе ее квалифицировать как «фантазию». В оживленном обсуждении доклада все выступавшие (В. В. Струве, А. И. Доватур, Д. П. Каллистов, М. И. Максимова и др.) присоединились к выводам В. Ф. Гайдукевича. Были высказаны дополнительные положения, подтверждающие отсутствие в статье С. Я. Лурье достаточно серьезных научных доводов, которые могли бы поколебать построение С. А. Жебелева. Вместе с тем была единодушно осуждена попытка С. Я. Лурье связать появление работы С. А. Жебелева с периодом господства школы Н. Я. Марра в области лингвистической науки.

С. И. Капошина в докладе «Новые исследования Кобякова городища» изложила итоги проведенных под ее руководством раскопок Кобякова городища и его некрополя, дала характеристику археологических материалов и стратиграфии культурных напластований городища, начиная с эпохи бронзы. Установлены границы поселения в разные периоды его существования и некоторые типы жилищ. Дано описание погребального инвентаря и основных типов захоронений некрополя (углубленно-овальные ямы и деревянные колоды). На основе изучения археологических материалов высказано предположение об этнической смешанности населения Кобякова городища в первые века нашей эры. Работа С. И. Капошиной дает представление об интенсивной жизни поселения в первые века нашей эры и о специфике развития культуры на Нижнем Дону в античное время.

А. Л. Якобсон прочитал главы III и IV своей монографии «Культура средневекового Крыма». В главе III автор отмечает перелом в экономической и политической жизни западной Таврики во второй половине IX в., обусловленный оживленными экономическими связями с печенегами и Русью, с одной стороны, и с Византией, — с другой. Отмечена высокая организация производства Таврики в IX—X вв., центром которого был Херсонес; подчеркнута большое значение византийской культуры и в художественном ремесле (поливная посуда с рельефными украшениями), и в архитектурном облике самого города. А. Л. Якобсон, останавливаясь также на сельских поселениях юго-западного Крыма и, основываясь на материалах своих раскопок в последние годы, охарактеризовал культуру этих поселений как очень архаичную и отсталую. В главе IV автор показал рост торговых городов восточного Крыма в XI—XIII вв. и появление полусамостоятельных феодальных княжеств в западном нагорье. Сказав, что в западном Крыму продолжала господствовать эллинизованная культура, центром которой оставался Херсон (Херсонес), докладчик подчеркнул большое значение в жизни края возродившихся к тому времени городков Эски-Кермен и Мангут. В заключение докладчик отметил крупную роль византийского Востока в формировании культуры средневекового Крыма.

Кроме докладов, в группе были заслушаны отчеты о полевой работе в 1959 г. Евпаторийского (А. Н. Карасев) и Средневекового отрядов (А. Л. Якобсон) Крымской экспедиции и Кобяковской экспедиции (С. И. Капошина).

На заседаниях группы сотрудники других учреждений сделали следующие доклады: А. И. Фурманская (Киев) — «Раскопки Тиры в 1958 г.», Н. Н. Угрелидзе (Тбилиси) — «К изучению производства стекла в Грузии», Н. И. Сокольский (Москва) — «Раскопки в Кепах», П. Н. Шульц (Симферополь) — «Раскопки Неаполя Скифского в 1959 г.», А. П. Иванова (Симферополь) — «Боспорские расписные стелы IV—III вв. до н. э.», О. И. Бич (Ленинград) — «А. А. Спицын и изучение керченских древностей», Э. И. Соломоник (Симферополь) — «Новые эпиграфические памятники Херсонеса», Г. Ф. Турчанинов (Ленинград) — «Из скифо-сарматской эпиграфики юга России», Д. Б. Шелов (Москва) — «Некрополь Танаиса», В. Э. Кунин (Керчь) — «Клад боспорских монет III в. н. э., найденный на Таманском полуострове».

В 1959 г. работали археологические экспедиции. Боспорская экспедиция (руководитель — В. Ф. Гайдукевич) раскапывала античные города Илурад и Мирмекий на Крымском полуострове. Ольвийской экспедицией (руководитель отряда — Е. И. Леви) велись раскопки Ольвийской агоры и темноса. Кобяковская экспедиция (руководитель — С. И. Капошина) работала на Кобяковом городище (слои первых веков нашей эры) и на поселении, существовавшем на территории городища в эпоху бронзы. Велись также раскопки грунтового некрополя Кобякова городища первых веков нашей эры и кургана «Гиреева могила». Байдарский отряд Крымской экспедиции (руководитель — А. Л. Якобсон) раскапывал средневековые сельские поселения в районе Байдарской долины. Скифский отряд Крымской экспедиции (руководитель — А. Н. Карасев) продолжал раскопки Неаполя Скифского и городища около санатория «Чайка» близ Евпатории.

Е. Г. Кастанаян

4. СЕКТОР СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА В 1960 ГОДУ

Сектор Средней Азии и Кавказа — наиболее многочисленный в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР (18 человек). Тематика его работ очень разнообразна — она включает археологию и историю Средней Азии, Кавказа, Сибири и Поволжья. Чрезвычайно широк и хронологический диапазон изучаемых памятников — начиная с IV тысячелетия до н. э., кончая эпохой средневековья, вплоть до XIV—XV вв. Согласно семилетнему плану Института продолжали разрабатываться две основные проблемы: «Происхождение человека и история первобытного общества» (Б. Б. Пиотровский, А. А. Иессен, К. Х. Кушнарера, В. С. Сорокин, В. П. Шилов, В. М. Массон, Ю. А. Заднепровский, И. Н. Хлопин, Г. А. Максименков и др.) и «Генезис феодализма и развитие различных форм феодальных отношений» (А. М. Беленицкий, С. И. Руденко, А. М. Мандельштам, О. Г. Большаков, А. А. Гаврилова). Кроме того, шла работа над двумя выпусками Свода археологических источников СССР — «Памятники афанасьевской культуры» (М. П. Грязнов) и «Неолитические памятники Казахстана» (С. С. Черников совместно с А. А. Формозовым).

С. И. Руденко завершил монографию «Культура хуннов», в которой автор привлекает сведения китайских летописных источников, материалы из раскопок поселений и могильников Забайкалья, а также погребений знати Северной Монголии. В монографии приводится достаточно полное описание Ноин-улинских курганов, воссоздаются полукочевой образ жизни хуннов, их жилища, транспорт, одежда, искусство; отражаются связи с другими странами (Китаем и Малой Азией). Автор приходит к выводу, что «общество хуннов было классовым, с устойчивыми пережитками родового строя; патриархальные стороны рабовладения находились в нем уже в полном разложении, а зачатки феодализма только что появлялись».

В. С. Сорокин закончил исследование «Могильник бронзовой эпохи Тасты-бутак I в Западном Казахстане». На заседаниях сектора им было сделано несколько докладов по отдельным главам монографии. Это первая полная публикация андроновского могильника, раскопанного автором целиком. В монографии даются описание материала, тщательный анализ обряда погребения и инвентаря могильника и на основе изучения некоторых особенностей обряда делается вывод о характере развития социальных отношений и семьи. В результате изучения орнамента на керамике автор уточняет относительную хронологию памятников андроновской культуры.

А. М. Беленицкий продолжает работу над монографией «Культура древнего Пенджикента». Пользуясь материалами многолетних раскопок, а также данными письменных источников, автор освещает различные стороны материальной и духовной жизни древнего Согда. В докладе на тему «Похоронная обрядность Шахнамэ» А. М. Беленицкий воссоздан сложный обряд погребения (бальзамирование и оплакивание покойников). При этом широко использованы текст Шахнамэ и некоторые памятники изобразительного искусства Индии, Восточного Туркестана и Средней Азии, в частности — Пенджикента. С материальной культурой Согда связан доклад А. М. Беленицкого и И. Б. Бентович «Об идентификации ткани „занданечи“», в котором авторы сделали попытку отождествления этого сорта ткани с тканями, известными и по памятникам изобразительного искусства Согда VI—VIII вв. н. э. (Пенджикент).

В. П. Шилов подготавливает монографию «Очерки по истории племен Нижнего Поволжья», построенную на материалах своих раскопок. Автор дает сводку и историческую интерпретацию археологических памятников Поволжья сарматского времени.

В. М. Массон работает над монографией «Происхождение раннеземледельческих культур Средней Азии и Ирана», в основном используя материалы своих раскопок в последние годы многочисленных поселений эпохи неолита в Южной Туркмении. Им прочитан доклад по разделу «Памятники джейтунской культуры». При раскопках одного из ранних памятников этой культуры — поселения Джейтун установлена его планировка. Это был родовой поселок с однокомнатными жилыми домами, где обитала парная семья. Судя по последним раскопкам на Ближнем Востоке (Иерихон, VII—VI тысячелетия до н. э.), наиболее ранние поселения земледельцев также состояли из однокомнатных домов.

И. Н. Хлопин, работающий над монографией «Племена раннего энеолита Южной Туркмении», в которой будет дана историко-культурная характеристика энеолитических поселений, прочел доклад о раскопках одного из таких поселений — Ялангач-депе.

Ю. А. Заднепровский сделал доклад «Орнамент расписной керамики чувского типа», в котором рассмотрены орнаментальные мотивы древней керамики Ферганы. Изучение их и сопоставление с керамикой Ирана и Южной Туркмении эпохи неолита и энеолита позволило автору сделать вывод о генетической связи чувской культуры с культурами древнейших цивилизаций Ирана и Туркмении.

В работе А. А. Иессена «Ранний бронзовый век Кавказа», в результате проведения большой серии анализов металлических предметов, выделяется определенный этап в историко-культурном развитии древнейших племен Кавказа.

К. Х. Кушнарера представила статью «Хаджалинский могильник в свете новых исследований» с исчерпывающей публикацией всех материалов, связанных с одним из наиболее ярких памятников Кавказа эпохи бронзы — Хаджалинским могильником.

На основе вновь открытых материалов разрешен вопрос о датировке этого могильника.

Г. А. Максименков в докладе «Новые данные по археологии района Красноярска», в противовес принятой раньше точке зрения о постоянном отставании древних жителей района Красноярска от жителей Минусинской котловины, пришел к выводу, что в этом районе существовал своеобразный вариант карасукской культуры.

Продолжали работы А. М. Мандельштам — «Тулхарский могильник (Таджикистан), О. Г. Большаков — «Жилой квартал Пенджикента», А. А. Гаврилова — «Погребения поздних кочевников в Волгоградской области». Начата работа над коллективными трудами «Археология Средней Азии» (редактор — А. М. Беленицкий, авторы — О. Г. Большаков, А. М. Мандельштам, В. М. Массон, И. Н. Хлопин) и «Бронзовый век Сибири» (редактор — М. П. Грязнов, авторы — С. С. Черников, В. С. Сорокин, Г. А. Максименков). На заседаниях сектора заслушивались и обсуждались также отчеты по экспедиционным работам и доклады сотрудников других учреждений.

К. Х. Кушнарeva

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический съезд
ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина
ДТММ — Древности Теджен-Мургабского междуречья
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН КазССР — Известия Академии наук КазССР
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИ АН КирССР — Институт истории Академии наук КирССР
ИИАЭ АН ТаджССР — Институт истории, археологии и этнографии Академии наук
ТаджССР.
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАР — Материалы по археологии России
МГУ — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчет Археологической комиссии
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ХГУ — Харьковский государственный университет
ЦНИГРИ — Центральный научно-исследовательский геологоразведочный институт
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
АРАМNH — Anthropological Papers of the American Museum of Natural History
JNES — Journal of Near Eastern Studies
MDP — Mémoires de la Délégation en Perse, Paris

СОДЕРЖАНИЕ

1. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

В. М. М а с с о н. Восточные параллели убейдской культуры	3
Обсуждение доклада В. М. Массона (В. И. Марковин)	13
И. Н. Х л о п и н. Изображение креста в древнеземледельческих культурах Южной Туркмении	14
В. И. С а р и а н и д и. Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений Геокюрского оазиса	22
Е. Н. Ч е р н ы х. Некоторые результаты изучения металла анауской культуры	30

II. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т. Г. О б о л д у е в а. Раскопки 1960 года на городище Эйлатан	38
О. В. О б е л ь ч е н к о. Бронзовые зеркала Лявандакского могильника	48
В. С. С о р о к и н. Жилища поселения Тасты-бутах	51
К. А. А к и ш е в. Шестой Бешатырский курган	61
Э. В. Х а н з а д я н. Лчашенский курган № 6	66
Б. А. Ш р а м к о. Новые данные о добыче железа в Скифии	72
Д. Б. Ш е л о в. Работы Нижнедонской экспедиции в 1960 году	78
Н. И. С о к о л ь с к и й. Раскопки в Кехах в 1960 году	83
А. В. К и р ь я н о в. Материалы по земледелию из раскопок античных поселений Боспора	92
Н. П. С о р о к и н а. Раскопки некрополя в Кехах в 1959—1960 годах	98

III. ХРОНИКА

Работа секторов и групп Института археологии АН СССР

1. Сектор античной археологии в 1959 году (Г. А. Цветаева)	107
2. Сектор античной археологии в 1960 году (Г. А. Цветаева)	111
3. Группа античной археологии ЛОИА АН СССР в 1959 году (Е. Г. Кастанаян)	114
4. Сектор Средней Азии и Кавказа в 1960 году (К. Х. Кушнарева)	116
Список сокращений	119

**Краткие сообщения о докладах
и полевых исследованиях Института археологии,
вып. 91**

Древние культуры юга СССР
Утверждено к печати Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор издательства М. Г. Воробьева Технический редактор Г. С. Симкина

РИСО АН СССР № 117-88В. Сдано в набор 12/V 1962 г. Подп. к печ. 30/VIII 1962 г. Формат 70 × 108^{1/16}.
Печ. л. 7,5 + 1 вкл. Усл. печ. л. 10,27 + 1 вкл. Тираж 1300 экз. Т-10246. Изд. № 791. Тип. зак. № 738.

Цена 59 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства. Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Опечатки и исправления

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
22	11 св.	соображения	сооружения
22	13 сн.	культовое (?)	культовое
40	2 сн.	гуваля (промазка);	гуваля;
41	3 св.	13 м	1,30 м
45	5 св.	горевшим	прогоревшим